

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

2014

№ 1 (16)

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор

Заместитель главного редактора

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук

Главный редактор серии

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора серии

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Бехруз Хаширатула Набиевич, доктор юридических наук, профессор

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Корнич Борис Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Липень Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Решетов Юрий Сергеевич, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Сардарян Карен Гекторович, кандидат юридических наук

Сырых Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:

Е.А. Погожева

Технический редактор:

Е.А. Погожева

Адрес редакции: 445667, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Тел./факс: (8482) 22-96-36
vn-tgu-pravo@yandex.ru
[http:// www.tltsu.ru](http://www.tltsu.ru)

Подписано в печать 01.04.2014.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 16,7.

Тираж 500 экз. Заказ 2-03-14.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор серии

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместитель главного редактора серии

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», Нижний Новгород, Россия);

Бехруз Хаширатула Набиевич, доктор юридических наук, профессор (Национальный университет «Одесская юридическая академия», Одесса, Украина);

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия);

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина, Россия);

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (начальник отдела аналитического управления Государственной думы РФ, Москва, Россия);

Корнич Борис Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Национальный университет «Одесская юридическая академия», Одесса, Украина);

Липень Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент (Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Белоруссия);

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Россия);

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия);

Решетов Юрий Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия);

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Самарский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний, Россия);

Сардарян Карен Гекторович, кандидат юридических наук (Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, Ереван, Армения);

Сырых Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Академия правосудия РФ, Москва, Россия);

Хабибуллин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (Академия экономической безопасности МВД Российской Федерации, Москва, Россия);

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор, (Институт экономики, управления и права, Казань, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДМЕТА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	7
<i>Александров И.А.</i>	
ОБ ИСТОРИИ И ПРИЧИНАХ РАСФОРМИРОВАНИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ.....	9
<i>Антошкина А.В.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	12
<i>Варданян В.М.</i>	
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА НА АРЕНДУ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ.....	16
<i>Веселова О.С.</i>	
ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	19
<i>Воробьева О.А.</i>	
СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ.....	25
<i>Гавронов А.А.</i>	
СУДЕБНАЯ ДЕПОНАЦИЯ ПОКАЗАНИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ).....	27
<i>Гамбарян А.С., Оганесян А.А.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, ПОШЛИН ИЛИ ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ.....	31
<i>Гежгян А.С.</i>	
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА.....	35
<i>Югин А.А.,</i>	
КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	39
<i>Ерзикова Е.А.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В РФ.....	41
<i>Запорощенко А.М.</i>	
К ВОПРОСУ О РОЛИ ФУНКЦИЙ МЕР ЗАЩИТЫ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	43
<i>Иванов В.В.</i>	
СООТНОШЕНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ И КАРАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	46
<i>Кабанов П.А.</i>	
ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	49
<i>Луцкая Т.А.</i>	
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	52
<i>Лучков В.В.</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С РЕГУЛЯТИВНОЙ, ПРЕВЕНТИВНОЙ И КАРАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЕЙ.....	54
<i>Мелкумян М.Г.</i>	
ОБЯЗЫВАЮЩАЯ СИЛА ЮДИКАТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....	57
<i>Микелсоне Г.В.</i>	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА.....	60
<i>Ожегова Г.А.</i>	
РЕЛИГИОЗНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ.....	64
<i>Путилкин П.А.</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЕМНОГО ТРУДА В РОССИИ	66
<i>Репетева О.Е.</i>	
КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	68
<i>Репетева О.Е.</i>	
О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА.....	70
<i>Репетева О.Е.</i>	

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) X-XX ВВ.	74
<i>Савельев Ю.М.</i>	
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.....	77
<i>Сафонова Ю.О.</i>	
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И СОСТАВА ПРАВОНАРУШЕНИЯ.....	79
<i>Святкин М.С.</i>	
КОНКРЕТИЗАЦИЯ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В ЛАТВИИ.....	81
<i>Слацьке Г.В.</i>	
К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	84
<i>Снежко А.С.</i>	
К ВОПРОСУ О ВЕРХОВЕНСТВЕ ЗАКОНА КАК ПРИНЦИПЕ ЗАКОННОСТИ.....	86
<i>Станкин А.Н.</i>	
К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЗАКОНА ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ.....	89
<i>Станкин А.Н.</i>	
ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	93
<i>Степанова В.В.</i>	
МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	96
<i>Тугушева Е.В., Поплавская Н.Н.</i>	
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ.....	98
<i>Фролов М.В.</i>	
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОБЩЕРЕГУЛЯТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	101
<i>Харланова С.Ю.</i>	
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ.....	103
<i>Хаснутдинов Р.Р.</i>	
ПОЗИТИВНАЯ И РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.....	106
<i>Хачатуров Р.Л.</i>	
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	109
<i>Цагикян С.Ш., Зограбян Н.Ю.</i>	
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССОВ.....	113
<i>Чуклова Е.В.</i>	
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....	116
<i>Чуклова Е.В., Кривицкий В.В.</i>	
ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	119
<i>Чурюкина Е.М.</i>	
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	121
<i>Юмаева Р.Р.</i>	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	123
<i>Янгунаева Ю.И.</i>	
К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	126
<i>Мелкумян М.Г.</i>	
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ.....	129
<i>Николаева М.Ю.</i>	
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ПРАВА	131
<i>Джалилов Э.А.</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	135
<i>Джалилов Э.А., Козлова Е.А.</i>	
НАШИ АВТОРЫ.....	137

CONTENTS

TO THE QUESTION OF METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY OF THE SUBJECT HISTORY OF STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES.....	7
<i>Alexandrov I.A.</i>	
ABOUT THE HISTORY AND CAUSES OF THE DISSOLUTION OF THE TAX POLICE.....	9
<i>Antoshkina F.V.</i>	
FEATURES PROCEDURAL STATUS.....	12
<i>Vardanyan V.M.</i>	
THE LEGAL GROUNDS FOR THE CONCLUSION OF THE CONTRACT ON THE LEASE OF BUILDINGS AND STRUCTURES.....	16
<i>Veselova O.S.</i>	
THE LEGAL STATUS OF THE JUDICIARY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE	19
<i>Vorobyova O.A.</i>	
THE SYSTEM OF STATE BODIES ON COMBATING EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS	25
<i>Gavrikov A.A.</i>	
JUDICIAL DEMONACY EVIDENCE IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION (COMPARATIVE ANALYSIS).....	27
<i>Ghambaryan A.S., A. Oganessian</i>	
CRIMINAL-LEGAL FEATURES OF TAX EVASION, DUTIES OR OTHER MANDATORY PAYMENTS.....	31
<i>Gergen A.S.</i>	
TO THE QUESTION OF THE FORMS OF REALIZATION OF STATE FUNCTIONS.....	35
<i>Gogin A.A.</i>	
CORPORATE RELATIONS IN THE LIGHT OF THE REFORM OF THE CIVIL LEGISLATION.....	39
<i>Artikova E.A.</i>	
SOME PROBLEMS OF CREATING A UNIFIED INVESTIGATIVE BODY IN THE RF.....	41
<i>Superamento A.M.</i>	
TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF THE FUNCTIONS OF PROTECTION MEASURES IN THE MECHANISM FOR ENSURING LEGAL SECURITY.....	43
<i>Ivanov V.V.</i>	
A RATIO OF REGULATORY AND PUNITIVE FUNCTIONS LEGAL RESPONSIBILITY.....	46
<i>Kabanov P.A.</i>	
THE LEGAL REPRESENTATIVE OF THE JUVENILE SUSPECT AND THE ACCUSED IN A CRIMINAL PROCESS.....	49
<i>Lutsk T.A.</i>	
THE LEGAL RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT.....	52
<i>Luchkov V.V.</i>	
INTERACTION OF EDUCATIONAL FUNCTION OF LEGAL RESPONSIBILITY WITH REGULATORY, PREVENTIVE AND PUNITIVE FUNCTION.....	54
<i>Melkumian M.G.</i>	
BINDING FORCE OF THE CASE-LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS.....	57
<i>Mikelsone G.V.</i>	
THE DEFINITION OF CONSUMER EXTREMISM.....	60
<i>Ozhegova G.A.</i>	
RELIGIOUS AND LEGAL RESPONSIBILITY: THE PROBLEM OF CORRELATION.....	64
<i>Putilin P.A.</i>	
LEGAL REGULATION OF CONTINGENT LABOR IN RUSSIA	66
<i>Repetive O.E.</i>	
CLASSIFICATION OF LEGAL RESPONSIBILITY	68
<i>Repetive O.E.</i>	
ON CIVIL LIABILITY FOR VIOLATIONS LABOUR.....	70
<i>Repetive O.E.</i>	
FORMATION OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY (INSOLVENCY) OF THE X-XX CENTURIES.	74
<i>Saveliev Y.M.</i>	

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF PHYSICAL EVIDENCE.....	77
<i>Safonova J.O.</i>	
TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE OFFENSE AND THE OFFENSE.....	79
<i>Svyatkin M.S.</i>	
THE SPECIFICATION OF THE GENERAL PRINCIPLES OF LAW IN CRIMINAL LAW IN LATVIA.....	81
<i>Slanke G.V.</i>	
TO THE QUESTION OF LEGAL LIABILITY AS GUARANTEES OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS.....	84
<i>Snezhko A.S.</i>	
TO THE QUESTION ABOUT THE RULE OF LAW AS THE PRINCIPLE OF LEGALITY.....	86
<i>Stankin A.N.</i>	
TO THE QUESTION ABOUT THE MEANING OF THE LAW FOR THE RESOLUTION OF CONFLICTS IN LAW.....	89
<i>Stankin A.N.</i>	
FINANCIAL LIABILITY IS INDEPENDENT TYPE LEGAL LIABILITY.....	93
<i>Stepanov V.V.</i>	
THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL-PROCEDURAL RESPONSIBILITY.....	96
<i>Tugusheva E.V., Poplavskaya N.N.</i>	
TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY	98
<i>Frolov M.V.</i>	
TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF ABDURASULOVICH RELATIONS.....	101
<i>Harlanova H.E.</i>	
THE TERRITORIAL LIMITS OF LEGAL LIABILITY FOR THE OFFENCE.....	103
<i>Husnutdinov R.R.</i>	
POSITIVE AND RETROSPECTIVE LEGAL RESPONSIBILITY.....	106
<i>Khachaturov R.L.</i>	
THE DISTINCTION BETWEEN CRIMES ON GROUNDS OF SPECIAL SUBJECT OF THE CRIME.....	109
<i>Tsaghikyan N., Zohrabyan P.</i>	
PROCEDURAL RESPONSIBILITY AS A TOOL OF PROTECTION OF CONSTITUTIONAL AND LEGISLATIVE PROCESSES.....	113
<i>Chuklova E.V.</i>	
PROCEDURAL RESPONSIBILITY IN THE MEASURES OF PROCEDURAL COERCION	116
<i>Chuklova E.V., Krivitsky V.V.</i>	
THE CONCEPT OF CIVIL LIABILITY.....	119
<i>Turukina E.M.</i>	
TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF LEGAL LIABILITY.....	121
<i>Jumaeva R.R.</i>	
THE DEFINITION OF THE CONCEPTS AND FEATURES OF THE LEGAL RESPONSIBILITY.....	123
<i>Yangunaeva Y.I.</i>	
TO THE QUESTION ABOUT THE STRUCTURE OF EDUCATIONAL FUNCTIONS LEGAL LIABILITY.....	126
<i>Melkumian M.G.</i>	
ON THE LEGAL NATURE OF THE GROUNDS FOR TERMINATION OF THE CRIMINAL PROSECUTION ABOUT CRIMES COMMITTED IN THE ECONOMIC SPHERE.....	129
<i>Nikolaeva M. Y.</i>	
THE LEGAL RESPONSIBILITY OF POLITICAL PARTIES AS AN INTER-INSTITUTE OF LAW	131
<i>Jalilov E.A.</i>	
LEGAL REGULATION OF PROTECTION OF TRADEMARKS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA.....	135
<i>Jalilov E.A., Kozlova E.A.</i>	
OUR AUTHORS.....	137

УДК 340

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДМЕТА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

© 2014

Александров И.А., аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной статье исследуются вопросы, касающиеся закономерностей возникновения, развития и упадка государств и правовых систем. В частности, данные вопросы рассматриваются в контексте формационного, цивилизационного, синергетического подходов, а также идей о смысле жизни.

Ключевые слова: общественные закономерности; стадийность развития государств и правовых систем; смысл жизни; система ценностей; периодизация.

В учебной и научной литературе касательно вопроса о предмете истории государства и права зарубежных стран довольно распространена точка зрения, согласно которой данная категория представляет собой (по крайней мере, отчасти) закономерности возникновения, становления и упадка государств и соответствующих им правовых систем [1, с. 5; 2].

Данное представление, как и впрочем, и ряд других, далеко не бесспорно. Несомненно, в рамках истории государства и права может быть выделено достаточно большое количество разнородных закономерностей, например, «закономерность тесной связи государства и права с жизнью общества» [1, с. 13], которую бессмысленно отвергать. Вместе с тем, возникает вопрос: следует ли трактовать подобные положения как специфические закономерности или это стандартная характеристика, присущая взаимодействию части (государство, право) и целого (общество)? Однако куда более дискуссионны и неоднозначны утверждения о закономерностях, связанных со стадийностью развития государств и правовых систем и соответствующей периодизацией.

В этой связи интерес представляют суждения такого рода: «И. Кант, В. Виндельбанд, Г. Риккерт утверждали, что никаких объективных законов в обществе нет и быть не может, ибо здесь все явления носят индивидуальный характер, а следовательно, в обществе нет и объективных законов, которые по своей природе фиксируют лишь устойчивые и повторяющиеся связи между явлениями и процессами» [3, с. 10]. Как отмечает А.И. Косарев, в западной литературе широкое распространение получили взгляды и представления, «непомерно преувеличивающие» роль свободы воли в историческом процессе, и именно свобода воли рассматривается как решающий фактор, определяющий индивидуальность исторических событий [3, с. 10].

В качестве концепций иного толка можно упомянуть, например, пятичленную формационную теорию, сложившуюся в советской науке, в рамках которой исторический процесс понимался как закономерная, объективно обусловленная, естественноисторическая смена общественно-экономических формаций, начиная с первобытной и заканчивая коммунистической [4, с. 97]

(вместе с тем, в трудах собственно К. Маркса и Ф. Энгельса можно встретить следующее утверждение: «Мы не обнаруживаем исторических закономерностей, которые действовали бы всегда и везде» [3, с. 10]). К данной разновидности концепций вполне могут быть отнесены и воззрения об историческом развитии государственно-правовой сферы как о постепенно прогрессирующей реализации состояния свободы или республиканской формы правления [3, с. 10]. С этих позиций любопытно приводимое Т.Е. Новицкой заявление японского ученого Ф. Фукуямы (некоторое время проработавшего в Госдепартаменте США) о том, «что история как движение закончилась, поскольку в мире окончательно (знаем мы цену этим «окончательно»!) восторжествовали идеи Запада – либеральная демократия и потребительская культура» [4, с. 100].

Нам бы хотелось более подробно остановиться на концепции А.И. Косарева, связанной с выделением в историческом процессе «духовного начала, гармонии». Данный автор указывает: «человечество существует в космосе для того, чтобы соединять материальное и духовное, облагораживать, украшать безжизненную материю, наполнять ее человеческим, духовным содержанием и тем вести к постижению высших форм и гармонии, точнее, к гармонии высших форм» [5].

Государство и право рассматриваются в качестве средства постижения смысла жизни, которое призвано оберегать и способствовать движению народов к исполнению своего предназначения. В свою очередь, достижение высших форм и гармонии – великая цель каждого народа и всего человечества. Понимание смысла жизни организует деятельность государства, формирует образ жизни, качество жизни и судьбы народов. «Для кого Бога нет, тому следовать Высшему закону – долг, честь и смысл жизни» [5].

Однако при таком подходе к историческому процессу следует обращать пристальное внимание на религиозно-философские взгляды самого исследователя, его принадлежность к той или иной цивилизации. Так, атеистические, материалистические воззрения, доведенные до своего логического завершения вполне могут расцениваться как учение о случайности, а следовательно, и бес-

смысленности существования человеческого общества и всего окружающего мира. Другой пример: с точки зрения радикального гедонизма жизнь большинства людей, в которой «сумма» страданий превосходит «сумму» наслаждений, ничего не стоит, поэтому такой гедонист, как Гегесий, советовал людям лишать себя жизни [6, с. 157].

Если же говорить о культурной принадлежности исследователей, то весьма интересны представления ряда европейских ученых (в том числе, придерживающихся христианского вероучения), именующих йогу «искусством смерти, термоядерным оружием индуизма в его войне против жизни. Действительно, если христианин готовится к смерти, чтобы воскреснуть и жить вечно со Христом, то йогин посвящает всю жизнь тому, чтобы умереть совершенно и навсегда (или еще короче: христианин умирает, чтобы жить, а йогин живет, чтобы умереть)» [7].

Вероятно, следует согласиться с мнением индийского философа права С.П. Сингхи, которое состоит в том, что «вероятность успеха программ, нацеленных на изменение культур всего мира, равна нулю... многообещающая система прав человека должна скорее приспособиться к всемирной множественности систем ценностей, чем бороться за формирование однородной системы для народов всего мира» [8, с. 13]. Таким образом, сложно говорить о наличии некой единой цели, к которой должны прийти различные общества, а соответственно и каких-либо закономерных стадиях, существующих на этом пути.

Здесь можно упомянуть о сравнении цивилизационного и формационного подходов применительно к истории государства и права зарубежных стран, в частности к истории «государства и права Востока». Например, называются следующие стороны первого из названных подходов:

1) его принципы применимы к истории любой страны или группы стран со сложным общественным строем, который может быть труден для понимания исследователями, использующими формационный подход, не учитывающий специфики восточных стран;

2) дает представление об истории как о нелинейном и многовариантном процессе;

3) данный подход отводит приоритетную роль в историческом процессе «духовно-нравственному и интеллектуальному факторам», что приводит «к абстрагированию от материального производства как второстепенного фактора» [9, с. 44, 46].

Также отмечается, что ограниченность формационного и цивилизационного подходов к истории можно преодолеть посредством синергетического подхода, основанного на таких понятиях, как нелинейность, непредсказуемость, альтернативность развития. В качестве характерных черт этой концепции называются «признание самостоятельного статуса и чрезвычайно важной роли случайности; радикальное переосмысление характера соотношения случайности и необходимости; отрицание принципа запрограммированности развития первоначально заданными условиями». Подчеркивается, что сочетание синергетического подхода «как общего нелинейного подхода и цивилизационного подхода, применимого только к общественным системам, дает более широкие возможности для раскрытия многовариантности в истории» [10, с. 124].

В практическом плане вышеизложенное в определенной мере касается структуры курса «История государства и права зарубежных стран», которую можно организовать не только и не столько на основе соответствующих временных периодов (Древний Мир, Средневековье, Новое и Новейшее Время), но и руководствуясь принадлежностью государств и правовых систем к различным цивилизациям (например, лекция по истории китайского государства и права, начиная с их возникновения и заканчивая современным периодом). В определенном аспекте вышесказанное подтверждает выделение в качестве отдельной учебной дисциплины истории отечественного государства и права. Помимо всего прочего такая организация учебного процесса позволит более полно и системно изучить генезис соответствующих государственно-правовых образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран: Учебник / А.И. Косарев. — 2-е изд. — М.: ИД Юриспруденция, 2007. — 376 с.

2. Косарев А. О предмете истории государства и права в «классическом учебнике» [Электронный ресурс] // Юридическое образование и наука. — 2006. — № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: версия «Проф», раздел «Пресса и книги» (дата обращения 25.06.2011 г.).

3. Косарев А.И. О закономерностях развития в истории государства и права // Государство и право. — 2007. — № 4. — С. 10 — 17.

4. Новицкая Т.Е. Некоторые проблемы методологии исследования истории государства и права // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2003. — № 3. — С. 75 — 104.

5. Косарев А.И. Смысл жизни в природе, обществе, назначении государства и права [Электронный ресурс] // Российский юридический журнал. — 2010. — № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: версия «Проф», раздел «Пресса и книги» (дата обращения 25.06.2011 г.).

6. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Пер. с англ. В.И. Кузнецова; Под ред. С.Б. Крымского. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 800 с.

7. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. — 3-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=author&id=43> (дата обращения: 26.11.2008).

8. Крашенинникова Н.А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2007. — № 6. — С. 3 — 27.

9. Пристанский И.С. Цивилизационный и формационный подходы в науке истории государства и права: достоинства и недостатки // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2007. — № 6. — С. 44 — 46.

10. Иванова Р.М. О формационном и цивилизационном подходе и совершенствовании научно-теоретического уровня исторических исследований // Вестник Академии права и управления. — 2012. — № 28. — С. 122 — 126.

TO THE QUESTION ABOUT METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE RESEARCH OF THE SUBJECT OF THE HISTORY OF STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES

© 2014

Alexandrov I.A., post-graduate student
Togliatty State University, Togliatty (Russia)

Annotation: In this article the problems, connected with the regularities of the origin, development, decline of the states and legal systems, are investigated. In particular, these issues are considered in the context of formation-based, civilized, synergetic approaches and the ideas about the meaning of life.

Keywords: social patterns; process of state and law development; meaning of life; system of values; periodization.

УДК 343.1

ОБ ИСТОРИИ И ПРИЧИНАХ РАСФОРМИРОВАНИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ

© 2014

Антошкина А.В., студент Института Права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Серьезные преобразования в системе правоохранительных органов Российской Федерации вызывают необходимость обращения к историческому опыту существования в России специализированных органов по борьбе с отдельными видами преступлений и его критического осмысления.

Ключевые слова: ФСНП, Налоговая Полиция, Федеральная служба Налоговой Полиции, налоговые преступления.

Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации (ФСНП), как подчиненный непосредственно Президенту РФ специализированный правоохранительный федеральный орган исполнительной власти, обеспечивающий законность и правопорядок в сфере налоговых и связанных с ними правоотношений, действовал в период с 1992 по 2003 год. Обращение к причинам создания, формам и итогам деятельности ФСНП представляется в настоящее время актуальным в связи с инициативой организации в стране нового органа - финансовой полиции, которую в 2011 году высказал Председатель СК РФ Александр Бастрыкин [1]. Предложение о создании нового органа, внесенное А. Бастрыкиным в администрацию Президента РФ, было встречено волной негатива и критикой со стороны представителей многих ведомств (Представители Президента РФ, ФСБ, МВД, ФНС, Министерства Финансов, Генпрокуратуры). В частности, высказывались мнения о том, что создание финансовой полиции стоит расценивать как возрождение уже ранее существовавшей налоговой полиции [2], которая, как стоит напомнить, в 2003 году указом Президента РФ была расформирована без объяснения причин. Отсутствие официальной причины роспуска данного ведомства создает поле для научных и политических дискуссий и выдвижения множества версий о возможных предпосылках и мотивах упразднения. Многие из них окрашены резко негативно.

Почему опыт существования налоговой полиции

рассматривается в настоящее время через призму жесткой критики и категорического отвержения? Несмотря на положительный опыт зарубежных стран, в которых по сей день функционируют специализированные органы по борьбе с налоговыми преступлениями (Итальянская Финансовая Гвардия («Guardia di Finanza»), Немецкая налоговая полиция («Steufa»), американская Служба внутренних доходов (Internal Revenue Service, IRS), Финансовая Полиция Казахстана и пр.), в России подобная инициатива не встречает должной поддержки у представителей властных структур. Для осмысления причин этого феномена стоит обратиться к историко-правовому анализу существования органов ФСНП в России, выявить причины ее возникновения, динамику развития и обобщить высказанные в СМИ возможные причины ее расформирования.

Изучение истории существования налоговой полиции в отечественной науке носит разрозненный характер. Подобные исследования можно встретить в работах А.Г. Молчанова [3], М.С. Борзенко [4], Л.М. Борисова [5], Т.Н. Еременко [6], но, тем не менее, комплексное исследование генезиса органов налоговой полиции на территории РФ на сегодняшний день отсутствует. Обратившись к истории, необходимо в первую очередь выяснить причины, по которым Россия пошла по пути формирования специализированного органа по борьбе с налоговыми преступлениями, и почему впоследствии от него отказалась.

В конце XX века, в условиях становления рыночных отношений, основным источником доходов стали нало-

ги, что привело к кардинальному изменению налоговой политики России. Не были своевременно созданы необходимые институты, обеспечивающие функционирование вновь принятой рыночной системы хозяйствования. Росту «теневому» сектора экономики и массового уклонения от уплаты налогов способствовали многие факторы, а именно низкий уровень управления налогообложением, слабость системы налогового контроля и правоохраны налоговых интересов, неудовлетворительное состояние налоговой дисциплины. Это в свою очередь привело к обескровливанию государственного бюджета, хронической необеспеченности доходами бюджетов всех уровней. А ведь именно налоговыми поступлениями инвестируются все современные общественные потребности. Появились реальные предпосылки угрозы экономической безопасности государства, усугубляющиеся год от года.

Исходя из сложившейся на тот момент социально-экономической ситуации в стране, можно выделить следующие предпосылки возникновения органов налоговой полиции:

1) обескровливание государственного бюджета за счет массового неисполнения налоговой обязанности и распространенности криминальных способов извлечения доходов;

2) неудовлетворительное состояние государственного управления в сфере налогообложения;

3) необходимость выработки механизмов борьбы с новым по сути явлением для России — уклонением от уплаты налогов.

Эти объективные предпосылки нашли свое отражение в создании согласно указу Президента № 262 от 18 марта 1992 г. Главного управления налоговых расследований при ГНС России и правовых основ его деятельности. Это была система квалифицированного расследования налоговых правонарушений и преступлений в экономической сфере. 20 мая 1993 года принят Закон «О федеральных органах налоговой полиции», в соответствии с которым как правопреемник ГУНР учрежден Департамент налоговой полиции РФ (на правах Госкомитета России). Директором Департамента назначен Сергей Николаевич Алмазов. Несмотря на положительные результаты первых этапов работы, ведомство не могло в полной мере решать поставленные перед ним задачи из-за отсутствия механизма предварительного следствия. Эта проблема была решена — федеральным законом № 200-ФЗ от 17 декабря 1995 года были внесены поправки в закон «О федеральных органах налоговой полиции». В соответствии с ними Департамент налоговой полиции был переименован в Федеральную службу налоговой полиции (ФСНП). С созданием в ФСНП РФ организационно-правового механизма предварительного следствия и экспертизы, в 1996 г. был образован единый цикл правоохранительной деятельности от выявления налогового преступления до расследования, что обеспечивало комплексный подход к выявлению, расследованию и пресечению налоговой преступности.

Результаты работы ясно показывали, что успешно апробированы новые методы расследования налоговых правонарушений, основывающиеся на оперативно-розыскной деятельности. Борьба с экономическими, в т.ч. налоговыми преступлениями во всероссийском масштабе, с участием в ней органов налоговой полиции не просто активизировалась, а стала результативной и эф-

фективной. Одним из показателей успешности этой работы, помимо экономических, является то, что указом исполняющего обязанности Президента РФ Владимира Путина от 16 марта 2000 года в знак признания важного значения федеральных органов налоговой полиции в обеспечении экономической безопасности был установлен профессиональный праздник — День налоговой полиции. Для квалифицированной подготовки кадров была создана Академия налоговой полиции и ряд других образовательных учреждений.

За 2001 год федеральными органами налоговой полиции возбуждено более 36 тысяч уголовных дел, сумма возмещенного ущерба по оконченным уголовным делам составила около 27 миллиардов рублей, всего в результате оперативно-служебной деятельности ФСНП в бюджет возвращено более 100 миллиардов рублей. Выявлено свыше 150 тысяч административных правонарушений, наложено административных штрафов на сумму в несколько сотен миллионов рублей [7]. Накануне десятилетия ФСНП была проведена интернет-конференция, где директор ФСНП РФ Михаил Фрадков положительно высказался о результатах работы ведомства и подчеркнул тенденцию работы на перспективу с качественной перестройкой органов налоговой полиции [7].

С 1 июля 2003 года указом Президента Российской Федерации В.Путина № 306 от 11 марта 2003 года Федеральная служба налоговой полиции упразднена без объяснения причин. Большинство функций ФСНП России и штат в 16 тысяч единиц (было 53 тысячи) перешли Министерству внутренних дел. Материальная база и 40 тысяч штатных единиц переданы во вновь созданный Госнаркомконтроль. Ликвидация службы стала неожиданностью даже для руководства ФСНП. «О том, что службу будут реформировать, говорилось не раз. Но никто не ожидал, что так радикально», — говорили сотрудники московского управления ФСНП. О причинах ликвидации полиции они предпочли не высказываться, но заметили, что скорее всего это не связано с результатами работы полицейских.

Это было шоком как для сотрудников ведомства, так и для рядовых граждан — ФСНП выстраивала свою стратегию существования с приоритетом на дальнейшее развитие и активную работу. Об этом свидетельствуют многие факторы, в частности, выступление на пресс-конференции директора ФСНП Михаила Фрадкова, который подчеркнул, что результаты деятельности Налоговой полиции достигнуты в процессе серьезных преобразований, которые проводятся в ФСНП и завершатся в ближайшее время коренной перестройкой работы службы. О том, что упразднения службы не предвиделось, говорит и тот факт, что ФСНП внесла в правительство законопроект, согласно которому преступным будет считаться уклонение от уплаты налогов только «с целью обмана налоговых органов». «Мы заведомо идем на усложнение нашей работы, чтобы избежать надоевших разговоров о том, что налоговая полиция привлекает всех без разбора» — комментируют данное предложение в ФСНП [8]. Сотрудники планировали работать дальше. Отсутствие официальной версии и т.н. «эффект неожиданности» создали крайне благодатную почву для возникновения множества неофициальных версий роспуска налоговой полиции. Среди основных можно выделить:

1) пересечение и дублирование полномочий с МЧС (которое, к слову, было упразднено вместе с принятием в

1999 году Налогового Кодекса РФ, который четко размежевал полномочия данных ведомств).

2) коррумпированность служащих налоговой полиции и плохие результаты работы. Согласно высказываниям в СМИ, «Налоговые полицейские прославились тем, что облагали данью бизнесменов и за взятки закрывали глаза на нарушения» [9].

3) слишком большое расширение полномочий ведомства, превративший ФСНП в «аналог опричнины». В частности, с опричниной сравнивают и предложение А. Бастрыкина - финансовую полицию, и опасаются такой же широты полномочий и бесконтрольности нового ведомства. «Как у нас принято на Руси было испокон веков, есть некие риски создания чего-то похожего на опричнину с особыми полномочиями, статусом, режимом неприкосновенности», - сказал министр юстиции России Александр Коновалов [10]. Есть и другие версии, выдвигающие на первый план политический подтекст и интересы отдельных политических деятелей современной России.

На мой взгляд, необходимо с большой осторожностью относиться к дискуссии о расформировании органов ФСНП и воздерживаться от политизированных комментариев на этот счет. Осмыслив исторический опыт функционирования органов налоговой полиции в России, можно прийти к выводу, что этот опыт имеет колоссальное значение для реформирования системы правоохранительных органов Российской Федерации: при определении вектора борьбы с налоговой преступностью необходимо взять лучшее, что было у налоговых полицейских, а именно специализированную подготовку и технику ведения предварительного следствия в отношении столь сложных экономических преступлений. Ведь сегодня именно необходимость специальных знаний в данной области правоприменители видят как одну из главных причин низкой раскрываемости данных преступлений. Жаль только одно – после расформирования ФСНП 53 тыс. штата квалифицированных специалистов было выброшено, что называется, «на ветер». Многие сейчас находятся в пенсионном или предпенсионном возрасте. И, к сожалению, этих сотрудников, у которых

за плечами имеются и необходимые знания, и уникальный опыт, для работы в системе органов по борьбе с налоговыми преступлениями уже никогда не вернуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастрыкин А.И. Перспективы создания в России финансовой полиции и пути совершенствования деятельности по противодействию финансовой преступности, 2011 // <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=85628>
2. Правительство отказалось от создания Финансовой Полиции // Известия, 4 апреля 2013;
3. Молчанов А.Г. История становления налогового дела и налоговой политики в России»: автореф. дисс. канд. ист. Наук – Пятигорск, 2000, С. 26.
4. Борзенко М.С. Деятельность высших органов государственной власти по созданию и совершенствованию федеральных органов налоговой полиции (1992-2003 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук – М., 2004, С. 18.
5. Борисов Л.М. История налоговой полиции Российской Федерации 1992-2003 гг (на примере Курской области): автореф. дисс. канд. ист. наук, Курск, 2006, С. 23.
6. Еременко Т.Н. Деятельность федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации по реализации государственной налоговой политики на юге Дальнего Востока (1993 - 2003 гг.): дисс. канд. ист. наук, Комсомольск-на-Амуре, 2007, С. 165.
7. Интернет-конференция Директора Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации Фрадкова Михаила Ефимовича от 22 января 2002 г. // <http://www.garweb.ru/conf/fsnp/20020122/>
8. Налоговая полиция готовит поправки к законодательству // <http://www.newsru.com/finance/06jun2002/fsnp.html>
9. Наркомания преследования. Борьба с «дурью» в России сама превратилась в дурь // Московский Комсомолец 16 ноября 2013.
10. Алексей Кудрин считает ненужной финансовую полицию // <http://www.newsru.com/finance/26feb2013/koudrine.html>

ABOUT HISTORY AND REASONS DISBANDMENT TAX POLICE

© 2014

Antoshkina A.V., student of the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: Serious reforms in the law enforcement system of the Russian Federation cause the necessity of addressing to the historical experience of existence in Russia specialised bodies to combat specific types of crimes and critical thinking.

Keywords: FTPS, Tax Police, Federal service of Tax Police, tax crimes.

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА

© 2014

Варданян В.М., аспирант Европейской региональной образовательной академии
Республика Армения, г. Ереван

Аннотация: в статье автор рассматривает некоторые особенности процессуального статуса участников особого производства, выявляет ряд вопросов, связанных с несовершенством действующего законодательства РА. В частности, в законе отсутствует определение другого заинтересованного лица в особом производстве, на каком этапе и как они могут быть привлечены к участию в деле, каковыми являются процессуальные последствия их привлечения и прочее.

Ключевые слова: особое производство, классификация, заявитель, усыновитель, опекун, попечитель, юридическое лицо, судебный акт, имущество, встречный иск.

Обобщая, автор отмечает, что по делам особого производства заявитель и другие заинтересованные лица являются самостоятельными лицами в деле, преследующие одни и те же или самостоятельные интересы, следовательно, необходимо законодательно установить порядок вовлечения других лиц в производство по делу, а также возможность процессуальной правопреемственности дел особого производства.

Основаниями классификации к числу лиц, участвующих в производстве гражданского дела, являются наличие заинтересованности в отношении исхода дела [1]. Лица, связанные с этим, участвующие в гражданско-процессуальном деле, имеют больший объем прав по сравнению со всеми участниками производства. В зависимости от того, является ли заинтересованность лица в отношении исхода дела личной или несет общественный, государственный характер, лиц, участвующих в особом производстве, можно разделить на две группы – лица, защищающие собственные интересы, и лица, защищающие интересы других лиц или защищающие государственные, общественные интересы.

В особом производстве наличествуют следующие лица, участвующие в деле, заявители и другие заинтересованные лица, лица, обращающиеся в суд для защиты прав и законных интересов других лиц, а также представители государственных учреждений и органов местного самоуправления.

В действующем Гражданско-Процессуальном Кодексе РА нет формулировки “заявителя”. На основании анализа законодательства можно прийти к заключению, согласно которому заявитель является тем лицом, по инициативе которого и исходя из интересов которого суд возбуждает соответствующее производство дела по особому производству.

В Гражданско-Процессуальном Кодексе РА ясно сформулирована структура тех субъектов, которые могут или правомочны обратиться в суд с делом особого производства.

И так, законодатель определяет этих субъектов: “не совершеннолетний достигший шестнадцати лет” (по делу признания полностью дееспособным) по статье 165, “родитель, усыновители, опекун, попечитель и представитель органа опеки” (действуя по делам признания

лица недееспособным или ограниченно дееспособным) по статьям 166, 168, “другим заинтересованным лицом” (по делу признания гражданина дееспособным и устранения ограничения его дееспособности) по статьям 173, 1731, “юридическое лицо” (признания имущества брошенным по делам утверждения фактов, имеющих юридическое значение) по статьям 186, 187, 189, “принудительный исполнитель” (по делу производства рассмотрения судебного акта, разрешающего дело по существу на основании мирового соглашения сторон по заявлению принудительного исполнителя) по статьям 202, 203, 204, “уполномоченное лицо” (по делам вынесения платёжного поручения) по статьям 2041, 2042.

В делах особого производства заявитель имеет много общих свойств с истцом по делам искового производства. По инициативе лиц и исходя из их интересов возбуждается и рассматривается производство по делу, они считаются носителями определенных требований, что обосновывается нормами материального права. Одновременно требования истца связаны со спором имущественных правоотношений, а по делу особого производства требования заявителя не связаны с имущественными правоотношениями. Из данной особенности возникают остальные различия процессуальных положений истца и заявителя.

Кроме того, между истцом и заявителем есть еще одно различие. Во время подачи искового заявления истцом считается лицо, из интересов которого подано данное заявление, а лицо, подавшее данное заявление из интересов другого лица, находится на разных процессуальных позициях.

В делах особого производства заявителем всегда считается лицо, подавшее соответствующее заявление. Другие лица, удовлетворению интересов которых послужит положительное решение, принятое по заявлению, должны быть включены по производству данного дела по качеству других заинтересованных лиц. Одновременно для привлечения производства по делу от отмеченных лиц не требуется подавать заявления, относительно утверждения соответствующего факта или совершения каких-либо других действий.

На основании изложенного можно привести следующую формулировку заявителя особого производства: заявителем является один из лиц дела, согласно заявлению

которого или исходя из интересов которого возбуждается особое производство, относительно утверждения соответствующих правовых ценных или юридических фактов с целью удовлетворения защищаемых им интересов.

В действующем законодательстве нет формулировки, кто является другим заинтересованным лицом по делу особого производства, а также не представлено формулировки понятия заявителя в показанном виде гражданского производства.

Если характер заинтересованности заявителя состоит в том, чтобы был утвержден определенный юридический факт или ситуация, у другого заинтересованного лица он может стать идентичным, противным или находящимся в другой сфере.

Вовлечение заинтересованных лиц и организаций в судебное рассмотрение вопроса, относительно утверждения фактов, имеет цель обеспечения более детального обнаружения реальных обстоятельств дела, с которыми связано утверждение данного факта.

В настоящем практически многие адвокаты, предоставляющие гражданско-правовые услуги, во время составления дел указывают на граждан и организации, которые могут быть привлечены, как заинтересованные лица.

Ломанова Н.П. по степени заинтересованности заинтересованных лиц, разделяет последних на две группы: а) лиц, на которых прямо распространяется законная сила судебного решения, б) лиц, на которых косвенно распространяется законная сила судебного решения. В данных случаях важно то, что у такого лица «субъективные права или защищенные по закону интересы зависят от исхода дела, возбужденного в порядке особого производства» [2]. Это второе различие между заявителем и заинтересованным лицом, т.е. по заинтересованности в деле характер может совпадать, а может и не совпадать.

На основании вышеизложенного можно прийти к следующему заключению: в деле особого производства другие заинтересованные лица в своем правовом статусе имеют много общего с третьими лицами, которые не представляют самостоятельных требований в исковом деле в отношении предмета спора. Т.е. эти два вида лиц в деле не представляют кому-либо имущественно-правовых требований и в свою очередь кто-либо не представляет таких требований в производстве дела в их отношении, они пользуются всеми правами участвующих в деле лиц для защиты своих прав и законных интересов, так как принятое судом решение по делу может иметь влияние на их интересы и законные права. Именно по этой причине Шакарян М.А. отмечает по особому производству других заинтересованных лиц, в связи с воздействием судебного решения на их права и обязательства, учитывая идентичность правового статуса последних и третьих лиц, которые не представляют самостоятельные требования в исковом производстве в отношении предмета спора [3].

Одновременно необходимо отметить, что третьи лица, не представляющие самостоятельные требования в исковом производстве, являются второстепенными участниками производства по делу, так как, если не было бы сторон и разбирательства дела по соответствующему спору, не было бы и третьих лиц, которые не представляли бы предмета спора, находящегося в имущественно-правовых отношениях с одной из сторон. Не случайно их называют третьими лицами, так как по производству дела уже присутствуют как минимум двое участников —

истец и ответчик. В делах особого производства другие заинтересованные лица находятся в имущественно-правовых отношениях с заявителем или могут вступать в такие отношения, согласно решению, вынесенному судом по делу. Одновременно указанное решение имеет непосредственное воздействие на их права и обязанности.

По исковому производству судебное решение имеет посредническое влияние на права и обязанности третьих лиц, например путем представления встречного иска от одной из сторон. Другие заинтересованные лица могут находиться в имущественно-правовых отношениях с заявителем в момент рассмотрения дела или вступить в такие отношения в соответствии с принятым решением. Третьи лица, которые самостоятельно не представляют требований в отношении предмета спора в имущественно-правовых отношениях, не имеют непосредственного влияния на их права и ответственность. По этой причине других заинтересованных лиц и третьих лиц, не представляющих самостоятельных требований в отношении предмета спора нельзя путать друг с другом, так как они отличаются друг от друга не только тем, что являются разными участниками гражданского производства, а также тем, что отличаются друг от друга своим процессуальным статусом.

В законе отсутствуют указания на то, на каком этапе другие заинтересованные лица могут быть привлечены к участию в деле, каким образом они допускаются к участию особого производства дела и каковыми являются процессуальные последствия их привлечения к делу.

Более целесообразным является привлечение других заинтересованных лиц в производство по делу до принятия решения судом первой инстанции с целью максимального учета интересов всех заинтересованных лиц и вследствие неполноценного учета отмеченных интересов для уменьшения возможностей обжалования решений. Для разрешения других заинтересованных лиц более целесообразно осуществлять отдельные решения суда по указанному процессуальному вопросу. Это связано с тем, что другие заинтересованные лица включаются в список лиц, участвующих в деле, обладают правами и обязательствами в том объеме, что и заявитель, результаты процессуального процесса могут иметь прямое воздействие на их права, обязательства и законные права. Поэтому после их вовлечения, как и в случае третьих лиц, которые не предъявляют самостоятельные требования в отношении предмета спора, последние вправе попросить суд рассмотреть дело с самого начала. Одновременно, необходимо учитывать, что несмотря на то, что в будущем результат процесса может повлиять на их права, обязанности и законные интересы, это не означает, что данный результат обязателен и неизбежным образом повлияет на их права, обязанности и законные интересы. Одновременно, возможно, что для полноценной защиты собственных прав и законных интересов другому заинтересованному лицу будет достаточно ознакомиться с результатами рассмотрения дела, имеющегося в протоколе судебного дела и других документах на момент вовлечения указанного заинтересованного лица в дело. По этой причине в таких случаях с целью процессуального сбережения не всегда появляется необходимость повторить все процессуальные действия по делу с начала рассмотрения последнего.

Для устранения упущений относительно участия других заинтересованных лиц в делах особого производства необходимы законодательные урегулирования указанных

моментов. Так, статью 1731 Уголовно-Процессуального Кодекса РА необходимо заполнить следующими нормами. Другие заинтересованные лица вовлекаются в производство по делу до принятия решения со стороны суда первой инстанции, относительно которого суд выносит решение. В случае вовлечения других заинтересованных лиц в производство по делу суд должен ознакомить их с имеющимися на данный момент результатами рассмотрения дела, раскрывая, желает ли он, чтобы рассмотрение подобного дела началось с самого начала или нет; в случае положительного ответа на поставленный ответ, рассмотрение дела осуществляется с самого начала, а в случае отрицательного ответа, его рассмотрение продолжается.

Кроме того, с целью полноценного сохранения прав и законных интересов заявителя и других заинтересованных лиц для непрерывного осуществления процессуальных обязанностей с их стороны необходимо установить правило относительно того, что заявитель и другие заинтересованные лица равным образом пользуются правами и несут равную ответственность. Заявитель и другие заинтересованные лица пользуются равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности.

М.С.Шакарян выразил мысль о том, что кроме искового производства понятие сторон может быть применено также в делах, которые возникают из общественных правоотношений, а также в делах особого производства [3].

Так, М.С.Шакарян обосновывает свою мысль тем, что в делах особого производства между участвующими в деле лиц возможен спор относительно факта. Н.п. по делам ограничения дееспособности гражданина, в делах относительно признания лица недееспособным возможен спор между заявителем и гражданином, относительно дееспособности которого рассматривается соответствующее дело, которое является актуальным вследствие недобросовестных действий таких дел при возбуждении подобных дел с целью явно необоснованного ограничения гражданина или лишения его дееспособности. Кроме того, в делах особого производства спор относительно факта в будущем может перейти в спор относительно права, в связи с чем М.С.Шакарян приводит слова И.Жеруолиса, который назвал других заинтересованных лиц “потенциальными ответчиками” [4]. Также он делает вывод относительно того, что дела особого производства рассматриваются по общим правилам дел искового производства, если не имеются других особых правил. Так как лица, участвующие в деле особого производства, пользуются правами и несут ответственность и нет прямого запрета, чтобы назвать их сторонами, то в их отношении, по М.С.Шакаряну, можно применить понятие сторон.

Рассмотрев указанную точку зрения, необходимо учитывать, что законодатель считает сторонами процесса участников, интересы которых противоречат друг другу, когда один из них предъявляет другому конкретное имущественно-правовое требование. Необязательно, чтобы в особом производстве интересы заявителя и других заинтересованных лиц противоречили друг другу. В связи с недопустимостью спора относительно права никакая сторона не предъявляет каких-либо имущественно-правовых требований. Что касается дел по ограничению дееспособности гражданина и признания его недееспособным, то они целенаправлены на защиту интересов граждан. По этой причине, в случае спора между указанным гражданином и заявителем предполагается, что действия заявителя долж-

ны приносить пользу, в том числе интересам лиц, относительно дееспособности которых рассматривается данное дело. Поэтому считается, что интересы указанных лиц не конфликтные, пока иное не доказано, т.е. при подаче заявления о возбуждении данного дела заявитель руководствуется недобросовестными мотивами. Из того, что между заявителем и гражданином, относительно дееспособности которого рассматривается дело, не имеются противоположные мотивы по настоящему делу, еще не означает, что между ними возникает спор о праве, а именно - спор относительно правовых отношений между ними. В делах особого производства никто из лиц, участвующих в деле, не предъявляет каких-либо имущественно-правовых требований в отношении друг друга. В случае возникновения спора о праве, связанного с предъявлением требований имущественно-правового характера со стороны одного из таких лиц в отношении другого участника, указанные лица станут сторонами в гражданском деле, но уже в порядке искового производства, при условии, что одному из них будет предъявлено соответствующее исковое заявление.

В связи с вышеуказанным можно дать следующее определение другим заинтересованным лицам по делам особого производства: другим заинтересованным лицом по делам особого производства является один из участников особого производства, права, обязанности или законные права которого могут затрагивать установление определенного правового ценного, в прямом смысле этого слова, факта, которого суд должен вовлечь для осуществления прав и защиты интересов по производству дела и надлежащего выполнения указанных обязательств.

В действующем законодательстве не решен вопрос о том, как же поступить в случае, когда до принятия решения по делу, возбужденному в соответствии с заявлением лица относительно установления определенных фактов или ситуации в суд первой инстанции подается заявление об установлении одних и тех же фактов или состояний. Исходя из процессуального сбережения в таких случаях необходимо рассматривать указанные требования в пределах одного судопроизводства по гражданскому делу. Например, в случае, когда в суд обращаются родные гражданина, о месте нахождения которого на месте его проживания сведений о нем не имеются более одного года, для признания такого гражданина без вести отсутствующим. Одновременно до принятия решения судом по такому делу с заявлением в суд обращается также кредитор гражданина, относительно которого рассматривается дело по признанию гражданина без вести отсутствующим, который содержит подобную просьбу. Нет оснований для объединения указанных в одном судопроизводстве требований, поскольку они, по существу, являются одним и тем же требованием в разных заявлениях разных лиц, одновременно удовлетворение одного из таких требований не приводит к отказу удовлетворить другое требование.

Поэтому в таком случае будет наиболее правильным вовлечь второго заявителя в первый процесс в качестве другого заинтересованного лица, который владеет правами в том объеме, что и заявитель. Относительно указанного необходимо внести изменения в действующее законодательство с заполнением нормой следующего содержания: “Если в суд обращается лицо с просьбой установления факта и ситуации, для установления которых судом первой инстанции уже возбуждено и ведется дело, то данное лицо должно быть вовлечено в производство по указанному делу

в качестве другого заинтересованного лица”.

В действующем законодательстве не решен вопрос о процессуальной правопреемности в особом производстве. Указанный вопрос является актуальным в связи с тем, что лица, участвующие в делах особого производства, при рассмотрении таких дел должны быть вовлечены в соответствующие имущественно-правовые отношения в порядке общей или частной правопреемности. Одновременно правопреемники указанных лиц, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке особого производства, могут быть заинтересованы в исходе дела – в установлении конкретных фактов или ситуации, в связи с тем, что судебное решение по данному делу может повлиять на их права и обязанности. В таких случаях распространение признака исключения судебного решения на правопреемников участвующих в деле лиц возникает связью, имеющейся между защищаемыми имущественными правами и интересами, а также процессуальными правами и обязанностями, которые возникают в процессе такой защиты и принадлежат указанным лицам.

Таким образом, в случае, когда в соответствующих имущественных правовых отношениях заменяется лицо, которое участвует в качестве другого заинтересованного лица, то вопрос решается в простой форме – в любом случае суд должен привлечь для участия в деле всех лиц, на права, обязанности и законные интересы которых может повлиять будущее судебное решение. Например, в судопроизводстве находится дело относительно признания права муниципальной собственности в отношении трубопровода заброшенного недвижимого имущества. Для участия в таком деле владелец земельного участка вовлечен в качестве другого заинтересованного лица, по территории которого проходит указанный трубопровод, для исключения возможных нарушений прав и законных интересов указанных владельцев. При рассмотрении дела по существу владелец земельного участка умирает и владельцем указанной земли становится другое лицо, т.е. наследник. Начиная с момента, когда у правопреемника другого заинтересованного лица возникают права и обязанности, на которые может повлиять судебное решение, суд обязан вовлечь его в дело в качестве другого заинтересованного лица. В указанном случае наследник будет вовлечен в качестве другого заинтересованного лица. Одновременно не ясно, необходимо ли рассмотреть указанное дело с самого начала, если этого не требуется. В случае принятия соответствующей нормы в отношениях сторон в исковом производстве законодатель руководствовался мотивами о том, что в материально-правовых отношениях правопреемник должен стать правопреемником также в процессуально-правовых отношениях. Настоящий закон применяется в отношении тех случаев, когда указанные отношения неотделимо не связаны с личностью правопреемника. Поэтому все действия, осуществленные до вовлечения правопреемника в процесс, являются обязательными для правопреемника в той степени, в какой они будут обязательны для лица, которого он заменил. Если в делах особого производства руководствуются мотивами, которые относятся к исковому производству, то рассмотрение соответствующего производства по делу особого производства можно продолжить на стадии, на котором правопреемник другого заинтересованного лица вышел из дела.

А.С. Павлушина отмечает, что в делах особого произ-

водства морально-правовой спор отсутствует, а присутствует в виде “незаинтересованного лица” в процессуально-правовом смысле, как правило, в виде государственного органа [5]. Мы не можем согласиться с такой мыслью. В делах особого производства отсутствует спор относительно субъективно-имущественных прав. Однако при наличии спора о факте он может быть связан с обстоятельствами, которые регулируются нормами имущественного права. Поэтому в таких случаях имеются как процессуальные, так и имущественные компоненты гражданско-процессуального спора. Что касается незаинтересованности участвующих в деле других лиц или государственных органов, то с этим более трудно согласиться, поскольку суд в качестве других заинтересованных лиц вовлекает в дело тех, на законные права, обязанности и интересы которых может повлиять судебное решение. Необязательно, чтобы данный интерес был основан на нормах цивилизованной сферы имущественных прав. Органы власти в силу своего положения обязаны защищать государственные и общественные интересы также в утвержденных законом случаях по интересам отдельных граждан. Правильнее в данном случае говорить о том, что “решение суда не влияет на имущественные права и обязанности лиц, которые обратились в суд” [6].

В данном плане справедливо указание Л.А. Рождественской о том, что если “процесс приводится только к одной бессодержательной форме, то подобная пустая формальность не имеет какой-либо самостоятельной ценности” [7].

Обобщив изложенное, необходимо отметить следующее: по делам особого производства заявитель и другие заинтересованные лица являются самостоятельными лицами, участвующими в деле и преследующие одни и те же или самостоятельные интересы. Необходимо законодательно установить порядок вовлечения других заинтересованных лиц в производство по делу, а также возможность процессуальной правопреемности дел особого производства. [8]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вкут М.А. Гражданский процесс России: учебник/ Под редакцией д.ю.н., проф. М.А. Вкут. М.: Юристъ, 2004, С. 63-65.
2. Вкут М.А. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации/ Под редакцией д.ю.н., проф. М.А. Вкут. М., 2003. С. 511.
3. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права / М.С. Шакарян. М.: Всесоюзный юридический заочный институт, 1970. С. 172-174, 124-129.
4. Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса / И. Жеруолис. Вильнюс: Минтис, 1969. С. 188-189, 198.
5. Павлушина А.А. Спор – как базовая категория теории юрисдикционного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. №7. С. 5.
6. Баранов И.В. К вопросу об основаниях возбуждения гражданского процессуального судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. №5. С. 9.
7. Рождественская Л.А. Процессуальная защита интересов других лиц в суде первой инстанции: Автореф. Д. канд. юрид. Наук. Свердловск, 1982. С. 110.
8. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законоотворчества: от стагнации к гиперинфляции // Правовая политика и правовая жизнь. №2(51) 2013. С. 115-121.

FEATURES OF PROCEDURAL STATUS

© 2014

Vardanyan V.M., postgraduate European Regional Educational Academy,
Republic of Armenia, Yerevan

Annotation: The author considers some features of the procedural status of participants in special proceedings; it highlights a number of issues related to the imperfection of the current legislation of the Republic of Armenia. In particular, the law does not define the other person concerned in a particular industry, at what stage and how they can be involved in the case, which are the procedural consequences of their attraction, and so on. In summary, the author notes that in cases of special proceedings the applicant and other interested parties are independent entities in pursuing the same or separate interests, therefore, it necessary to legally establish a procedure for the involvement of other parties in the proceedings, as well as the possibility of procedural succession for affairs of special production.

Keywords: special production, classification, the applicant, adopter, guardian, trustee, legal entity, a judicial act, property counterclaim.

УДК 347

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА НА АРЕНДУ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

© 2014

Веселова О.С., магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена составлению и заключению договора на аренду зданий и сооружений, а также анализу правовых оснований его заключению.

Ключевые слова: правоотношение, договорное право, договор, договор аренды, аренда.

Договор аренды зданий и сооружений в силу специфики предмета аренды является самостоятельным видом аренды, который характеризуется высокой стоимостью и особой значимостью для гражданского оборота. Здания и сооружения квалифицируются как объекты недвижимости по признакам неразрывной связи с землей и невозможности их перемещения без несоразмерного ущерба их назначению.

Арендодателем по договору аренды зданий и сооружений вправе выступать любое физическое или юридическое лицо, имеющее титул как собственника здания или сооружения, так и лица, управомоченного законом или собственником сдавать данные объекты в аренду. В том случае, если в аренду сдается здание или сооружение, являющееся государственной или муниципальной собственностью и не закрепленное за государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями, то арендодателями по этому договору выступают органы государственной власти и органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Так, Министерство государственного имущества РФ выступает арендодателем в отношении находящихся в федеральной собственности административных зданий, сооружений и нежилых помещений, не закрепленных за другими юридическими лицами на вещном праве.

В соответствии с п. 1 ст. 650 ГК РФ по договору аренды

здания или сооружения арендодатель обязуется передать во временное владение и пользование или во временное пользование арендатору здание или сооружение [1].

Договор аренды здания или сооружения заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору (п. 2 ст. 434 ГК РФ).

Несоблюдение формы договора аренды здания или сооружения влечет его недействительность (п. 1 ст. 651 ГК РФ).

Данный договор является:

- консенсуальным (т.е. он признается заключенным уже с момента подписания - до непосредственной передачи имущества в аренду);
- взаимным (при заключении договора у обеих сторон договора возникают как права, так и обязанности по отношению друг к другу);
- возмездным (договор в обязательном порядке предполагает наличие платы за пользование арендованным имуществом).

Отдельно обратим внимание, что если здание или сооружение не принадлежит арендодателю на праве собственности, то сдача такого имущества в аренду возможна только при условии соблюдения арендодателем всех ограничений,

наложенных собственником в силу закона или договора.

Так, например, государственная организация вправе сдавать в аренду находящиеся у нее в хозяйственном ведении здания и сооружения только с согласия собственника (п. 2 ст. 295 ГК РФ) [2].

Срок договора аренды определяется сторонами свободно, специальных указаний в Гражданском кодексе не содержится. Договор может быть заключен на срок до одного года, более одного года либо на неопределенный срок (в этом случае контрагенты просто не указывают, на какой срок заключен договор). С периодом действия договора аренды здания (сооружения) связана необходимость государственной регистрации договора. В том случае, если он заключен на срок, превышающий один год, договор аренды подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации (п. 2 ст. 651 ГК РФ).

При продлении договора аренды здания или сооружения заключенного на срок менее одного года, на такой же срок после окончания первоначального срока аренды отношения сторон регулируются новым договором аренды, который не подлежит государственной регистрации в силу п. 2 ст. 651 ГК РФ [3].

Если в аренду сдаются здание, сооружение, помещения в них или части помещений, к договору аренды недвижимого имущества, представляемому на государственную регистрацию прав, прилагаются кадастровые паспорта соответственно здания, сооружения и помещения с указанием размера арендуемой площади. Договор аренды помещения или части помещения регистрируется как обременение прав арендодателя соответствующего помещения (части помещения) (п. 3 ст. 26 ФЗ от 21.07.1997 № 122-ФЗ) [4].

Если арендодатель является собственником земельного участка, на котором находится сдаваемое в аренду здание или сооружение, арендатору по общему правилу (если стороны в договоре не оговорили иное право арендатора) предоставляется право пользования той частью земельного участка, которая занята зданием или сооружением и необходима для использования в соответствии с его назначением.

Если же арендодатель не является собственником, то объем правомочий арендатора в отношении земельного участка определяется только на основе анализа объема правомочий арендодателя. Более того, в Гражданском кодексе РФ четко установлено, что аренда здания или сооружения, находящегося на земельном участке, не принадлежащем арендодателю на праве собственности, допускается без согласия собственника этого участка, если это не противоречит условиям пользования таким участком, установленным законом или договором с собственником земельного участка.

Обратим внимание, что арендатору и арендодателю не нужно заключать дополнительное соглашение для описания права пользования земельным участком. Правоустанавливающим документом в данном случае будет сам договор аренды зданий и сооружений.

В статье 654 ГК РФ установлено, что применительно к договору аренды зданий и сооружений еще одним существенным условием является его цена: данный договор должен предусматривать размер арендной платы.

Размер арендной платы в договоре аренды зданий и сооружений зависит от множества факторов: от характера предполагаемого использования здания или сооруже-

ния, его технических характеристик.

Арендная плата может определяться в виде фиксированной суммы в месяц либо суммы за единицу площади здания (сооружения) или иного показателя его размера. В последнем случае арендная плата определяется исходя из фактического размера переданного арендатору здания или сооружения. Право на получение арендной платы возникает только после подтверждения передачи здания или сооружения в аренду [5].

Согласно п. 18 Правил заключения договоров аренды в отношении государственного или муниципального имущества государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования (в том числе созданных государственными академиями наук) или муниципальных образовательных учреждений высшего профессионального образования, государственных научных учреждений (в том числе созданных государственными академиями наук (утв. постановлением Правительства РФ от 12 августа 2011 г. № 677)) при заключении договора в отношении федерального имущества (за исключением имущества государственных академий наук) размер и порядок внесения арендной платы устанавливался с соблюдением следующих условий:

- а) в первый год аренды - 40 процентов размера арендной платы;
- б) во второй год аренды - 60 процентов размера арендной платы;
- в) в третий год аренды - 80 процентов размера арендной платы;
- г) в четвертый год аренды и далее - 100 процентов размера арендной платы [6].

При отсутствии согласованного сторонами в письменной форме условия о размере арендной платы договор аренды здания или сооружения считается незаключенным. При этом правила определения цены, предусмотренные в п. 3 ст. 424 ГК РФ, не применяются.

В Гражданском кодексе РФ закреплена обязанность сторон - арендатора и арендодателя - документально оформить передачу здания или сооружения в пользование арендатору.

В статье 655 ГК РФ сторонам предписывается составить передаточный акт или иной документ о передаче, подписываемый сторонами.

С фактом подписания этого документа (а также с фактом реального предоставления здания или сооружения в аренду) законодатель непосредственно связывает юридическое признание исполнения арендодателем его обязанности передать здание или сооружение арендатору. Уклонение одной из сторон от подписания документа о передаче здания или сооружения на условиях, предусмотренных договором, рассматривается как отказ соответственно арендодателя от исполнения обязанности по передаче имущества, а арендатора - от принятия имущества.

Статья 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон N 135-ФЗ) устанавливает особенности порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества.

На основании ч. 3.1 ст. 17.1 закона N 135-ФЗ заключение договоров аренды в отношении государственного или муниципального имущества государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования (в том числе созданных государственными академиями наук) или муниципальных образовательных учреждений

высшего профессионального образования, государственных научных учреждений (в том числе созданных государственными академиями наук) осуществляется без проведения конкурсов или аукционов в порядке и на условиях, которые определяются Правительством Российской Федерации, при одновременном соблюдении следующих требований:

- 1) арендаторами являются хозяйственные общества, созданные учреждениями, указанными в абз. 1 данной части;
- 2) деятельность арендаторов заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау)), право использования которых внесено в качестве вклада в их уставные капиталы;
- 3) договорами аренды устанавливается запрет на сдачу в субаренду этого имущества, предоставленного хозяйственным обществам по таким договорам аренды, передачу хозяйственными обществами своих прав и обязанностей по таким договорам аренды другим лицам, предоставление этого имущества в безвозмездное пользование, залог таких арендных прав [7].

Если государственная или муниципальная организация, образующая социальную инфраструктуру для детей, сдает в аренду закрепленные за ней объекты собственности, заключению договора об аренде должна предшествовать проводимая учредителем в порядке, установленном п. 2 ст. 13 Федерального закона РФ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», оценка последствий заключения такого договора для обеспечения жизнедеятельности, образования, развития, отдыха и оздоровления детей, оказания им медицинской помощи, профилактики заболеваний у детей, их социальной защиты и социального обслуживания. Договор аренды не может заключаться, если в результате проведенной оценки последствий его заключения установлена возможность ухудшения указанных условий [8].

Согласно письма Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 18 мая 2011 г. № ЮП-03/13989 «О порядке осуществления полномочий собственника в рамках постановления правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 537 «О порядке осуществления Федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя» что для учета договоров аренды (дополнительных соглашений к ним, согласований по субаренде и др. документов) и безвозмездного пользования, контроля за использованием федерального имущества и исполнением обязанностей арендаторов и

ссудополучателей, администрирования поступлений в федеральный бюджет доходов от сдачи в аренду федерального имущества (уточнение ошибочно перечисленных и возврат излишне уплаченных денежных средств), а также отстаивания интересов Российской Федерации в досудебном и судебном порядке предлагаем предусматривать в соответствующих договорах аренды, безвозмездного пользования пункт, согласно которому копия такого договора, а также все связанные с ним документы должны представляться в территориальные органы Росимущества [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) от 26.01.1996. N 14-ФЗ - Часть 2.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013).
3. Письмо Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 18 мая 2011 г. № ЮП-03/13989 «О порядке осуществления полномочий собственника в рамках постановления правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 537 «О порядке осуществления Федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя»».
4. Федеральный закон РФ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации права на недвижимое имущество и сделок с ним».
5. Васильева М., Карсетская Е., Кирюшина И., Крутякова Т., Мешалкин В., Шершнева А. Аренда: правовое регулирование, бухгалтерский и налоговый учет // Журнал «Экономико-правовой бюллетень» №10, 2005 г.
6. Постановление Правительства РФ от 12 августа 2011 г. № 677 «Об утверждении правил заключения договоров аренды в отношении государственного или муниципального имущества государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования (в том числе созданных государственными академиями наук) или муниципальных образовательных учреждений высшего профессионального образования, государственных научных учреждений (в том числе созданных государственными академиями наук)».
7. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».
8. Федеральный закон РФ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».
9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16 февраля 2001 г. № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»».

THE LEGAL GROUNDS FOR THE CONCLUSION OF THE CONTRACT ON THE LEASE OF BUILDINGS AND STRUCTURES

© 2014

Veselova O.S., undergraduate department «Civil Law and Procedure»
Togliatti state University, Togliatti (Russia)

Annotation: Article is devoted to the preparation and conclusion of a contract for the rental of buildings and structures, as well as the analysis of the legal grounds for its conclusion.

Keywords: relationship, contract, agreement, lease, rent.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

© 2014

Воробьева О.А., кандидат педагогических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в статье изложены понятие, цели, полномочия, принципы и функции судебной власти.

Ключевые слова: власть; публичная власть; судебная власть.

Конституция Российской Федерации утвердила в системе государственной власти страны самостоятельное положение судебной власти в структуре государственного механизма как независимой, суверенной отрасли, равновеликой законодательной и исполнительной отраслям государственной власти[1,с.274-277].

Указав основные признаки, задачи судебной власти, средства ее реализации, компетенцию ее органов, Конституция наметила программу законодательных работ по утверждению ее структуры и организации деятельности. Определение конституционных начал организации судебной власти отразило федеративные основы построения Российского государства, распределение содержания и пределов нормотворческой компетенции в сфере судоустройства, основные направления и формы его законодательного регулирования[2].

Судебная власть в России – это особая форма деятельности государства, осуществляющая свои властные полномочия специально созданными государственными органами – судами, в строго установленной законом процессуальной форме в сфере защиты конституционного строя, прав и законных интересов человека и гражданина, государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и иных объединений. Судебная власть как одна из ветвей государственной власти не сводится лишь к рассмотрению конкретных дел. В контексте известной системы сдержек и противовесов судебную власть характеризует не только правосудие (в традиционном, узком смысле слова), но и возможность оказывать влияние на решения и действия законодательной, исполнительной властей и тем самым уравнивать их[3,с.23].

Существование судебной власти наряду с законодательной и исполнительной является важным признаком демократического государства. Обособление судебной власти от иных государственно-властных структур свидетельствует о серьезном продвижении государства к реализации принципа верховенства права, закрепляемых в нем идей свободы и справедливости[4,с.93].

Основное назначение судебной власти – охрана членов общества от любого произвола, причем как от произвола других граждан, так и от неправильных действий самого государства, его органов, должностных лиц. Без осуществления подобной деятельности государство не может считаться правовым. Обеспечивая разрешение возникающих в обществе конфликтов на основе права, подчинение закону всех субъектов общественной жизни, судебная власть

играет крайне важную роль в сдерживании и ограничении законодательной и исполнительной ветвей власти, осуществлении правового контроля их деятельности. Эта функция будет наиболее эффективна лишь в том случае, если судебная власть имеет возможность оценивать соответствие Конституции деятельности законодательной и исполнительной властей, признавать недействующими те их акты, которые противоречат основному закону.

Судебная власть, как и любая другая форма государственной власти, имеет свои особенности. В осуществлении правосудия принимают участие представители народа (например, присяжные заседатели, арбитражные заседатели). По своему предметному назначению судебная власть представляет конкретную форму деятельности государства в соответствующих сферах жизни общества. Потребность государства в судебной власти определяется как необходимостью разрешения постоянно возникающих споров, так и необходимостью защиты конституционного строя, прав и свобод, законных интересов человека и гражданского общества[5,с.7]. На VI Всероссийском съезде судей Российской Федерации Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал, что количество дел по мере роста доверия граждан к суду увеличивается, что, безусловно, потребует ещё более современной рациональной организации работы судов[6,с.3].

В научной литературе дается ряд довольно точных и четких определений судебной власти. Так, И.Л. Петрухин понимает под судебной властью самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, созданную для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государствами и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и проведении оперативно-розыскной деятельности (ОРД); установления наиболее значимых юридических фактов[7,с.15-21].

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации:

1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.
2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается [8, с. 115-119].

С учётом целей деятельности судебной власти её функции следует определять как основные направления реализации принадлежащих судам полномочий по разрешению возникающих в обществе социальных конфликтов, споров, а её формы – способ внешнего проявления, установления, выражения, т.е. порядок судопроизводства. Формами судопроизводства, в которых осуществляется судебная власть в России в настоящее время, являются конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство, исчерпывающе перечисленные в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ. Эти же формы указаны в ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [9, с. 8].

Как отмечает А.Ф. Изварина, самыми действующими функциями судебной власти являются: отправление правосудия и осуществление конституционного контроля. Правосудие в рамках функции (как направлении воздействия права на общественные отношения) проводит сдерживание, уравнивание законодательной и исполнительной власти; применение в необходимых случаях мер предупредительного воздействия и мер государственного принуждения; обеспечение общественной и правовой ценности судебных как актов правосудия, устанавливающих наличие данного права и факта его нарушения и ликвидирующих конфликт [10, с. 6].

Анализируя научную литературу, посвященную вопросам судебной власти в России и ее основным направлениям деятельности, следует выделить классификацию, представленную Н.В. Витруком, как представляется, вобравшую в себя всю сферу деятельности судебной власти как ветви государственной власти, находящейся в единстве и взаимосвязи с законодательной и исполнительной ветвями власти. Так, среди функций судебной власти Н.В. Витрук выделяет юрисдикционные, а именно правосудие, судебный контроль (конституционный контроль, административный контроль и контроль в отношении ограничения прав и свобод человека и гражданина), судебный надзор и толкование, и неюрисдикционные, а именно судебное управление (руководство деятельностью судебных органов), участие в формировании судебного корпуса, обобщение и разъяснение судебной практики, анализ судебной статистики, выработка основных направлений судебной политики, реализация высшими судами права законодательной инициативы [11]. Реализация каждой из функций предполагает принятие определенного решения [12].

Провозглашенное в ст. 2 Федерального конституционного закона «О Судебной системе Российской Федерации» единство судебной системы носит декларативный характер. Как отмечает С.В. Бородин и В.Н. Кудрявцев, «...составители проекта Конституции Российской Федерации 1993г. находились под влиянием прежней практики разобщения судебной системы ... в действительности в России три самостоятельные, не связанные между собой судебные системы: 1) Конституционный суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов Федерации; 2) Верховный суд РФ с системой нижестоящих судов общей юрисдикции; 3) Высший арбитражный суд с

системой нижестоящих арбитражных судов...» [13, с. 22].

Конституция РФ 1993 г. установила состав Конституционного Суда РФ в количестве 19 судей, утвердила юридическую силу решений Конституционного Суда и их юридические последствия. Конституция РФ определила природу КС РФ как органа судебной власти, обладающего широким кругом полномочий: толкование Конституции РФ, осуществление конституционного нормоконтроля, предметом которого стали федеральные законы, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, нормативные правовые акты не ниже постановлений Правительства РФ, внутригосударственные договоры и не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации. КС РФ мог разрешать споры о компетенции, проверять соблюдение установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Конституционному Суду были предоставлены полномочия выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения, направлять послания Федеральному Собранию, а судьям КС РФ - участвовать в процедуре принесения присяги Президентом РФ.

Принятие Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее - Закон о КС РФ) стало важным шагом в развитии конституционного правосудия в России; в нем сформирована модель конституционного судопроизводства, в полной мере отвечающая классическим образцам конституционного правосудия, функционирующего в государствах с устоявшейся демократией. В статье 1 указанного Закона КС РФ определяется как судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. КС РФ в силу исключительности его компетенции является высшим судом в осуществлении конституционного контроля. Цель деятельности КС РФ - защита Конституции РФ, обеспечение ее верховенства, высшей юридической силы и прямого действия на всей территории государства, соблюдение и утверждение правового режима конституционности в обществе и государстве. Задачи деятельности КС РФ состоят в защите основных прав и свобод человека и гражданина, человеческого достоинства, иных конституционных ценностей, основ конституционного строя [14].

Так, с одной стороны, Конституционный Суд России - это орган государственной власти, относящийся к судебной ветви власти, непосредственный ее носитель, с другой - его принадлежность к судебной власти не исключает его существенных особенностей как органа конституционного контроля (нормоконтроля) [15].

Можно согласиться с В.В. Гончаровым и С.М. Жилиным, что утверждение о том, что Конституционный суд России и конституционные (уставные суды) субъектов Федерации представляют собой самостоятельную систему, неверно, так как согласно действующему законодательству, не предусмотрено какое-либо совместное участие названных судов в конституционном (уставном) судопроизводстве. В отличие от вышеназванных судов, верховный суд страны, как и в советский период, является судом второй инстанции по всем гражданским и уголовным делам, рассмотренным судами субъектов, венчая

систему судов общей юрисдикции [16, с.155].

Учреждение в России Конституционного суда РФ и конституционное закрепление его правового статуса, а также введение в действующее законодательство положений, предоставляющих возможности оспаривания в суде решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, свидетельствуют о появлении у судебной власти функции конституционного контроля.

Вменение Конституционному суду РФ осуществления конституционного контроля в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия предписаний Конституции РФ на всей территории Российской Федерации, свидетельствует о том, что отправление правосудия перестало быть единственной функцией судебной власти, а также о том, что она приобретает многофункциональный характер [17, с.8].

Конституционный контроль, осуществляемый Конституционным судом РФ, обладает той отличительной особенностью, что гражданин вправе привести в действие механизм защиты прав и свобод всегда, когда он считает, что его права нарушены или находятся под угрозой их ущемления.

Особенностью реализации функции конституционного контроля является также возможность одновременного осуществления правоприменения и правотворческой деятельности, когда при проверке конституционности применённого или подлежащего применению по конкретному делу закона осуществляется толкование Конституции РФ, следствием которого практически является создание новых норм. При этом, решение подлежит обязательному исполнению после официального опубликования постановления Конституционного суда РФ.

Несомненной заслугой КС РФ явилось утверждение в российской правовой системе в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в качестве самостоятельного источника российского права общепризнанных принципов и норм международного права, признанных Российской Федерацией и приравняемых по юридической силе к силе Конституции РФ, а также международных договоров Российской Федерации, обладающих приоритетом перед всеми законами Российской Федерации. Конституционный Суд РФ много сделал для соблюдения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в интерпретации Европейского суда по правам человека.

Конституция РФ закрепляет за высшими органами судебной власти Российской Федерации - Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ в качестве важнейших предметов их ведения осуществление надзора за судебной деятельностью нижестоящих судов (ст. 126, 127). В отличие от правосудия, осуществляемого общей и арбитражной системой в силу ст. 118 Конституции РФ, судебный надзор - это вид деятельности, присущий только высшим судам. Высшие судебные органы рассматривают судебные дела в порядке надзора, выступая как органы правосудия, но они осуществляют также особую надзорную деятельность в отношении нижестоящих судов. Следовательно, Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам

общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Аналогичны положение и полномочия Высшего Арбитражного Суда РФ. В Федеральных конституционных законах от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» дается конкретизация тех полномочий, которые составляют содержание судебного надзора. К их числу относятся изучение и обобщение судебной практики, анализ судебной статистики, дача разъяснений судам по вопросам применения законодательства Российской Федерации, возникающим при рассмотрении судебных дел. При этом разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума ВАС РФ, в отличие от Верховного Суда РФ носят обязательный характер для арбитражных судов. Необходимо отметить, что исходящие от суда правовые положения (в разъяснениях и указаниях пленумов) являются актами судебной власти в особой сфере ее деятельности. В литературе правильно отмечалось, что разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам применения законодательства выступают в качестве актов руководства судебной деятельностью, а не актов правосудия [18].

Конституция РФ устанавливает особый статус носителей судебной власти - судей (ст.ст. 119-122). Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом.

Следует отметить, что нормы, фиксирующие принцип независимости судей и их подчинение только Конституции РФ и закону, обращены не только к самим судьям, но и к государственным органам и общественным организациям, должностным лицам и гражданам, которым запрещается оказывать на судей воздействие, навязывать им определенные решения. В свою очередь, судьи обязаны противостоять всем посторонним воздействиям, от кого бы они ни исходили.

Таким образом, реализация данного принципа независимости судьи предполагает, во-первых, запрет на вмешательство в его деятельность, обеспечиваемый процессуальными гарантиями (участие в деле только заинтересованных лиц, вынесение решения в совещательной комнате); во-вторых, преследование по закону любого вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия, освобождение судей от обязанности отчитываться перед кем бы то ни было о своей деятельности и, в-третьих, установление законом порядка приостановления и прекращения полномочий, права на отставку, социальных гарантий.

Содержание принципа независимости судьи во второй его части - подчинение судьи Конституции РФ и закону - несет в себе отражение сущности судебной деятельности как правоприменительной. Правоприменение в условиях современной правовой системы России носит зачастую характер сложного, глубоко творческого процесса [19].

Судьи несменяемы. Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом. Судьи неприкосновенны. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом.

Одной из гарантий независимости судебной власти является ее финансовая обеспеченность. Конституция устанавливает, что финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом.

Финансовая самостоятельность органов судебной власти - это самостоятельность в рамках бюджетного процесса финансового обеспечения существования и функционирования органов судебной власти. Финансирование судов не может произвольно определяться по усмотрению законодательной или исполнительной власти, поскольку необходимые расходы федерального бюджета на суды защищены непосредственно самой Конституцией Российской Федерации и не могут быть ниже такого уровня, который обеспечивал бы выполнение ее требований.

Несомненно, вопросы финансирования судов тесно связаны с вопросами самостоятельности судебной власти.

Органы судебной власти - единственные в Российской Федерации органы государственной власти, порядок финансирования которых определен непосредственно в Конституции Российской Федерации.

В соответствии со статьей 124 Конституции Российской Федерации финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом.

Это означает, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 июля 1998 года № 23-П, что финансирование судов должно производиться в порядке и объеме, обеспечивающих надлежащие экономические условия осуществления судебной власти на основе положений Конституции Российской Федерации[20].

Можно согласиться с Н.А. Бобровой, в том, что на сегодняшний день непонятен статус прокуратуры, которая в идеале образует отдельную ветвь власти в системе разделения властей, что подчеркнуло бы самостоятельность органов прокуратуры (ст. 10 звучала бы так: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на президентскую, законодательную, исполнительную, судебную и прокурорскую»). В тексте действующей Конституции РФ в главе 7 «Судебная власть» (ст. 118 - 129) ст. 129 посвящена прокуратуре РФ как единой централизованной системе с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Более правильно было бы назвать главу 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура»[21].

В настоящее время законодательством четко не определен круг полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в ч. 1 ст. 27 предоставляет право самим субъектам сформулировать данный круг полномочий.

Одновременно с этим в целях соблюдения конституционных принципов представляется крайне необходи-

мым определить основные направления развития правового регулирования в данной сфере.

В данной связи актуален вопрос о том, какие именно дополнительные полномочия возможно осуществлять рассматриваемыми судами[22].

Вместе с тем представляется возможным предложить несколько иную классификацию полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Так, указанные полномочия делятся на основные (определенные в Федеральном конституционном законе «О судебной системе») и дополнительные (определяемые самим субъектом). Последние, в свою очередь, можно подразделить на общие (характерные для всех субъектов Федерации) и специальные (присущи только конкретному субъекту ввиду его отличительных особенностей).

Кроме того, как отмечает А.В. Цалиев, в региональном законодательстве существуют разные подходы и в вопросе допустимости обращений в конституционный (уставный) суд[23, с.12-14].

Перечень полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации не является исчерпывающим.

В настоящий момент субъекты Федерации вправе самостоятельно расширить данный перечень. При этом при определении дополнительных полномочий рассматриваемых судов необходимо прежде всего исходить из принципа разграничения полномочий между различными судебными органами.

Представляется возможным классифицировать полномочия конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации на основные (определенные в Федеральном конституционном законе «О судебной системе») и дополнительные (определяемые самим субъектом). Последние, в свою очередь, можно подразделить на общие (характерные для всех субъектов Федерации) и специальные (присущи только конкретному субъекту ввиду его отличительных особенностей).

Можно согласиться с И.В. Зыковой в том, что в связи с данным фактором, представляется возможным наделять конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации такими дополнительными общими полномочиями, как:

- осуществление мониторинга регионального законодательства;
- право законодательной инициативы в пределах своего ведения;
- проверка соответствия законов субъектов Федерации федеральным законам;
- рассмотрение споров о компетенции между органами государственной власти субъектов Федерации;
- участие в процедуре отрешения от должности должностного лица субъекта Федерации.

Одновременно с этим видится невозможность отнесения к компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации таких полномочий, как:

- проверка соответствия Конституции Российской Федерации законов субъектов Федерации;
- проверки соответствия конституции (уставу) субъекта Федерации федеральных законов;
- проверки соответствия конституции (уставу) субъекта Федерации ненормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления;

- проверки конституционности политических партий и иных общественных объединений.

Видится целесообразным принятие Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов Российской Федерации», в котором необходимо отразить статус органов конституционного контроля, их общие дополнительные полномочия и основные положения конституционного судопроизводства[24].

Что же касается мировых судов, то можно согласиться с С.И. Потаповым, полагающим, что институт мировых судей имеет сложную правовую природу, обусловленную двойственным положением мировых судей. С одной стороны, мировые суды входят в единую судебную систему Российской Федерации, являются судами общей юрисдикции, на них распространяются требования Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». С другой стороны, мировые судьи являются судами субъектов Федерации, и именно на субъекты возложена обязанность по содержанию данных судов[25, с.21].

Общее число мировых судей и количество судебных участков субъекта Российской Федерации определяется федеральным законом по законодательной инициативе соответствующего субъекта РФ, согласованной с Верховным Судом РФ, или по инициативе Верховного Суда РФ, согласованной с соответствующим субъектом РФ[26].

По результатам проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

Нужно отметить, что в настоящее время принято достаточно много нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность судов в Российской Федерации. Однако до сих пор не приняты ряд законов, предусмотренных Конституцией РФ. В их числе федеральные конституционные законы «О Верховном Суде Российской Федерации», «Об административном судопроизводстве».

На наш взгляд, необходимо вести работу по следующим направлениям.

В целях совершенствования деятельности КС РФ и правил осуществления конституционного судопроизводства следует дополнительно закрепить такие принципы деятельности КС РФ, как конституционность и законность, публичность и диспозитивность, правомерность в сочетании с целесообразностью, открытость (транспарентность), полнота и всесторонность, объективность и беспристрастность в рассмотрении дела, принцип процессуальной экономии.

Конституционный Суд РФ играет важную роль в утверждении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в качестве источников российского права; в соблюдении Конвенции о защите прав человека и основных свобод в интерпретации Европейского суда по правам человека. Конституционно-правовые позиции КС РФ и конвенционально-правовые позиции Европейского суда должны стать основой формирования процедур в различных видах судопроизводства по пересмотру судебных решений по индивидуальным делам, послужившим основанием обращения в Европейский суд по правам человека, в целях оперативного и надлежащего восстановления нарушенных прав заявителей.

Внести в Федеральный конституционный закон «О

судебной системе в Российской Федерации» дополнение следующего содержания: «Постановления Конституционного Суда, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда по вопросам толкования нормативного акта, формулирования правоположений в случае отсутствия нормы права или закона являются дополнительным источником права (судебным прецедентом) и обязательны для применения судами Российской Федерации».

Предусмотреть в Федеральном конституционном законе «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» положение, согласно которому постановления Пленума ВС РФ по вопросам своего ведения обязательны для судов общей юрисдикции. Также предоставить судам общей юрисдикции право ссылаться в своих решениях на постановления Пленума ВС РФ по вопросам судебной практики.

Разъяснения высших судебных органов служат серьезной гарантией единообразного применения законов на территории Российской Федерации и имеют важную теоретическую и практическую значимость для совершенствования законодательства[27].

Видится целесообразным принятие Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов Российской Федерации», в котором необходимо отразить статус органов конституционного контроля, их общие дополнительные полномочия и основные положения конституционного судопроизводства.

Наделить конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации такими дополнительными общими полномочиями, как:

- осуществление мониторинга регионального законодательства;
- право законодательной инициативы в пределах своего ведения;
- проверка соответствия законов субъектов Федерации федеральным законам;
- рассмотрение споров о компетенции между органами государственной власти субъектов Федерации;
- участие в процедуре отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Федерации.

В рамках Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» необходимо определить правовое положение мирового судьи, поскольку в настоящее время оно носит неопределенно двойственный характер: с одной стороны, мировой судья является судьей общей юрисдикции субъекта РФ, его введение зависит от содержания регионального законодательства, а с другой - законодатель признает его полноценным носителем судебной власти, элементом (звеном) единой судебной системы Российской Федерации, принимающим судебные постановления от имени Российской Федерации[28];

Можно согласиться с Н.А. Бобровой, в том, что на сегодняшний день непонятен статус прокуратуры, которая в идеале образует отдельную ветвь власти в системе разделения властей, что подчеркнуло бы самостоятельность органов прокуратуры (ст. 10 звучала бы так: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на президентскую, законодательную, исполнительную, судебную и прокурорскую»). В тексте действующей Конституции РФ в главе 7 «Судебная власть» (ст. 118 - 129) ст. 129 посвящена прокуратуре РФ как единой централизованной системе с подчинени-

ем нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Более правильно было бы назвать главу 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура»[29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева О.А. Государственная власть в системе публичной власти // Вектор науки № 3(13). 2010. с.274-277.
2. Кашепов В.П. Реализация конституционных положений об основах судебной власти // Журнал российского права. 2010. № 10.
3. Организация деятельности судов/Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2008. С. 23.
4. Воробьева О.А., Станкин А.Н., Публичная власть в России: проблемы теории и практики: монография/ под общ. Ред. Р.Л. Хачатурова.-Москва:Nota Bene, 2010. С.93.
5. Вороненков Д.Н., Ковальски Е. Судебная власть как особая форма деятельности государства// Право и государство: теория и практика. 2009. № 1. С.7.
6. Вступительное слово Президента Российской Федерации В.В. Путина на VI Всероссийском съезде судей// Судья. 2005. № 1.С. 3.
7. Петрухин И.Л. Проблема судебной власти в современной России// Государство и право. 2000. № 7. С. 15-21.
8. Воробьева О.А. Конституционные основы судебной власти в России//Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всеросс. науч.-практ. конф. 13 октября 2011 г./Под ред. В.П. Очердько. -СПб., 2011. -С. 115-119.
9. Изварина А.Ф. Функции судебной власти Российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. №7(55). С.8.
10. Там же. С. 6.
11. Конституционное право Российской Федерации / Под ред. Н.В. Витрука. М., 2010.
12. Алешкова И.А., Власова Т.В. Судебная власть в системе разделения властей в Российской Федерации: современное понимание // Российский судья. 2012. № 8.
13. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России// Государство и право. 2001. № 10. С. 22.
14. Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10.
15. Павликов С.Г. Власть Конституции в правовом государстве и судебный конституционный контроль // Современный юрист. 2013. № 2(3) (Апрель-Июнь).
16. Гончаров В.В., Жилин С.М. Понятие и сущность государственной власти: конституционно-правовой анализ// Социология власти. 2010. №1. С. 155.
17. Изварина А.Ф. Функции судебной власти Российского государства// Право и государство: теория и практика. 2009. №7(55). С.8.
18. Макарова О.В. Разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ как форма судебного надзора // Журнал российского права. 2012. № 6.
19. Мосина И.А. Независимость судебной власти как основополагающая гарантия статуса судьи // Администратор суда. 2011. № 4.
20. Ермошин Г.Т. Органы судебной власти и органы правосудия в судебной системе России: проблемы дефиниции (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013).
21. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3.
22. Зыкова И.В. Определение полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 10.
23. Цалиев А.М. Совершенствование законодательства - важнейшее условие организации и деятельности конституционных (уставных) судов // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 1. С. 12 - 14.
24. Зыкова И.В. Определение полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 10.
25. Потапов С.И. Проблемы становления мировой юстиции и пути их разрешения // Мировой судья. 2007. № 2. С. 21.
26. Сангаджиев Б.В. Перспективы развития в России института мировой юстиции // Административное право и процесс. 2012. № 2.
27. Макарова О.В. Разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ как форма судебного надзора // Журнал российского права. 2012. №6.
28. Терехин В.А. Судебная политика в современной России: необходимость формирования // Правовая политика и правовая жизнь. № 2(51) 2013. С. 144-147.
29. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3.

LEGAL STATUS OF THE JUDICIARY IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY AND PRACTICE

© 2014

*Vorobieva O.A., Ph.D., Associate Professor,
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Abstract: The paper presents the concept, purpose, authority, principles and functions of the judiciary.

Keywords: power, public power, the judiciary.

УДК 342.5

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2014

Гавронов А.А., студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: данная статья посвящена анализу современной системы государственных органов по противодействию экстремизму в Российской Федерации, некоторых ее проблем, противоречий и перспектив дальнейшего развития.

Ключевые слова: государственные органы, противодействие экстремизму, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел.

Экстремизм как негативное социальное явление в настоящее время является весьма актуальной проблемой, требующей комплексного подхода к своему решению.

В Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. экстремистская деятельность названа в качестве одного из основных источников угроз государственной и общественной безопасности нашей страны. [1] Число зарегистрированных официальной статистикой преступлений экстремистской направленности в целом по России сравнительно невелико (всего по РФ 622 преступления в 2011 г., 696 – в 2012 г., 896 – в 2013 г.) [2], однако, это не должно создавать иллюзий того, что проблема отсутствует или допускает недостаточно внимательного отношения к себе. Не следует забывать, что подобного рода преступления обладают большой латентностью, а случаи открытых проявлений радикализма зачастую имеют весьма тяжелые последствия.

На настоящий момент очевиден рост межнациональной и межрелигиозной напряженности в целом ряде регионов России (Краснодарском, Ставропольском краях, областях Приволжского и Центрального федеральных округов). В качестве наиболее известных примеров этого можно привести массовые выступления в г. Пугачёве (Саратовская область) в июле 2013 г. и беспорядки в московском районе Бирюлево-Западное в октябре этого же года. В обоих случаях имели место крупные конфликты на национальной почве.

Наиболее опасным проявлением экстремизма, его крайней формой является терроризм (п.1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). Об опасности этого явления для общества и государства говорить излишне, достаточно вспомнить наиболее громкие теракты, совершенные на территории России за последнее десятилетие. Выступая на Расширенных Коллегиях ФСБ 14 февраля 2013 г. и Генпрокуратуры РФ 5 марта 2013 г., Президент России Владимир Путин указал на «прямую связь экстремистских и террористических группировок», призвав ведомства «максимально решительно действовать в борьбе с распространением радикальных идей, чтобы оградить молодёжь от втягивания в террористические группы и бандподполья». [3]

Вместе с тем, как отмечают многие эксперты, на на-

стоящий момент в области противодействия экстремизму в РФ сложилась система, получающая весьма неоднозначные оценки.

Моментом резкого усиления внимания государства к проблеме можно считать 2008 г. Именно тогда было создано Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации (Центр «Э»), в результате чего общая численность сотрудников правоохранительных органов, задействованных в работе по этому направлению, значительно возросла. Данная структура в системе министерства была образована в соответствии с Указом Президента России № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью. При этом, последние в виде Департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД, фактически прекратили свое существование.

Несколько позже, в соответствии с Указом Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988, была образована Межведомственная комиссия по борьбе с экстремизмом – межведомственный орган, образованный в целях координации деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, участвующих в противодействии экстремизму, а также организационно-методического руководства этой деятельностью. Председателем Президиума Межведомственной комиссии является Министр внутренних дел РФ. Таким образом, Министерство внутренних дел, по сути, стало головным органом, организующим борьбу с экстремизмом на территории Российской Федерации.

Однако, необходимо отметить, что организация противодействия экстремизму и, в особенности, терроризму традиционно находилось и в компетенции Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Служба по защите Конституционного строя и борьбе с терроризмом существует в ФСБ уже почти 15 лет (профильное подразделение создано 6 июля 1998 г.) и успела накопить за это время весьма серьезный опыт. В структуре Службы действуют, в частности, Управление по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом (УБТ-ПЭ), Управление по защите конституционного строя

(УЗКС), Антитеррористический центр, включающий в себя Центр специального назначения и Управление по борьбе с международным терроризмом (УБМТ).[4]

Директор ФСБ также возглавляет Национальный антитеррористический комитет, созданный в соответствии с указом Президента от 16 февраля 2006 года «О мерах по противодействию терроризму». Данный межведомственный орган является структурой, обеспечивающей координацию федеральных и региональных органов исполнительной власти по противодействию терроризму, устранение способствующих ему причин и условий, обеспечение защищенности потенциальных объектов террористических посягательств.[5]

Прокуратура РФ, осуществляя надзор за соблюдением законодательства и координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в целом, также является составной частью системы борьбы с экстремизмом. В п.1.1 приказа Генерального прокурора РФ N 7 от 16.01.2012 указано, что: «Особое внимание, помимо прочего, необходимо обращать на исполнение законов, направленных на борьбу с терроризмом и неформальными молодежными объединениями экстремистской направленности». Профильным подразделением Прокуратуры, осуществляющим надзор за соблюдением законодательства по противодействию экстремизму, является Отдел по надзору за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму Генеральной Прокуратуры РФ.[6]

Кроме вышеперечисленных, так или иначе, в противодействии экстремизму в РФ задействован также целый ряд других ведомств, среди которых Министерство юстиции, Министерство связи и массовых коммуникаций, Министерство обороны и многие другие, главы которых на правах членов входят в состав Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму и Национального антитеррористического комитета.

Исходя из вышесказанного, предположим, что на данный момент в области противодействия экстремизму в России сложилась несколько противоречивая система. По сути, ведомством, возглавившим работу в этом направлении, стало МВД - Межведомственную комиссию по противодействию экстремизму возглавляет Министр внутренних дел РФ, кроме того, в составе МВД появилось профильное управление.

Вместе с тем, заметим, что создание «антиэкстремистского» подразделения в МВД – весьма спорный шаг, имеющий оппонентов среди многих экспертов. Главным их аргумент – ошибочность расформирования подразделений по борьбе с организованной преступностью в условиях очевидного отсутствия полной победы над этим явлением. Статистика преступлений, совершенных в составе организованных преступных групп в России не утешительна: в 2009 г. предварительно расследовано 11299 особо тяжких преступлений, совершенных их членами, в 2010 г. – 8829, в 2011г. – 6582, в 2012 г. – 6603, в 2013 г. – 5940. Количество предварительно расследованных тяжких преступлений, совершенных в составе организованных преступных групп, составляет 15274 в 2009 г., 11135 в 2010 г., 9039 в 2011 г., 9961 в 2012 г., 9311 в 2013 г. [2]

После расформирования ДБОПит МВД вся тяжесть

борьбы с проявлениями организованной преступности была возложена на подразделения уголовного розыска и подразделения по борьбе с экономическими преступлениями МВД. Однако, исходя из характера организованной преступности как комплексного явления, сочетающего в себе черты как общеуголовной так и экономической преступности, определить сферы ответственности каждого из этих подразделений и наладить их эффективное взаимодействие друг с другом стало крайне сложно.[7]

Национальный антитеррористический комитет возглавляет Директор ФСБ. Кроме этого, специалисты данного ведомства очень долгое время занимались работой по организации противодействия экстремизму до образования профильного управления в МВД.

Вице – президент Российской криминологической ассоциации Михаил Петрович Клейменов, выступая на Всероссийской научно-практической конференции «Экстремизм, его причины и проблемы борьбы с ним» 5 февраля 2010 года, поставил вопрос о соответствии подразделений по противодействию экстремизму МВД предназначению органов внутренних дел. Главным аргументом было то, что борьба с политически и идеологически мотивированными преступлениями несвойственна полиции и всегда являлась сферой деятельности ФСБ РФ.[8]

Адвокат, полковник милиции в отставке Евгений Черноусов также полагает ошибочным назначение руководителя МВД главным ответственным за борьбу с экстремизмом в России. По его мнению, полиции нужно «заниматься проблемами населения, а не бороться с экстремистами. Эту область нужно отдать ФСБ».[9] Этой же точки зрения придерживается и Владимир Попов, полковник, доктор исторических наук. По его словам, борьбой с межрелигиозными и межрасовыми противоречиями и созданными на их основе объединениями должно заниматься одно ведомство. «Такое положение вещей до недавнего времени и существовало – всю эту работу организовывали и проводили ФСБ и Национальный антитеррористический комитет».[9]

Владимир Овчинский – бывший глава российского бюро Интерпола, генерал-майор милиции в отставке отмечает, что «у органов внутренних дел в сфере противодействия экстремизму традиционно был относительно небольшой сегмент, относящийся, в первую очередь, к обеспечению общественной безопасности».[7] Что касается противодействия группам и объединениям, ставящим перед собой экстремистские цели в политическом, конфессиональном, этническом или социальном поле, то позиция этого эксперта совпадает с приведенными выше точками зрения – «МВД не должно ими заниматься, это – функция ФСБ».[10]

Эффективность действующей на сегодняшний день системы покажет время. Однако, после анализа некоторых экспертных мнений и законодательства, предположим, что руководящую и координирующую роль в борьбе с экстремизмом следует вернуть Федеральной службе безопасности.

В Министерстве же внутренних дел на базе действующих подразделений по борьбе с экстремизмом целесообразнее было бы возродить управления по борьбе с организованной преступностью в их прежнем виде либо создать несколько видоизмененную структуру с направленностью на противодействие организованной преступной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. №20.

2. Генеральная Прокуратура Российской Федерации Портал правовой статистики // Режим доступа http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 17.03.14).

3. Президент РФ // Режим доступа <http://www.kremlin.ru/transcripts/17516> (дата обращения 17.03.14).

4. Структура ФСБ: Центральный аппарат // Режим доступа <http://www.agentura.ru/dossier/russia/fsb/structure/> (дата обращения 17.03.14).

5. Национальный антитеррористический комитет // Режим доступа <http://nac.gov.ru/> (дата обращения 17.03.14).

6. Положение об управлении по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, междуна-

циональных отношениях и противодействии экстремизму от 05.12. 07 // Режим доступа <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14312/> (дата обращения 17.03.14).

7. За что боролись? // Режим доступа <http://www.ogoniok.com/5065/35/> (дата обращения 17.03.14).

8. Стенограмма дискуссии в рамках «круглого стола» на Всероссийской научно-практической конференции «Экстремизм, его причины и проблемы борьбы с ним» (5 февраля 2010 года) // Режим доступа <http://crimas.ru/?p=1580> (дата обращения 17.03.14).

9. Это уже не борьба с экстремизмом, это – война // Режим доступа http://www.ng.ru/politics/2011-08-01/1_extremism.html (дата обращения 17.03.14).

10. Владимир Овчинский: МВД должно заниматься бандитами, а не экстремистами // Режим доступа <http://svpressa.ru/politic/article/42595/> (дата обращения 17.03.14).

THE SYSTEM OF STATE BODIES ON COMBATING EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

© 2014

Gavronov A.A., a student of the Institute of law
Togliatti state University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article is devoted to the analysis of the modern system of state bodies on combating extremism in the Russian Federation, some of its problems, contradictions and perspectives of further development.

Key words: state bodies, combating extremism, the Federal security service, Ministry of internal Affairs.

УДК 340

СУДЕБНАЯ ДЕПОНАЦИЯ ПОКАЗАНИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

© 2014

Гамбарян А.С., доктор юридических наук председатель научно-аналитического совета
«Уголовное правосудие»

Оганесян А.А., слушатель школы Прокуратуры РА
Республика Армения, Ереван

Аннотация: В статье рассматривается один из актуальных вопросов в науке уголовного процесса – институт судебной депонии показаний, данных во время предварительного следствия. В настоящей статье представлен сравнительно-правовой анализ института судебной депонии показаний, данных во время предварительного следствия в свете нововведений в Проекте нового уголовно-процессуального кодекса Республики Армения. Сравнительный анализ позволяет выявить различные аспекты рассматриваемого института в ряде государств, раскрывает различные подходы и законодательные регулировки рассматриваемого института. Авторы представляют различные модели судебной депонии показаний, одновременно анализируя модель депонии, предложенную в Проекте нового уголовно-процессуального кодекса. Заключительная часть статьи посвящена целесообразности внедрения института судебной депонии показаний в предложенном проекте виде.

Ключевые слова: уголовный процесс, депония, допрос, показания, оглашение, признание, неявка.

Сложная деятельность по разработке проекта уголовно-процессуального кодекса РА началась еще в 2006-ом году. Правительство РА представило Национальному Собранию РА проект уголовно-процессуального кодекса РА (Проект) только 10-ого июля настоящего года.

Проектом предусмотрен ряд новых институтов, к числу которых относится также судебная депонация показания предварительного следствия. В соответствии со статьей 312-ой Проекта, судебная депонация осуществляется: 1) по ходатайству следователя - с целью обеспечения надлежащего порядка получения признательных показаний обвиняемого, 2) по ходатайству следователя или частного участника процесса - с целью получения от лица надлежащих показаний при отсутствии возможности явки в суд либо при наличии обоснованного предположения отказа от правомерной дачи показаний в процессе судебного разбирательства. С ходатайством о судебной депонации признательных показаний в суд может обратиться только следователь, а при наличии второго основания - также частный участник процесса: обвиняемый, защитник, потерпевший.

Порядок представления ходатайства о депонации показаний предварительного следствия, его обсуждения, а также процедура депонации установлены Проектом. Так, ходатайство о депонации должно содержать обоснование необходимости ее совершения, а также сведения о тех участниках процесса, присутствие которых необходимо при депонации. К ходатайству прилагаются те материалы, которые позволяют участникам депонации должным образом осуществить свое право на встречный вопрос. Своим решением суд отклоняет ходатайство о депонации, если оно не обосновано или представленные обоснования не являются убедительными.

Перед тем, как начать депонацию показаний с целью обеспечения надлежащего порядка получения признательных показаний обвиняемого, суд обязан отдельно разъяснить обвиняемому его права касательно данной процедуры, в том числе право хранить молчание и право на дачу показаний в присутствии защитника. В случае изъятия обвиняемым желания сохранить молчание или дать показания в присутствии защитника, суд составляет протокол о непроведении депонации (об отказе в депонации), который подписывают обвиняемый и председательствующий судья.

При депонации показаний суд обеспечивает соблюдение установленного кодексом порядка допроса, а также реализацию права на перекрестный, встречный допрос при депонации показаний. При депонации суд не вправе задавать вопросы по существу. В результате депонации показаний составляется протокол допроса с соблюдением соответствующих требований кодекса; протокол подписывают участники депонации, а председательствующий судья заверяет его своей печатью.

Депонация признательных показаний обвиняемого с целью обеспечения надлежащего порядка их получения дала место немалым спорам в РА[1]. Для оценки регулирования судебной депонации показаний, в частности - правомерности депонации признательных показаний обвиняемого, в уголовном процессе РА немаловажное значение имеет сравнительно-правовой анализ данного института. В настоящей статье будет представлена правовая регламентация судебной депонации согласно уголовно-процессуальному законодательству Молдовы,

Эстонии, Украины, Грузии, Хорватии, США, Германии, а также по проекту уголовно-процессуального кодекса Казахстана.

В соответствии со статьей 109-ой уголовно-процессуального кодекса Молдовы 2003-его года, в случае, если свидетель не сможет присутствовать при рассмотрении дела в суде по причине его выезда за границу или по другим обоснованным причинам, прокурор может потребовать его допроса судьей по уголовному преследованию с обеспечением возможности подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и прокурору задать вопросы допрашиваемому свидетелю.

Статья 67-ая уголовно-процессуального кодекса Эстонской Республики 2004-ого года устанавливает, что судья по предварительному следствию - в связи с тяжестью преступления или с исключительными обстоятельствами - по ходатайству прокуратуры может своим постановлением признать свидетеля анонимным в целях обеспечения его безопасности, чему предшествует допрос свидетеля с целью установления необходимости обеспечения его безопасности. Изменения, проведенные в уголовно-процессуальном кодексе Эстонской Республики в 2013-ом году, предусматривают более широкий спектр возможной депонации досудебных показаний. В соответствии с этими изменениями, прокуратура, подозреваемый или защитник вправе ходатайствовать о допросе свидетеля судьей по предварительному следствию, если дальнейший допрос свидетеля в условиях судебного рассмотрения дела может стать невозможным либо может быть оказано влияние на свидетеля с целью дачи им ложных показаний. Это означает, что если свидетель не явится в суд (что, к сожалению, встречается довольно часто), а также если ему будут угрожать либо манипулировать им, то в качестве доказательства к делу будут приобщены его показания, данные на досудебном этапе производства[2].

Суд может не вызывать несовершеннолетнего на заседание и разрешить представить в качестве доказательства данные им в досудебном производстве и записанные на видео показания, если:

- у защитника была достаточная возможность представить свидетелю вопросы в ходе досудебного производства;
- если свидетелю меньше десяти лет и повторный допрос может повредить его психике;
- если свидетель младше 14-ти лет и допрос касается обстоятельств, связанных с насилием или сексуальной тематикой, либо свидетель - человек с недостатками речи, памяти, душевного здоровья, нарушениями психики или аутист.

Уголовно-процессуальный кодекс Украины 2012-ого года в статье 225-ой устанавливает, что в исключительных случаях, связанных с необходимостью получения показаний свидетеля или потерпевшего во время досудебного расследования, если имеет место опасность для жизни и здоровья свидетеля или потерпевшего, их тяжелая болезнь, наличие других обстоятельств, которые могут сделать невозможным их допрос в суде или повлиять на полноту или достоверность показаний, сторона уголовного производства имеет право обратиться к следственному судье с ходатайством провести допрос такого свидетеля или потерпевшего в судебном заседании.

Статья 243-ья уголовно-процессуального кодекса

Грузии 2009-ого года предусматривает депонацию показаний свидетеля и их дистанционный допрос. Так, в соответствии с частью 1-ой указанной статьи при смерти свидетеля, его нахождении вне территории Республики либо отсутствии сведений о месте его пребывания в суде оглашаются депонированные досудебные показания свидетеля, полученные с соблюдением требований закона. Часть вторая той же статьи устанавливает, что при давлении, угрозе, подкупе свидетеля, при наличии существенных отличий в его показаниях, стороны вправе ходатайствовать, чтобы были оглашены недепонированные показания свидетеля. В основу обвинительного приговора не могут быть положены только эти показания.

В проекте нового уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан подробно урегулирован порядок депонирования показаний свидетеля и потерпевшего[3]. В соответствии со статьями 53-ей и 55-ой данного Проекта, следственный судья вправе на основании ходатайства прокурора, защитника депонировать показания свидетеля и потерпевшего, если имеются основания полагать, что более поздний их допрос может оказаться невозможным в силу объективных причин (переезд за границу, постоянное место жительства вне территории Казахстана, тяжелое состояние здоровья, применение мер безопасности), либо в целях исключения психотравмирующего воздействия на них при допросе в главном судебном разбирательстве. Статьей 217-ой проекта установлены особенности допроса (депонация показаний) потерпевшего, свидетеля. Так, прокурор, защитник вправе ходатайствовать следственному судье о допросе лица, являющегося свидетелем, потерпевшим. Лицо, осуществляющее досудебное производство, вправе обратиться к прокурору с предложением относительно представления ходатайства о депонации показаний свидетеля или потерпевшего следственным судьей. К подобному предложению лицо, осуществляющее производство, прилагает материалы уголовного дела, которые обосновывают необходимость депонации показаний свидетеля, потерпевшего. Исследовав представленные материалы, в течение суток прокурор принимает решение о представлении следственному судье ходатайства о депонации показаний. Следственный судья исследует ходатайство в течение трех дней после его получения и по результатам исследования выносит мотивированное решение об удовлетворении ходатайства либо об отказе в удовлетворении. При удовлетворении ходатайства следственный судья назначает первую же возможную дату для проведения допроса, о чем уведомляются прокурор, подозреваемый и его защитник. Решение следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства может быть обжаловано. Отказ следственного судьи в удовлетворении ходатайства прокурора о депонации показаний не препятствует повторному обращению в суд с ходатайством о депонации показаний, если возникли такие обстоятельства, которые обосновывают необходимость депонации показаний. Допрос свидетеля и потерпевшего следственным судьей осуществляется в присутствии лиц, которые ходатайствовали о депонации показаний. Подозреваемый не приглашается на допрос, если его присутствие во время допроса может угрожать безопасности свидетеля, потерпевшего. Защитник вправе ходатайствовать следственному судье в оказании содействия при вызове лиц на допрос. Неявка подозреваемого, получив-

шего повестку, не препятствует проведению допроса. Допрос не проводится, если прокурор или защитник, получившие повестку, не явились по уважительной причине и заранее уведомили суд об этом. Допрос не проводится также в том случае, когда на допрос не явился участник процесса, ходатайствовавший о его проведении, либо он не представил следственному судье лицо, о допросе которого ходатайствовал. После завершения допроса следственный судья отправляет протокол судебного заседания о депонации показаний свидетеля прокурору для приложения к материалам уголовного дела. Лица, чьи показания были депонированы в процессе досудебного производства, не вызываются на судебное заседание.

Как видим, одним из оснований для депонации показаний свидетеля в представленных странах является то, что свидетель или потерпевший по объективным причинам, в том числе – ввиду болезни, не может явиться на судебное расследование. Однако в ряде государств для подобных случаев предусмотрен не институт депонации показаний, а возможность дистанционного допроса.

Так, в соответствии со статьей 247-ой, частью 6-ой статьи 248-ой уголовно-процессуального акта Хорватии 2003-ого года, если ввиду возраста, состояния здоровья либо инвалидности свидетель не может явиться в суд, то он вправе дать показания по месту своего нахождения. Такие свидетели могут быть допрошены с применением технических средств, путем видео-звукозаписи допроса.

В соответствии с 15-ым правилом федеративных уголовно-процессуальных Правил США (по состоянию на 1-ое декабря 2012-ого года) одна из сторон может депонировать показания будущего свидетеля с целью их сохранения для судебного расследования. Суд может удовлетворить ходатайство стороны о депонации показаний при наличии исключительных обстоятельств, исходя из интересов правосудия. Если суд решает депонировать показания, то он может потребовать у свидетеля, чьи показания депонируются, представить любые материалы, находящиеся в его распоряжении, в том числе любую книгу, журнал, документ, протокол, запись и любые другие данные.

Федеративными уголовно-процессуальными Правилами США предусмотрено, что любой свидетель, взятый под стражу в соответствии с 18 U.S.C. §3144, может потребовать депонации своих показаний, представив соответствующее письменное ходатайство и оповестив об этом стороны. Затем по приказу суда может быть произведена депонация показаний, а свидетель освобождается после клятвенного подписания соответствующего протокола о депонации.

Правилем 15(c) устанавливает порядок участия обвиняемого в процессе депонации показаний свидетеля. Правилами предусмотрены особенности участия в процессе депонации показаний свидетеля арестованного обвиняемого и обвиняемого, находящегося на свободе.

Так, арестованного обвиняемого к участию в процессе депонации показаний свидетеля представляет сотрудник того места содержания под стражей, в котором содержится обвиняемый. Обвиняемый не представляется к участию в процессе депонации показаний свидетеля, если он в письменной форме отказывается от своего права участвовать в процессе депонации либо отстраняется от процесса депонации, если ранее он был предупрежден о недопустимости допущения деструктивного поведения, однако продолжил проявлять подобное поведение.

Обвиняемый, находящийся на свободе, вправе ходатайствовать суду об участии в процессе депонирования показаний свидетеля. Если в соответствии с порядком, установленным Правилom 15(d), правительство несет затраты обвиняемого, связанные с его участием в процессе депонирования показаний, однако обвиняемый не является во время депонирования показаний, то при отсутствии обоснованных причин обвиняемый таким образом отказывается от своего права присутствовать в процессе депонирования и осуществляемого на его основании права осуществить депонирование и возразить против использования депонированных показаний.

Правилom 15(c)(3) регулируется депонирование показаний свидетеля, находящегося вне территории США, совершаемая при отсутствии обвиняемого. Так, депонирование показаний свидетеля, находящегося вне территории США, без участия обвиняемого, может быть осуществлена, если по обстоятельствам конкретного дела суд выяснит следующее:

(А) с целью осуществления уголовного преступления по делам о тяжких преступлениях показание свидетеля может считаться важным доказательством для установления фактических обстоятельств дела,

(В) существует большая вероятность того, что окажется невозможным обеспечение участия свидетеля во время судебного разбирательства,

(С) присутствие свидетеля во время депонирования, осуществляемой в США, невозможно,

(D) обвиняемый не сможет участвовать при допросе свидетеля, находящегося в другой стране, потому что:

(I) страна, в которой находится свидетель, не разрешит обвиняемому присутствовать при депонировании,

(II) отсутствует возможность безопасной транспортировки обвиняемого в страну пребывания свидетеля и обеспечения там его защиты,

(III) ни одно разумное условие не сможет гарантировать присутствие во время процесса депонирования, судебного расследования или осуждения обвиняемого, находящегося на свободе, и

(E) путем применения разумных средств обвиняемый может присутствовать в процессе депонирования показаний свидетеля, находящегося в другой стране.

В уголовном процессе США депонирование показаний осуществляется в соответствии с правилами, установленными федеральным гражданско-процессуальным законодательством, если иное не предусмотрено федеральным уголовно-процессуальным законодательством либо решением суда, причем:

1. Показания обвиняемого не могут быть депонированы без его согласия.

2. Форма и содержание допроса во время процедуры депонирования и во время проведения перекрестного допроса должны соответствовать форме и содержанию, которые допустимы для реализации уголовного процесса.

3. В процессе депонирования правительство обязано пре-

доставить обвиняемому и его защитнику любые материалы либо утверждения свидетеля, находящиеся в его ведении, с которыми обвиняемый во время судебного процесса получил бы возможность ознакомиться.

В отдельных странах предусмотрена возможность допроса судом взятого под стражу обвиняемого. Так, в соответствии с параграфом 135 уголовно-процессуального кодекса Германии, обвиняемый («Beschuldiger» - подозреваемое лицо, в отношении которого начато уголовное производство, которому, однако, еще не представлено публичное обвинение, и не начато судебное разбирательство по делу) незамедлительно должен быть представлен в суд и допрошен. На основании решения о приводе такое лицо может быть задержано до конца дня, следующего за днем с момента осуществления привода. Данная норма касается не депонирования признательных показаний обвиняемого, а представления взятого под стражу лица в суд и его допроса в суде. Данное положение преследует цель проверки судом правомерности взятия под стражу.

Таким образом, в результате сравнительно-правового анализа можно прийти к следующим выводам:

1. В иностранных государствах судебная депонирование показаний имеет широкую распространенность, чем, с одной стороны, обеспечивается эффективность уголовного правосудия, принцип непосредственности судебного производства, с другой – право обвиняемого допросить лицо, давшее против него показания.

2. В иностранных государствах преимущественно предусматривается возможность судебной депонирования показаний потерпевшего и свидетелей, если свидетель либо потерпевший по объективным причинам (болезнь, нахождение на территории иного государства) не могут участвовать в процессе судопроизводства либо их участие во время судопроизводства нецелесообразно, исходя из необходимости обеспечения их безопасности.

3. Не предусмотрен институт депонирования признательных показаний обвиняемого. В отдельных государствах говорится лишь о возможности допроса судом взятого под стражу обвиняемого, однако в данном случае целью такого допроса является не депонирование показаний, а судебная оценка правомерности взятия лица под стражу.

Исходя из вышеуказанных тезисов, предлагается изъять из проекта уголовно-процессуального кодекса РА положения о судебной депонировании показаний обвиняемого с целью установления надежности признательных показаний обвиняемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гамбарян А., Багдасарян Г. - Оглашение показаний предварительного следствия в суде и судебная депонирование показаний. // «Законность», 2013г. Номер 75, с. 37-47 (на армянском языке).

2. Инфопресс №36.

3. <http://www.zakon.kz/4526068-dose-its-na-proekt-ugolovno.html> (по состоянию на 5 апреля 2013 года)

TRIAL DEPONATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION'S TESTIMONIES (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

© 2014

Ghambaryan A.S., head of department in the General Prosecutor's Office of the Republic of Armenia,
Doctor of law

Hovhannisyan A.A., listener in the Prosecutor's School of the Republic of Armenia,
Yerevan, Republic of Armenia

Annotation: In the article there is being discussed one of the most actual problems in the area of criminal procedure – trial deponation of the preliminary investigation's testimonies. In the article there is shown the comparative legal analysis of the trial deponation institute toward the Project of new criminal procedure code of the Republic of Armenia. The comparative legal analysis shows some areas of the discussed problem in several countries, such as Ukraine, United States of America, Moldova, Georgia, Kazakhstan and others, compares legal utilities of the trial deponation. The authors present various models of the deponation systems, contemporaneously comparing them with the model, proposed in the Project. The final section is devoted to the feasibility of implementing the trial deponation system in the new criminal procedure code of the republic of Armenia.

Keywords: criminal procedure, deponation, interrogation, testimonies, announcement, recognition, absenteeism.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, ПОШЛИН ИЛИ ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

© 2014

Гежян А.С., соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры уголовного
и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета.
Главный специалист юридического управления при Президенте РА

Республика Армения, Ереван

Аннотация: Статья посвящена некоторым особенностям уклонения от уплаты налогов, пошлин или иных обязательств по уголовному законодательству Республики Армения. В результате исследования автор приходит к выводу, что факт неправильного расчета суммы налога, подлежащего уплате в бюджет, не влечет за собой уголовной ответственности, если будет установлено наличие ошибки в расчетах.

Ключевые слова: Налоги, сборы, пошлины, обязательные платежи, добавочная стоимость, поддельные документы, товарные сделки, злостное уклонение, социальные отчисления, судебная практика.

Далее, сам факт непредоставления документов в срок или же включение в эти документы заведомо ложных сведений автоматически не образует состава преступления.

Более того, при невыплате лишь одного вида налога, сбора или иного обязательного платежа деяние не должно быть квалифицировано по ст. 205 УК РА.

УК РА в нынешней редакции содержит лишь одну статью, напрямую криминализирующую преступление в сфере налоговой деятельности. Речь идет о ст. 205 – злостное уклонение от уплаты налогов, пошлин или иных обязательных платежей. В частности, УК РА предусматривает уголовную ответственность за «злостное уклонение от уплаты налогов, пошлин или иных обязательных платежей путем непредоставления предусмотренных законом отчетов, расчетов или других обязательных документов, считающихся основанием для налогообложения, либо путем включения в данные документы заведомо искажен-

ных данных». Причем данное деяние является преступлением, если оно совершено в крупных либо особо крупном размере. В качестве наказания армянский законодатель предусмотрел штраф в размере от двухтысячекратного до трехтысячекратного размера минимальной заработной платы, либо лишение свободы – на срок от двух до пяти лет за обычный состав, и только лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, причем с конфискацией имущества – за квалифицированный состав.

Состав преступления, предусмотренный ст. 205 УК РА, материальный, что означает, что для квалификации содеянного по данной статье УК указанные действия/бездействие должны привести к неуплате налогов и (или) сборов в крупном/особо крупном размере.

Понятие крупного размера раскрывается в ч. 3 ст. 205. Под таковым признается сумма (стоимость), непревышающая от двухтысячекратного до пятнадцатитысяче-

кратного размера минимальной заработной платы, установленной на момент совершения преступления.

В ч. 2 ст. 205 УК предусматривается более строгая ответственность за уклонение от уплаты налогов или сборов, совершенное в особо крупном размере. При этом особо крупным размером, в соответствии с ч. 3 ст. 205, понимается сумма, превышающая пятнадцатикратный размер минимальной заработной платы, установленной на момент совершения преступления. Отметим, что в ст. 205 не содержится каких-либо иных критериев, таких как срок неуплаты.

Анализ субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РА, показывает, что преступление может быть совершено только умышленно, причем с прямым умыслом, что предполагает, что лицо осознавало и желало наступления последствий преступного деяния. Это обязывает органы, осуществляющие судебное преследование, не только установить факт неуплаты, но и доказать противозаконность действий налогоплательщика и наличие прямого умысла, направленного на уклонение от уплаты налога. Следовательно, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 205 УК РА, составообразующим может признаваться только такое деяние, которое совершается с прямым умыслом и направлено на уклонение от уплаты налога в нарушение установленных законодательством правил. Таким образом, факт неправильного расчета суммы налога, подлежащего уплате в бюджет, не влечет за собой уголовной ответственности, если будет установлено наличие ошибки в расчетах.

Формулировка, используемая в ст. 205 УК РА, раскрывает такой признак объективной стороны, как способ совершения преступления, а именно: а) путем непредставления предусмотренных законом отчетов, расчетов или других обязательных документов, считающихся основанием для налогообложения, и б) путем включения в данные документы заведомо искаженных данных. Соответственно, если даже имело место уклонение от уплаты налогов, пошлин или иных обязательных платежей, однако это было совершено не способом, упомянутым в ст. 205, данное деяние не может быть квалифицировано по данной статье УК за отсутствием состава преступления. Не будет и состава преступления, если нанесенный ущерб меньше суммы, определенной в ч.3 ст. 205 в качестве крупного/особо крупного размера. Это позволяет сделать вывод, что сам факт непредоставления документов в срок или же включение в эти документы заведомо ложных сведений автоматически не образует состава преступления.

Толкование текста ст. 205 позволяет сделать вывод, что она подлежит применению как в случае неуплаты налогов, так и таможенных сборов, других платежей. Однако для того, чтобы определить объект преступления, самой статьи будет не достаточно. Необходимо обратиться к налоговому и таможенному законодательству. Так, Закон РА «О налогах» раскрывает понятие налога и его виды. А ст. 12 выше упомянутого закона раскрывает виды налогов в РА, причем делит их на государственные и местные налоги. Более детально выше обозначенные виды государственных налогов представлены в отдельных законодательных актах, а именно: Закон «На добавленную стоимость», Закон «О подоходном налоге», Закон «О налоге с прибыли», Закон «Об акцизном налоге».

Анализ диспозиции статьи говорит о том, что она подлежит применению не в отношении неуплаты одного

налога, а налогов, пошлин и других обязательных платежей. Ныне действующая редакция ст. 205 УК РА допускает возможность привлечения к ответственности и суммирование нанесенного ущерба по всей совокупности налогов и сборов, от уплаты которых лицо уклонилось. Предполагается, что крупный/особо крупный размер ущерба будет определяться по совокупности всех невыплат, а не выплаты отдельно взятого налога. Более того, при грамматическом толковании уголовного закона, можно заключить, что при невыплате лишь одного вида налога, сбора или иного обязательного платежа деяние не должно быть квалифицировано по ст. 205 УК РА. Данный вывод подтверждается также и судебно-следственной практикой РА. Так, во всех проанализированных уголовных делах обвиняемым было вменено уклонение от выплаты налога на добавочную стоимость (НДС), подоходного налога.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 205 УК РА, является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако данных признаков (вменяемость и достижение шестнадцатилетнего возраста) недостаточно для того, чтобы признать виновным в совершении уклонения от уплаты налогов и (или) сборов. В диспозиции ст. 205 УК РА не указано, что уклониться от налогообложения должно только то лицо, у которого возникает обязанность по уплате налога и (или) сбора, и которое признается налогоплательщиком. Вне зависимости от того, в результате, чьих действий произошло уклонение от уплаты налогов, ущерб, понесенный казной, остается одинаковым.

Интересным в данном свете является дело М.А. Последнему было предъявлено обвинение по ст. 189 (3) и 205 (1) УК РА за то, что он в мае 2011 г. основал ООО на имя своей сестры С.А. и фактически управлял деятельностью данного ООО. В отдельных случаях М.А. предоставлял поддельные документы без поставки товаров, в результате чего государству был причинен ущерб в особо крупном размере. Кроме того, он заключал товарные сделки, о которых не предоставил предусмотренные законодательством отчеты, расчеты и другие обязательные документы, являющиеся основанием для налогообложения, злостно уклоняясь от уплаты налогов в крупном размере. В частности, ему вменялось то, что он в 2011 году по нескольким эпизодам занимался лжепредпринимательством, в частности, в обмен на обещанный процент от сделки предоставлял счет-фактуры о реализации товаров на крупные суммы без доставки товаров. В другом инкриминируемом случае М.А. заключил товарные сделки с другим ООО и от имени ООО своей сестры выписал счет-фактуры на имя партнерского ООО. Однако не составил предусмотренных законом отчетов относительно налога на прибыль и НДС, образуемых за счет оборота данных счет-фактур, и не сдал их в территориальное подразделение Комитета государственных доходов, и тем самым уклонился от выплаты налогов в крупном размере. В случае М.А. нанесенный государством ущерб исчислялся следующим образом: налоги 3 280 000 + пеня 1 795 800 + штраф 3 608 000 драмов. В итоге за нанесенный ущерб в 8 683 800 драмов ему была вменена ст. 205 (1) УК РА.

Дело М.А. интересно еще и тем, что пока он находился под следствием по данному делу, его успели осудить по тем же статьям УК: 189 (3) и 205 (1) за другие аналогичные деяния в Армавирском суде и назначили наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года и штрафов (по 205 статье) в 2 млн. драмов. В итоге М.А. был признан виновным в инкриминируемых деяниях и осужден к 4 годам лишения

свободы по 189 (3) статье и 2 годам лишения свободы по ст. 205 (1) (путем частичного сложения в итоге — к 5 годам лишения свободы за это деяние и в общем итоге по двум приговорам — к 6 годам лишения свободы и штрафу в размере 2 млн. драмов). Примечательно, что Генеральная прокуратура РА также принесла гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства, и суд удовлетворил его полностью, постановив взыскать с М.А. в пользу государственного бюджета почти 30 млн. драмов для возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

Анализ судебной практики показал, что в основном вменяются уклонение от уплаты следующих видов налогов: НДС, налог на прибыль, сюда же включаются пени и штрафы за нарушение ст. 23 и 25 Закона «О налогах». Иногда к данному стандартному списку добавляется неуплата обязательных социальных платежей, которые работодатель обязан вносить за каждого сотрудника. Так, к примеру, в другом деле ему было предъявлено обвинение по ст. 205 за то, что он не уплатил НДС, подоходный налог, налог на прибыль, а также в течение года нарушал правила оборота наличными средствами, превысил допустимый законом максимум на 142 млн. драмов, предусмотренный ст. 6 (1) Закона «О кассовых операциях», 5% от которых составило 7 083 300 драмов РА, за что обязан выплатить огромный штраф. Помимо этого, подсудимый вдвое снизил зарплаты своих работников с целью вдвое уменьшить суммы обязательных социальных отчислений.

В другом случае директору ООО было предъявлено обвинение по ст. 205 (2) и 189 (2) за то, что он в течение нескольких месяцев приобретал фальшивые счет-фактуры у разных ООО без получения товара на крупную сумму 42 478 500 драмов, которые использовал в качестве документов для обоснования расходов и при расчете НДС за 2010 год и подоходного налога за 2010 год. В результате посредством указания заведомо неверных данных в отчеты по НДС не заплатил налогов на сумму 47 761 084 драмов. Более того, в течение нескольких месяцев ООО указывало формально зарплату двоих наемных работников вдвое ниже фактической и соответственно перечислило вдвое меньше обязательных социальных платежей. Помимо этого, ООО неверно указало налоговый счет другого ООО в своей уточненной справке, ежемесячно подаваемой в компетентные органы, в результате чего сумма НДС была занижена. Тем самым была нарушена ст. 43 закона «О НДС», предусматривающая, что в случае неуплаты суммы НДС, которая должна быть уплачена в бюджет, посредством ее занижения, подлежит взысканию как сокрытая сумма НДС, так и штраф в размере 50% от сокрытой суммы НДС. А согласно ст. 25 Закона «О Налогах», в случае неправильного расчета НДС на ООО накладывается штраф в размере 10% от суммы, не уплаченной или не доплаченной в результате неправильного расчета. По итогам судебного разбирательства подсудимый был признан виновным и с него была взыскана как сумма неуплаченных налогов и других обязательных платежей, так и штрафы и пени.

В судебной практике последних лет имеются также случаи, когда уголовное преследование прекращается либо подсудимый оправдывается.

Примером прекращения уголовного преследования может служить дело Г.С., которому было предъявлено обвинение в том, что он, будучи директором ООО (в одном ООО *de facto*, в другом — *de jure*), в 2007–2009 годы по предварительному сговору уклонялся от уплаты налогов

посредством предоставления заведомо неверных отчетов и причинил общий ущерб в размере 47 945 970 драмов (налоги и другие обязательные платежи), и инкриминировались деяния, предусматриваемые ст. 189 (3) и 38–205 (1) УК РА. Подсудимый без поставки товаров и предоставления услуг представлял другому ООО фальшивые бухгалтерские документы относительно предоставления услуг и поставки товаров на общую сумму 40 071 000 драмов, которые были внесены в отчетность данного ООО, чем государству был нанесен ущерб в особо крупном размере: 11 512 400 драмов. Более того, по предварительному сговору с директором другого ООО — Б.К., который обещал Г.С. 10% от суммы, последний без поставки товаров выписал 17 счет-фактур с целью содействовать Б.К. в сокрытии налогов в крупном размере, в результате чего Б.К. уклонился от уплаты налогов в размере 6 100 000 драмов, чем государству был причинен ущерб в особо крупном размере. В ходе судебного разбирательства Г.С. погасил материальный ущерб от преступления, а также штрафы и пени, что согласно ст. 189 (5), является основанием для прекращения уголовного преследования по ст. 189. Суд, основываясь на ст. 35 (1)(12) УК РА, согласно которой уголовное преследование, в том числе и на этапе судебного процесса, должно быть прекращено, если лицо в силу положений Общей части УК подлежит освобождению от уголовной ответственности, а также на ст. 72 (1) УК РА, гласящей, что в случае совершения преступления небольшой тяжести или средней тяжести в первый раз лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если лицо после совершения преступления добровольно явилось с повинной, содействовало раскрытию преступления, возместило или другим образом загладило ущерб, причиненный преступлением. В стадии досудебного производства ущерб, причиненный совершением деяния, предусмотренного ст. 189 (3) в размере 11 512 400 драмов, а также ст. 189 (3) и 38–205 (1) в размере 10 062 514 драмов, был полностью возмещен Г.С. В результате суд решил прекратить уголовное преследование в отношении Г.С. по двум эпизодам по ст. 189 (3) и одному эпизоду по ст. 38–205 (1). Однако Г.С. был все-таки признан виновным и осужден по остальным инкриминируемым эпизодам, в том числе и по факту уклонения от уплаты налогов, в результате чего был причинен ущерб в особо крупном размере.

Заслуживает особого внимания и дело А.Г. Согласно обвинительному заключению, А.Г. являлась директором ООО, которое предоставляло бухгалтерские услуги с 2009 года. Одновременно с этим, по мнению обвинения, А.Г. также являлась учредителем и совладельцем другого юридического лица. Несмотря на это, в нарушение закона, А.Г. не предоставляла расчет НДС, а предоставила расчет по упрощенной процедуре, в нарушение закона, и не доплатила в бюджет крупную сумму. Следствие посчитало, что А.Г. посредством уклонения от уплаты налогов нанесла ущерб государству в размере 2 702 100 драмов. Однако А.Г. своей вины не признала и утверждала, что хотя и являлась учредителем и владельцем ООО, однако в 2008 году передала свою долю второму совладельцу, что было отражено в протоколе собрания участников ООО от 05.03.2008г., и самостоятельно учредила другое ООО. С тех пор никакого отношения к первому ООО она не имеет, а значит, имеет право выплачивать налоги по упрощенной схеме. Несмотря на возражения стороны обвинения, суд счел вину А.Г. в совершении деяния, предусмотренного ст.

205 (1), недоказанной и оправдал ее за отсутствием состава преступления. Суд, в частности, подчеркнул, что сам по себе факт уклонения от уплаты налогов, пошлин и других обязательных платежей путем непредоставления предусмотренных законом отчетов, расчетов или других обязательных документов, считающихся основанием для налогообложения, либо путем включения в данные документы заведомо искаженных данных не может считаться преступлением, а для квалификации деяния в качестве преступления необходимо, чтобы данное лицо злостно уклонялось от уплаты налогов, пошлин и других обязательных платежей в крупном либо особо крупном размере. Суд также отметил, что особую значимость в подобного рода делах представляет тот факт, какого рода доказательства представляются для обоснования вины. Фактически основным аргументом стороны обвинения против А.Г. был тот факт, что последняя, будучи совладельцем двух ООО, не имела права платить налоги по упрощенной схеме, и должна была подавать и другие документы, включающие также и первое ООО. Суд посчитал, что обвинение не доказало, что А.Г. *de jure* или хотя бы *de facto* оставалась совладельцем первого ООО. Более того, суд решил, что тот факт, что «Договор об отчуждении доли в ООО со стороны участника» не был зарегистрирован вторым совладельцем, в пользу которого отчуждение имело место, не может повлечь ответственности А.Г., так как не было доказано, что А.Г. знала или могла знать, что второй совладелец не зарегистрировал договор отчуждения. Соответственно, А.Г. была убеждена, что имеет право на выплату налогов по упрощенной процедуре. Один лишь факт того, что в государственном реестре юридических лиц не была оформлена перерегистрация, не служит доказательством того, что А.Г. осознанно и явно исказила отчеты и расчеты и злостно уклонилась от уплаты налогов.

Согласно данным, опубликованным Судебным департаментом, за первое полугодие 2013 года в суды РА по ст. 205 УК РА поступило всего 1 дело, решение по которому пока не принято. В 2012 году суды РА приняли в производство 22 дела, помимо этого были рассмотрены 18 дел, не завершённых в 2011 году, и только по 19 из них был вынесен приговор, а в 3 случаях было принято решение прекратить уголовное преследование.

Анализ судебной практики за 2010-2012 годы в судах РА показал, что судебная практика в Армении не раскрывает понятия злостности, в том числе злостности уклонения от уплаты налогов, пошлин или иных обяза-

тельных платежей, следствием чего является отсутствие единообразной практики привлечения к уголовной ответственности за совершение данного деяния.

Изучив судебную практику по ст. 205 УК РА, мы пришли к выводу, что по данной статье к ответственности в Армении привлекаются руководители юридического лица (директор) или лица, фактически осуществляющие данные функции, где формально директором выступает другое лицо. Примечательно также, что в большинстве случаев помимо ст. 205 вменяется также совершение деяния, предусмотренного ст. 189 – лжепредпринимательство, хотя имеются случаи, когда вменялась только лишь ст. 205 УК РА.

Примечательно, что во всем изученных делах сторона обвинения включала штрафы и пени в размер нанесенного ущерба, окончательная сумма которого получалась путем сложения неуплаченной суммы налогов пеня штраф.

Мы также отметили, что несмотря на то, что санкция части 1 ст. 205 УК РА не предусматривает конфискацию, в отличие от ч.2 ст. 205, на практике в любом случае сумма нанесенного государству ущерба возмещается либо путем подачи гражданского иска (если обвинение по ч.1 ст. 205), либо требованием конфискации имущества в размере причиненного ущерба (если обвинение по ч.2 ст. 205).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубовицкий Р.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов с организации. Дис. ... к.ю.н. М., 2004. С. 98.
2. Кучеров И.И., Соловьев И.Н. Уголовная ответственность за налоговые преступления. Комментарий / Под ред. проф. И.И. Кучерова. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. - С. 49.
3. Уголовное дело № 0006/01/13. Проходило в порядке ускоренного производства.
4. Уголовное дело 0119/01/12.
5. Зрелов А.П., Краснов М.В. Налоговые преступления / Под ред. К.К. Саркисова. - М.: Издательско-консультационная компания «Статус-Кво 97», 2004.- С. 116.
6. Яни П.С. Криминальное банкротство. Статья вторая. Банкротство преднамеренное и фиктивное // Законодательство. - 2000. - № 3.
7. Клепицкий И.А. Эволюция норм об ответственности за уклонение от уплаты налогов // Законодательство. — 2004.

LEGAL PECULIARITIES OF EVASIONS OF TAX, FEES AND OTHER CHARGES

© 2014

Gyozhgyan A.S., applicant degree of Candidate of Legal Sciences of the Criminal and Criminal Procedure Law of Russian- Armenian (Slavonic) University.

Annotation: The article is devoted to some peculiarities of evasion of taxes, duties or other obligations under the criminal legislation of the Republic of Armenia. Based on the study the author concluded that the fact of the incorrect calculation of the amount of tax payable to the budget, does not entail criminal liability, if it has been proven that there is an error in the calculations. Furthermore, the fact of not providing the documents on time, or the inclusion of false information in the documents, does not automatically constitute a crime. Moreover, if only one type of tax wasn't paid, it can also be fee or other mandatory payment, the act must not be qualified under the Art. 205 of RA Criminal Code.

Keywords: taxes, fees, duties, mandatory payments, value added, fake documents, trade deals, willful evasion, social security contributions, judicial practice.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

© 2014

Гогин А.А., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского и трудового права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в предлагаемой статье анализируются формы реализации функций российского государства на современном этапе общественного развития.

Ключевые слова: функция, форма, интерес, публичность, деятельность, закон, власть, контроль, государство, парламент, воздействие, легитимность.

Многие исследователи в своих трудах приводят выводы о том, что функции государства осуществляются лишь в трех формах, носящих правовой и в то же время однородный характер, обусловленный соответствующей компетенцией: законотворческая деятельность, исполнительно-распорядительная деятельность, правоохранительная деятельность.

1) законотворческая деятельность понимается как подготовка, разработка и принятие законов, посредством которых организуются и регламентируются определенные социальные отношения в тех или иных областях общественной жизни. На высшем уровне полномочиями осуществления данного вида деятельности наделен основополагающий, представительный орган государства - Федеральное Собрание РФ, состоящее из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы. В работе российского парламента, на первом плане, безусловно, лежит защита публичных интересов общества и государства.

Отметим, что в содержании Конституции РФ понятие «публичный интерес» не получило легального закрепления. Однако, в ней, хотя и в общем виде, изложены наиболее существенные публичные интересы: создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7), защита материнства и детства (ст. 38), обеспечение жильем (ст. 40), охрана здоровья населения (ст. 41), образование (ст. 43), государственная защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 45) и пр.

«В основе публичного интереса лежат цели существования государства, закрепленные в конституционных нормах в виде системы приоритетных направлений деятельности государственных органов в различных сферах жизни общества», - пишет А.Г. Плешанов [1]. По мнению автора, к числу таких интересов относятся: фискальный, бюджетный, приватизационный, антимонопольный, экологический интересы; интересы обеспечения режима законности во всех сферах жизни, безопасности государства, стабильности гражданского оборота, устойчивости и непротиворечивости правовой системы государства.

«Публичный интерес всегда является законным интересом, поскольку он отражается в законодательстве и соответствует ему. Предметом публичного интереса служит то благо, которое необходимо, либо весьма желательно для полноценного функционирования и развития общества, отдельных социальных групп», - также полагает А.В. Маслаков [2].

Вместе с тем, государство оказывает должное внимание частным интересам юридических лиц (организаций) и физических лиц (граждан) и не относит их к второстепенным проблемам. Так, фундаментальные начала правового регулирования ныне созданной системы народного хозяйства и различных ее элементов, закреплены во многих статьях Конституции РФ.

Например, согласно п. 2 ст. 8 Основного закона, в нашей стране признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Одновременно, Конституция РФ провозглашает и юридически гарантирует свободу использования каждым своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; обеспечивается единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

Развитие рыночных отношений настоятельно потребовало не только кардинального пересмотра отраслевого законодательства советского периода, но и вызвало к жизни большое число новых законов, упорядочивающих различные сферы общественного бытия, без чего в современных условиях невозможно эффективная и качественная реализация экономической, социальной, экологической, правоохранительной, культурной, образовательной функций.

Здесь наиболее важное место занимает ГК РФ. Он определяет юридический статус субъектов имущественных отношений; содержит условия совершения сделок, режим права собственности и иных вещных прав; правила о договорах и обязательствах, а также специальные нормы об их отдельных, но наиболее значимых видах. Другие законы, адресованные предпринимательскому сообществу, устанавливают не только базовые положения, но, при необходимости, обосновывают и раскрывают конкретные формы поведения непосредственных участников рынка.

В частности, единый порядок учета субъектов хозяйственной деятельности осуществляется на основе требований ФЗ РФ от 8 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц». В последующем, Постановлением Правительства РФ от 19 июня 2002 г. № 438 были утверждены правила ведения Единого государственного реестра юридических лиц и предоставления содержащихся в нем сведений.

Следует подчеркнуть, что далеко не все законы, принятые Федеральным Собранием, находят поддержку и понимание российских граждан. Так, на основании ФЗ РФ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» отечественная милиция была преобразована в новую силовую структуру. Вслед за этим, в соответствии с од-ноименным Указом Президента РФ, проведена внеочередная аттестация сотрудников органов внутренних дел. Поскольку означенные реформы и мероприятия осуществлялись поспешно, бессистемно, в закрытом режиме, то получили неоднозначную оценку активной части нашего общества.

Несмотря на справедливую критику в средствах массовой информации, а также наличие многочисленных правонарушений, выявленных в поведении полицейских за послеаттестационный период, государственная власть в решении данного вопроса продемонстрировала полную свободу поведения и не уделила должного внимания необходимости разъяснения и глубокого, тщательного обоснования своей позиции перед народом.

Помимо законотворчества, представительные органы наделены широкими контрольными полномочиями. Они обладают правом и возможностью подвергать проверкам не только отдельные стороны работы каких-либо структур государственного управления, но и всю систему в целом, любые уровни и звенья, входящие в ее конструкцию. Осуществляя необходимые мероприятия, данные органы могут применять политические, экономические, правовые и иные оценочные критерии, поскольку отличительной чертой их контрольных полномочий является всеобъемлемость и разносторонность.

2) Исполнительно-распорядительная деятельность, представляет собой, основанное на принятых законах и подзаконных нормативно-правовых актах, прямое и непосредственное воздействие государства и его властных органов на современные общественные отношения. От данного вида деятельности прямо зависит то обстоятельство, будут ли принятые решения действительно воплощены в жизнь или останутся благими пожеланиями законодателя. Основная обязанность по исполнению конкретных правил и требований возлагается на исполнительные органы государственной власти, возглавляемые правительством страны и органы местного самоуправления.

Почти весь объем работы по выполнению функций и задач государства приходится на долю его аппарата управления. Поэтому он и представляет собой наиболее разветвленную часть властного механизма, где разделение труда между различными звеньями и их специализация получают наибольшее развитие.

В Конституции РФ заложены практические предпосылки для того, чтобы и государственный аппарат и органы местного самоуправления, являлись способными, как к выполнению провозглашенных социальных программ, так и были готовы к тому, чтобы нести всю полноту ответственности за свои действия и решения.

Так, предоставленные ему полномочия, правительство России реализует в двух направлениях. Во-первых, принимает постановления и распоряжения по стратегическим и текущим вопросам управления. Во-вторых, используя право законодательной инициативы, готовит и вносит в Государственную Думу проекты законов, формирующих необходимую правовую базу для конкретной сферы социальной жизни. Активное участие правительства в законотворческом процессе, обязательность его

заклучений по всем проектам, предусматривающим расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, предоставляют ему широкие возможности по осуществлению возложенных на него функций.

«Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, - подчеркивал К. Маркс, - нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного механизма в отличие от движения его самостоятельных органов» [3].

Учитывая масштабы нашей страны и ее регионов, в работе аппарата исполнительных органов власти значительный удельный вес занимают: анализ, планирование, регулирование, координация и контроль. В условиях глобализации мировой экономики и иных социально-политических процессов, все более настоятельной выступает потребность в перспективном предвидении развития, как всего российского общества в целом, так и отдельных сфер социальной жизни, ее особо существенных сторон и направлений. Поэтому подготовка точных, научно обоснованных прогнозов является обязанностью каждого органа управления.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что от исполнительной власти, учитывая мобильность ее действий, директивность и подчиненность органов по вертикали, в решающей мере зависят темпы политических, социальных, экономических и иных преобразований, а также последовательное движение российского общества и государства вперед.

3) Правоохранительная деятельность есть реализация обязанности государства, связанная с предотвращением нарушений законов всеми участниками регулируемых социальных отношений при осуществлении ими своих прав и обязанностей (юридическими, физическими и должностными лицами, независимо от каких-либо условий и обстоятельств).

Указанная властная, оперативная, субординационная деятельность включает в себя принятие эффективных мер по превенции правонарушений, разрешению возникающих конфликтов и споров, привлечению виновных лиц к юридической ответственности и исполнению наказаний.

«Право наказания, принадлежащее государству, составляет его обязанность, от осуществления которой оно не может воздерживаться. Это — обязанность перед частными лицами, потерпевшими от преступления, и перед обществом», - подчеркивал И.Я. Фойницкий [4]. «Безграничная вседозволенность невозможна даже теоретически. Человек всегда во власти тех или иных законов, ограничивающих и направляющих его. Выход за рамки одних законов приводит его в рамки других» [5].

В действительности, любые органы государства в той или иной мере осуществляют правоохранительную деятельность. Однако в каждой стране и в каждом обществе есть структуры, функционирование которых самым непосредственным образом связано с обеспечением правопорядка в широком смысле этого слова. Это система правоохранительных органов, наделенных различной компетенцией. Именно государство создает данную систему, призванную, в первую очередь, обеспечивать законные интересы физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций). Поэтому оно несет ответ-

ственность перед обществом и личностью за состояние законности и правопорядка, за эффективность функционирования правоохранительных органов.

Государственная власть отличается от любой другой социальной власти тем, что, при необходимости, она опирается на возможность применения средств жесткого принуждения. Все структуры, обладающие вооруженной силой, являются законными, если они предусмотрены нормативно-правовыми актами государства.

В отдельных ситуациях государство использует и так называемый неправовой инструмент реализации соответствующих функций, охватывающий значительный объем, прежде всего, организационно-подготовительной работы.

Например, публичные выступления руководителей страны (президента, премьера, министров), разъясняющих те или иные проблемы, стоящие перед гражданами и государством; согласование позиций различных политических партий и движений; участие официальных лиц в работе неформальных объединений; контакты и встречи с представителями общественности, науки, культуры, религиозных конфессий.

Все подобного рода действия представляют собой идеологические и политические элементы форм осуществления отдельных функций государства. Отличительная особенность означенного инструментария состоит в том, что он, далеко не всегда, связан с юридически обусловленными решениями, влекущими за собой конкретные правовые последствия.

В свою очередь, подготовительная работа: сбор, накопление и анализ известной и конфиденциальной информации, использование результатов научных исследований, опора на мнения и выводы специалистов всегда предшествуют принятию законодательных актов. Собственно организационные мероприятия: планирование, программирование, негласный контроль, проверки и др., также выступают в качестве неправового инструментария, призванного содействовать успешной реализации функций государства.

Вместе с тем, по нашему мнению, помимо трех означенных форм реализации функций государства, необходимо признать наличие четвертой - это контрольная деятельность.

Любой вид управления немыслим без проведения целенаправленных мероприятий проверочного характера, что включает в себя контроль за поведением людей, явлений, процессов. В ходе своей повседневной деятельности государство подвергает ревизии работу собственных министерств и ведомств, иных подразделений, а также предприятий, организаций, учреждений, независимо от их предназначения, форм собственности, системы руководства, обязанностей и полномочий должностных лиц различного уровня.

По своей сущности, контроль есть орудие осуществления всех направлений государственной политики, ибо направлен на обеспечение динамичного развития общественного и частного производства, ускорение научно-технического прогресса, всемерное улучшение качества труда. Он нацелен на повышение экономического стимулирования, рациональное и бережное расходование материальных, трудовых, финансовых ресурсов и природных богатств, сокращение непроизводительных расходов и потерь, пресечение бесхозяйственности и

расточительности.

Его предназначение должно соответствовать целям самого управления, определяемыми политическими, экономическими, социальными и иными законо-мерностями развития российского общества. «Единственной и основной задачей органов контроля является выяснение реального состояния дел в государ-ственном механизме вне зависимости от того, выгодна такая информация ка-ким-либо политическим силам или нет», - пишет С.А. Денисов [6].

В свою очередь, ослабление контроля приводит к формализму и неэффективности осуществления управлением, поскольку от его действенности во многом зависит качество работы любых структурных образований. Кроме того, контроль является важнейшим средством предупреждения нарушения законодательных условий и требований, способствует раскрытию противоправных деяний, повышает ответственность хозяйствующими субъектами, должностных лиц и отдельных граждан.

Ведущее место в организации контроля играет Конституция РФ. На основании ее положений в стране создана разветвленная система контролирующих органов федерального, регионального и местного значения. Среди них наиболее значимая роль принадлежит Счетной палате РФ, чья деятельность регламентируется на основании ФЗ РФ от 11 января 1995 г. Данное образование представляет собой независимый от Правительства РФ постоянно действующий орган государственного финансового контроля, наделенный широкими полномочиями и подотчетный только Федеральному собранию РФ.

О полномочиях Счетной палаты РФ необходимо сказать более подробно, ибо в современных условиях, когда коррупция, взяточничество, злоупотребление служебным положением пронизывает практически всю систему органов государственной власти и местного самоуправления. Поэтому результаты проверок, проводимых Счетной палатой РФ и выявленные нарушения нередко служат основаниями для возбуждения уголовных и административных дел.

В частности, устойчивый рост преступлений и проступков в сфере банковской деятельности сопровождается постоянным возрастанием их социальной вредности за счет более квалифицированных, изощренных, всесторонне проработанных форм и методов совершения противоправных деяний; расширения масштабов коррумпированности представителей государственного аппарата и дальнейшего сращивания с международными преступными сообществами [7].

Контролю подлежат все юридические лица — государственные органы и учреждения, включая государственные внебюджетные фонды и Центральный банк РФ (Банк России), органы местного самоуправления, коммерческие банки, страховые фирмы, другие коммерческие фирмы и негосударственные коммерческие организации — в части, связанной с получением, перечислением или использованием ими средств федерального бюджета и внебюджетных фондов, использованием федеральной собственности, а также наличием у них налоговых, таможенных и иных льгот, предоставленных федеральными органами.

Перед Счетной палатой РФ поставлены следующие задачи: организация контроля исполнения федерального бюджета и внебюджетных фондов; подготовка предложений по устранению обнаруженных нарушений и упоря-

дочению бюджетного процесса; оценка эффективности и целесообразности расходования государственных средств, в том числе предоставленных на возвратной основе, и использования федеральной собственности; определение обоснованности доходных и расходных статей проектов федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов; проведение финансовой экспертизы, т.е. оценки финансовых последствий принятия федеральных законов для бюджета; контроль поступления и движения бюджетных средств на счетах банков; регулярное представление Совету Федерации и Государственной Думе информации о ходе исполнения федерального бюджета; контроль поступления в федеральный бюджет денежных средств от приватизации государственной собственности, продажи и управления ею.

Кроме того, Счетная палата РФ обязана контролировать состояние государственного внутреннего и внешнего долга, а также деятельность Центрального банка РФ (Банка России) по обслуживанию государственного долга, эффективность использования иностранных кредитов и займов, получаемых Правительством РФ, а также предоставление Россией финансовых и материальных ресурсов в форме займов и на безвозмездной основе иностранным государствам и международным организациям.

При выявлении нарушений в хозяйственной, финансовой или иной деятельности, наносящей ущерб государству и требующей пресечения, Счетная палата РФ вправе давать администрации проверяемой организации предписания, обязательные для исполнения. В случаях неоднократного неисполнения или ненадлежащего исполнения предписаний Счетная палата РФ, по согласованию с Государственной Думой, может принять решение о приостановлении всех видов финансовых, платежных и расчетных операций по банковским счетам проверяемых организаций.

На основании ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», муниципальные органы также наделены контрольными правами и самостоятельно образуют необходимые структуры. Например, постановлением от 14 мая 2003 г. № 741 Тольяттинской городской думы Самарской области было утверждено «Положение о контрольно-счетной палате думы городского округа Тольятти».

Финансовый контроль осуществляется, как в случаях, прямо сформулированных в законе, так и по решению органов местного самоуправления. Если возникает необходимость, властный муниципальный орган издает должным образом оформленный документ, по своей сути и содержанию, являющийся актом индивидуального регулирования.

Кроме того, к числу органов, обладающих финансово-контрольными полномочиями, относятся постоянно

действующие комиссии по бюджету города (района), местным налогам и сборам, муниципальной собственности и органы казначейства.

Основаниями принятия решения о проведении финансово-контрольных мероприятий служат ежегодные планы работы контролирующих органов, письма, жалобы, заявления физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций) о несоблюдении их законных прав и интересов действиями (бездействием), отдельных должностных лиц и иными субъектами социальных отношений. Выводы:

- форма осуществления функций государства есть однородная, правовая деятельность законодательных, исполнительных, правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, наделенных должной компетенцией;

- публичная власть нуждается не только в оптимальном распределении соответствующих полномочий, но и в постоянном укреплении собственного авторитета перед гражданами нашей страны, что может быть достигнуто только неуклонным исполнением требований законов и строгим исполнением своих служебных обязанностей.

- весьма важно, чтобы все ветви публичной власти считали первоочередными гуманистические цели, в числе которых - установление прочных юридических гарантий по социальной и правовой защите личности от какого-либо произвола и злоупотреблений, прежде всего, со стороны должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления;

- конституционные положения о суверенитете народа и его праве на участие в управлении государственными делами, демократическом характере пути дальнейшего развития российского общества, превратятся в декларацию без наличия действенного и всестороннего контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2002. С. 65.
2. Маслаков А.В. Публичные интересы и их классификация // Право и государство: теория и практика, 2009. № 2. С. 33-37.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 342.
4. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным делом. М.: Добросвет-2000. С. 15.
5. Проект Россия. М.: ОЛМА-Медиа Групп, 2007. С. 53.
6. Денисов С.А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право, 2002. № 3. С. 9-16.
7. Гогин А.А. Банковские правонарушения: проблемы квалификации: монография. М.: NO-TA BENE, 2008.

TO THE QUESTION OF THE FORMS OF REALIZATION OF STATE FUNCTIONS

© 2014

*Gogin A.A., LL.D., Associate Professor, Department of Business and professor of labor law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Abstract: the article analyzes the forms of realization of functions of the Russian state at the present stage of social development.

Keywords: function, shape, interest, publicity activities, law, power, control, government, Parliament, the impact legitimacy.

УДК 340

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© 2014

Ерзикова Е.А., студент Института права*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Аннотация: Данная статья посвящена анализу изменений гражданского законодательства в сфере корпоративных отношений. Рассмотрен ряд новелл в сфере корпоративного управления. Проанализированы понятия «контролирующих» и «подконтрольных» лиц, компетенция органов управления юридического лица.

Ключевые слова: корпоративные отношения, реформа гражданского законодательства, юридическое лицо, единоличный исполнительный орган, акция.

27 апреля 2012 года в первом чтении были приняты изменения части первой Гражданского кодекса РФ. Комплексный анализ изменений законодательства в сфере корпоративного права позволил выявить следующее:

Во-первых, корпоративные отношения в проекте изменений ГК выделены в отдельную группу отношений, регулируемых гражданским законодательством (п. 2 ст. 1). Насчет этого пункта ведется спор. Одни ученые считают, что «реализуя свои корпоративные права, участники корпорации влияют на формирование воли данного корпоративного образования, являющегося самостоятельным субъектом гражданского права - юридическим лицом». Такая ситуация нетипична для гражданско-правового регулирования, так как по общему правилу в гражданском обороте субъекты самостоятельны и независимы друг от друга [1]. Согласно другой точки зрения [2], включение корпоративных отношений в «лоно» гражданско-правового регулирования, придает современному гражданскому праву новые черты». При подготовке проекта изменений ГК РФ, выход нашли в расширении предмета правового регулирования гражданского законодательства и включении в него также корпоративных отношений.

Во-вторых, при сохранении традиционного деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации в проекте изменений ГК юридические лица также классифицируются на корпоративные и унитарные. Деление юридических лиц на корпоративные и унитарные формы соответствует исторически сложившейся доктрине большинства западных стран и российского правопорядка [3]. Важным аспектом, подвергавшимся анализу и оценке специалистов на протяжении всего времени работы над проектом, являются организационно-правовые формы юридических лиц. В проекте изменений ГК предусмотрен исчерпывающий перечень как коммерческих, так и некоммерческих организаций (п. 3 ст. 50) [4].

В-третьих, значимыми новеллами в сфере регулирования деятельности юридических лиц являются введение понятий контролирующих и подконтрольных юридических лиц, а также совместно контролирующих лиц и лиц, находящихся под общим контролем, и установление ответственности контролирующих юридических лиц по обязательствам подконтрольных. Необходимость внесе-

ния соответствующих изменений в законодательство была совершенно очевидна, поскольку, во-первых, ответственность за деятельность лиц, в отношении которых другое лицо может определять решения, установлена в ст. 105 ГК РФ только применительно к ответственности основного хозяйственного общества (товарищества) за дочернее. Во-вторых, возможность привлечения к ответственности основного хозяйственного общества (товарищества) минимальна, поскольку ответственность по сделкам, совершаемым в текущей деятельности, применительно к акционерным обществам распространяется только на случай, когда основное общество дает обязательные указания дочернему и право давать соответствующие указания предусмотрено в уставе дочернего общества или в договоре между основным и дочерним [5]. Для этих целей в проекте изменений ГК введено понятие «контролирующего» и «подконтрольного» лица. Согласно ст. 53.3 проекта лицо считается контролирующим другое юридическое лицо, если первое прямо или косвенно (через третьих лиц), самостоятельно или совместно со своими связанными (аффилированными) лицами имеет возможность определять действия (решения) такого юридического лица. Таким образом, понятия «контролирующих» и «подконтрольных» лиц приходят на смену понятиям «основного» и «дочернего» общества. Бесспорное преимущество этого решения состоит в возможности признания контролирующим не только хозяйственного общества (товарищества), но и физического лица или юридического лица любой организационно-правовой формы, а также установления контроля через цепочку аффилированных лиц.

В-четвертых, в проекте изменений ГК предлагается внести определенные новеллы в регулирование ответственности единоличного исполнительного органа, членов органов управления хозяйственного общества, включая лиц, определяющих действия юридического лица. Проект изменений ГК устанавливает правило «от обратного»: указанное лицо отвечает, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. В проекте изменений

ГК устанавливается ответственность не только членом органов управления, но и лиц, определяющих действия юридического лица. Нерешенным остался вопрос о виде ответственности: должна устанавливаться солидарная или субсидиарная ответственность члена органа управления общества, голосовавшего за соответствующее решение, и лица, выдавшего указание на голосование? С моей точки зрения, такая ответственность должна быть солидарной. Во-первых, это облегчит для кредитора возможность взыскания и исполнения. Во-вторых, член органа управления хозяйственного общества является самостоятельным субъектом, который также должен действовать в интересах общества добросовестно и разумно и нести ответственность за свои действия.

В-пятых, Проект изменений ГК устанавливает права и обязанности участников корпорации, именуя их членскими (п. 2 ст. 65.1). В основу корпоративного законодательства положен принцип пропорциональности объема правомочий участников хозяйственного общества и их долей в уставном капитале. При этом допускается, что иное может быть предусмотрено в уставе общества, а также в корпоративном договоре при условии внесения сведений о наличии такого договора в ЕГРЮЛ (п. 1 ст. 66 проекта). Корпоративный договор согласно проекту должен стать родовым понятием по отношению к акционерному соглашению (ст. 32.1 Закона об АО) и договору об осуществлении прав участников (п. 3 ст. 8 Закона об ООО). Участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой договор об осуществлении их корпоративных (членских) прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене и (или) при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения доли (акций) до наступления тех или иных обстоятельств.

В-шестых, Проект изменений ГК содержит ряд новелл в сфере корпоративного управления. В частности, предусмотрена исключительная компетенция общего собрания: вопросы, которые не могут быть переданы на рассмотрение других органов, если кодексом и законом не предусмотрено иное. Заметим, что в текущем регулировании Закон об АО не обозначает исключительную компетенцию общего собрания, а только определяет, что вопросы, относящиеся к его компетенции, не могут быть переданы на решение исполнительного органа (п. 2 ст. 48).

В-седьмых, важной новеллой, предлагаемой в проекте изменений ГК, является включение в число оснований возникновения гражданских прав и обязанностей реше-

ний общих собраний в случаях, предусмотренных законом. Предлагаемая поправка в ст. 8 ГК РФ (дополнение п. 1 подпунктом 1.1 в проекте изменений ГК) подводит итог многолетней дискуссии о правовой сущности решения общего собрания акционеров (участников) как источнике возникновения корпоративных прав и обязанностей.

В-восьмых, еще одна новелла (п. 3 ст. 67.1), которая активно обсуждалась в ходе разработки проекта: ограничение на голосование «квазиказначейскими акциями» - акциями контролирующего лица, принадлежащими подконтрольному лицу. Ограничение перекрестного владения долями в уставных капиталах надо понимать как предусматриваемое в интересах миноритарных акционеров и кредиторов подконтрольных лиц блокирование механизма так называемого самоконтроля менеджмента контролирующего лица (понятно, что представители контролируемого лица будут голосовать на общем собрании в том числе по вопросу формирования органов под влиянием менеджеров контролирующего лица). Наличие «квазиказначейских» акций позволяет искусственно увеличивать активы за счет перекрестного участия.

Таким образом, анализируя предложенные новеллы, отметим, что они направлены в том числе на:

- расширение прямого законодательного регулирования на уровне ГК РФ. Многие положения, которые ранее предусматривались на уровне законов о хозяйственных обществах, теперь включены в текст проекта изменений ГК, поэтому объем Кодекса увеличился;
- усиление императивности правового регулирования в корпоративной сфере путем расширения области правового регулирования на законодательном уровне;
- унификацию правового регулирования организации и деятельности юридических лиц, в том числе акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2000. Т. 1. С. 103.
2. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. С. 22 - 26 (автор главы - В.В. Ровный).
3. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 67, 141 и др.; Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица: Очерк истории и теории. М., 2003. С. 213; и др.
4. Постановление Государственной Думы от 27 апреля 2012 года N 314-6ГД; <http://www.duma.gov.ru/systems/law/> (далее - проект изменений ГК, проект).
5. Об ответственности основного общества по обязательствам дочернего см. подробно: Шиткина И.С. Ответственность основного общества по обязательствам дочернего и в связи с причинением дочернему обществу убытков // Акционерное общество. 2008. N 9.

THE CORPORATE RELATIONS IN THE LIGHT OF REFORM OF THE CIVIL LEGISLATION

© 2014

Erzikova E.A., a student of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper analyzes the changes in civil law corporate relations. Considered a number of short stories in the area of corporate governance. Analyzed the concept of «control» and «controlled» persons competence of the legal entity.

Keywords: corporate relations, reform of the civil law, a legal entity, the sole executive action.

УДК 341.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2014

Запорощенко А.М., студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: На протяжении последних десятилетий в отечественной юридической науке идет дискуссия о создании единого следственного органа, в связи с чем возникают некоторые вопросы и проблемы, требующие изучения. В статье рассматривается актуальный вопрос о возможности, необходимости и целесообразности создания единого следственного органа, предлагаются аргументы «за» и «против» создания единого следственного органа.

Ключевые слова: Единый следственный орган, прокуратура, следственный комитет, предварительное расследование, уголовный процесс.

Многие авторы обращались к проблеме создания единого государственного органа, функцией которого является расследование всех преступлений, совершенных на территории России. Еще в 1957 г. М.С. Строгович писал о недопустимости действия милиции одновременно как органа дознания и следствия, полагая сохранение следствия только в органах прокуратуры.[1,с.21]. Впоследствии М.С. Строгович предлагал включение следственного аппарата, за исключением следователей госбезопасности, в Министерство юстиции [2, Т. 1. С. 229 - 230; Т. 2. С. 79].

В.А. Стрёмовский в своих монографических исследованиях отстаивал процессуальную самостоятельность следователя, справедливо видя в ней совершенно необходимое условие ответственного отношения специалиста к своей работе. Предложенная этим автором концепция реорганизации следственного аппарата в СССР, создания единого следственного комитета при Совете Министров СССР и спустя четверть века не потеряла свою актуальность. И сегодня остается немало сторонников создания единого следственного аппарата как важного условия обеспечения прав граждан в уголовном процессе.

О едином следственном органе активно заговорили в 80 - 90-х годах. Как верно указывает К.А. Григоров, в конце 80-х - начале 90-х годов в период подготовки проекта нового закона о прокуратуре СССР господствовал функциональный подход к деятельности прокуратуры. В

основе лежали идеи В.В. Клочкова и В.П. Рябцева о понятии функций и их подчинении основному назначению прокурорской деятельности - надзору за исполнением законов, при этом функция уголовного преследования исключалась и предлагалось передать расследование преступлений единому органу предварительного следствия - Следственному комитету СССР, а поддержание государственного обвинения в суде возложить на новую процессуальную фигуру - обвинителя, являющегося представителем следственных органов

Законодатель, выделив СКР из органов прокуратуры для обеспечения независимости следователя и разделения процессуальных функций надзора, обвинения и расследования, дальнейших шагов по воплощению этой идеи не произвел. Функции расследования, обвинения и надзора не разделены как в общих положениях УПК, так и в конкретных правах и обязанностях следователя и прокурора. Следователь по-прежнему остается участником уголовного судопроизводства на стороне обвинения (гл. 6 УПК), вместе с тем ч. 1 ст. 38 УПК говорит о том, что следователь не обвиняет, а осуществляет предварительное следствие по уголовному делу. Однако, синтезировав права и обязанности следователя, содержащиеся как в ч. 2 ст. 38 УПК, так и в иных нормах УПК, его деятельность следует квалифицировать как обвинение-расследование с отдельными вкраплениями реализации

функций защиты и разрешения дела. С выделением из прокуратуры СКР надзорно-контрольная деятельность за расследованием (за следователем) усилилась, и, как следствие, процессуальная самостоятельность следователя допускается только в выборе тактики производства следственных действий, но никак не в вопросах направления хода расследования и принятия важнейших процессуальных решений. Выделением СКР реальной, а не декларативной независимости следователя достигнуть так и не удалось. [3] В практической деятельности бывают случаи, когда независимый следователь «зажимается» институтом прокурорского надзора и процессуального, ведомственного контроля. [4] Уже сегодня ясно, что масштабная реформа организации предварительного следствия будет в недалеком будущем продолжена. Путь этот долог, но конечным его результатом должно стать объединение всех следственных аппаратов страны. Очень важно, чтобы реформирование проходило в соответствии с единой научно обоснованной концепцией и привело к действительному повышению независимости, авторитета и роли органов следствия. Это, в свою очередь, необходимое условие обеспечения надлежащего уровня правовой защищенности прав простых граждан, дополнительная гарантия строгого соблюдения законности в деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений.

Концепция, обуславливающая необходимость создания единого следственного органа, верна, так как функции расследования, уголовного преследования (обвинения) и надзора за этой деятельностью не могут совмещаться в одном органе. Но порядок ее реализации, а первый шаг к тому - создание СКР, несовершенен.

СКР как единая федеральная централизованная система (ст. 5 ФЗ «О СКР») создана путем выделения из иной системы (ст. 1 Закона о прокуратуре). Ранее система расследования преступлений выступала в качестве подсистемы в суперсистеме прокуратуры. Одним из результатов реформы досудебного производства и выделения СКР стало противостояние СКР и прокуратуры. Думается, что одной из причин конфликта ведомств послужил порядок создания СКР как системы. Вновь созданная система должна аргументировать целесообразность своего образования, а для этого показать большую результативность своей деятельности. Расчлененная материнская система, напротив, стремится к обратному обоснованию - нецелесообразности и неэффективности реформы. Поэтому противостояние и конфликт ведомств на первоначальном этапе становления СКР и прокуратуры, лишенной следствия, был, как представляется, неизбежен и предсказуем.

О перспективе создания Федеральной службы расследования высказывался и Б.Я. Гаврилов, отмечая необходимость решения проблемы активизации борьбы с преступностью, обострившейся в последнее время, возросшее число нарушений конституционных прав граждан в досудебном производстве, а также иные факторы, вызывающие необходимость в принципиально ином подходе к решению проблем создания единой службы по расследованию преступлений. [5]

Д.Ю. Гончаров подчеркивает, что поспешное создание единого следственного аппарата не приводит к положительному результату, так, в 1995 г. в Казахстане был образован Государственный следственный комитет (ГСК), который обеспечивал расследование всех категорий уго-

ловных дел. Однако 5 ноября 1997 г. ГСК в Казахстане был упразднен, так как поспешность его создания привела к частичному разрушению существовавшей системы расследования преступлений и снижению уровня контроля государства над осуществлением единой уголовной политики [6, С. 109]. На этот факт указывал также и Н. Соловьев [7, С. 8].

А.С. Александров видит в создании ФСР угрозу эффективности прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия. Если у прокуратуры «отобрать» следствие, то кто будет расследовать дела в отношении следователей, руководства ФСР, совершивших преступления. Следует отметить, что в начале 90-х И. Артемьевым и С. Иваненко был разработан проект Закона «Об органах предварительного следствия в РФ», предусматривающий, что органы предварительного следствия станут самостоятельным ведомством - Федеральной службой расследований. В ст. 1 проекта устанавливается, что предварительное следствие по уголовным делам в Российской Федерации производится следователями ФСР Российской Федерации, а также директором ФСР Российской Федерации и его заместителями, начальниками следственных управлений и следственных отделов и их заместителями. [8]

Исходя из динамики последующих изменений В УПК РФ можно однозначно сделать вывод, что после создания СКР идет дальнейшее поэтапное создание единого следственного органа. Так, с января 2011 г. к подследственности следователей СКР отнесено расследование всех налоговых преступлений, а с января 2012 г. - тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних.

В целом за создание единого следственного комитета можно привести следующие аргументы:

1. Удобство. Единый следственный орган - следователю единая база актов правоприменения. Меньше бюрократической путаницы. Централизация следственной базы приведет к повышению эффективности раскрытия тяжких и особо тяжких составов преступлений.
2. Организационная и функциональная целостность и независимость. На органы следствия будет труднее оказывать давление смежным структурам.
3. Единоначалие повышает персональную ответственность, следовательно каждый руководитель следственного органа и следователь будут эффективнее выполнять свои должностные обязанности.
4. В целом, вероятно, деятельность единого следственного органа будет более прозрачной.

В противовес этим аргументам можно возразить:

1. Аналитики считают, что нагрузка на следователя единого следственного органа вырастет с 8.5 дел на человека до 35, что скажется на эффективности института предварительного следствия в целом.
2. Сотрудникам обновленного следственного ведомства придется работать в отрыве от прежних оперативных и экспертных служб, а это может парализовать деятельность следствия.
3. Неуправляемость единого следственного органа в связи с большим количеством личного состава (около 120 000 следователей).
4. Эксперты указывают на финансовые проблемы, которые возникнут при создании нового ведомства. Эта реформа потребует больших финансовых вложений, так как, например, необходимо будет выровнять зарплаты

сотрудников нового следственного органа с зарплатами, которые сейчас получают следователи, работающие в иных органах внутренних дел.

5. Разработка новых и переработка старых нормативно-правовых актов, что займет определенное время.

В целом идея создания единого следственного органа предварительного расследования не нова, но в последние годы в связи с созданием Следственного Комитета Российской Федерации она вновь приобрела актуальность, однако в этой идеи есть как положительные так и отрицательные аспекты. Однако исследование данной проблемы не исчерпано в юридической науке, поэтому дискуссия по данному вопросу продолжится, и непременно приведет к перспективным шагам законодателя по вопросу создания единого следственного органа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Соци-

алистическая законность. 1957. N 5. С. 21.

2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1959. Т. 1. С. 229 - 230; Т. 2. С. 79

3. Балакшин В. Независимый - зависимый следователь // Законность. 2011. N 10.

4. Маслов И.В. От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность, 2012, N 3

5. Гаврилов Б.Я. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ, мнение специалиста и ученого // Российская юстиция. 2007. N 7

6. Гончаров Д.Ю. Самостоятельность следователя: быть или не быть? // Журнал российского права. 2002. N 9. С. 109.

7. Соловьев Н. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. 2000. N 12. С. 8.

8. Дьяконова О.Г. О создании единого органа по расследованию преступлений // Российский следователь», 2010, N 12.

SOME PROBLEMS OF CREATION OF UNIFORM ORGAN OF INQUIRY IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2014

Zaporoshchenko A.M., a student of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: For the last decades in domestic jurisprudence there is a discussion about creation of uniform organ of inquiry in this connection there are some questions and the problems demanding studying.

Keywords: Uniform organ of inquiry, prosecutor's office, committee of inquiry, preliminary investigation, criminal procedure.

УДК 340

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФУНКЦИЙ МЕР ЗАЩИТЫ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2014

Иванов В.В., магистрант, директор ООО компания «Связьатоминформ»,
Дмитровград, Россия

Аннотация: Статья посвящена видам функций мер защиты: превентивной, регулятивной, восстановительной, обеспечения безопасности. Автором анализируется роль каждой из функций в механизме обеспечения юридической безопасности, а также особенности их воздействия на поведение субъектов общественных отношений.

Ключевые слова: юридическая безопасность, виды функций; механизм обеспечения юридической безопасности; превентивная функция; восстановительная функция.

Юридические меры защиты общественных отношений выступают самостоятельной правовой категорией, которую не следует отождествлять или смешивать с юридическими мерами защиты, о чем неоднократно отмечалось в юридической литературе [1, с. 60; 2, с. 50; 3, с. 17; 4, с. 68; 5, с. 23; 6, с. 372].

Меры защиты участвуют в обеспечении юридической безопасности и наряду с другими правовыми средствами

направлены на обеспечение правомерного поведения субъектов общественных отношений и сокращению безответственного поведения [7, с. 62].

Мы присоединяемся к тем ученым, которые считают, что меры защиты реализуют регулятивную, превентивную, восстановительную, пресекающую функции, а также функцию обеспечения безопасности [8, с. 372; 9, с. 75].

Меры защиты, как и иные правовые средства, обла-

дают регулятивными свойствами. Отличительные черты и характеристики, которые выделяют у мер защиты, не должны вступать в противоречие с общими свойствами права как социального регулятора. Утверждать об отсутствии у мер защиты регулирующих свойств - значит вступать в противоречие с общим инструментальным предназначением права [10, с. 200]. Согласно правилам логики, признаки, отмеченные у определенного рода явлений в общем понятии, обязательно имеются и у специфических явлений данного класса. Таким образом, если мы определяем регулятивную функцию права, то эта функция обязательно должна быть и у «первичных клеточек права» — у ее норм (в том числе и у норм, предусматривающих меры защиты). При этом регулятивная функция мер защиты занимает самостоятельное место в механизме правового регулирования и механизме обеспечения юридической безопасности субъектов права [11, с. 12].

Регулятивная функция мер защиты — одно из частных проявлений регулятивной функции права. Поэтому она может не обладать всеми чертами и свойствами, характерными регулятивной функции права. Посредством регулятивно-статической подфункции происходит закрепление в правовых нормах вариантов взаимодействия субъектов, направленных на восстановление общественных отношений, предупреждения их нарушения, обеспечения функционирования иных разновидностей общественных отношений и т.д. В дальнейшем при наступлении соответствующих юридических фактов вступает в действие регулятивно-динамическая функция мер защиты, которая направлена на развитие этих отношений [12, с. 21].

Правоприменитель, под воздействием регулятивной функции осуществляет превентивную или восстановительную функцию мер защиты, т.е. приводит в действие механизм правоприменения. Именно на правоприменителя лежит обязанность принудить другого субъекта к исполнению невыполненной обязанности, причем данная обязанность должна быть первоначально закреплена в правовых нормах. Но до того момента, пока не наступят соответствующие юридические факты, правоприменитель не может принудить к ее выполнению, т.к. нет соответствующих оснований. Эта обязанность существует как закрепленная в праве абстракция - применить меры защиты. Иные функции мер защиты не могут развиваться без реализации регулятивной функции мер защиты.

Права и обязанности правоприменителя как участника правоотношений, возникающих в связи с применением мер защиты, реализуются под воздействием регулятивной функции. Аналогичное можно отметить о правах и обязанностях другой стороны правоотношения, в отношении которых осуществляются меры защиты. Их реализация обусловлена развитием динамики регулятивной функции мер защиты, которая «функционирует исключительно в режиме законности» [13, с. 60].

В качестве объектов восстановительной функции мер защиты могут выступать общественные отношения, поведение субъектов, правосознание, общественное сознание, правоотношения и отдельные его элементы. С объектами воздействия восстановительной функции тесным образом связан и результат воздействия. Специально-юридический результат может заключаться в восстановлении нарушенного права, прекращении правоотношения, приведении в прежнее положение, а

также в исполнении обязанности, которую субъект ранее не исполнял, восстановлении правопорядка и т.д. Соискателем выявляются особенности объектов восстановительной функции административных, финансово-правовых, гражданско-правовых, семейно-правовых, уголовно-процессуальных, гражданско-процессуальных мер защиты.

Следует обратить внимание на такой способ осуществления восстановительной функции мер защиты, как реализация гражданами прав на необходимую оборону, самозащиту, задержание лица, совершившего преступление. Причем эти юридические средства присутствуют в уголовном (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступления), гражданском (самозащита), трудовом (самозащита) и административном праве (необходимая оборона) и являются межотраслевыми.

На основе анализа действующего законодательства мы приходим к выводу, что основаниями реализации восстановительной функции мер защиты могут выступать несколько групп юридических фактов: правонарушение (в его классическом понимании, включающем в качестве обязательного признака вину); объективно-противоправные деяния; злоупотребления правом; иные юридические факты, которые относятся к событиям и не зависят от воли человека [14, с. 101].

Пресекательная функция направлена непосредственно на пресечение начавшегося правонарушения или иного, отклоняющегося от нормы деяния. Превентивная же функция мер защиты направлена на предупреждение правонарушений в будущем, и основанием ее реализации может и не выступать юридический факт, связанный с тем или иным социальным отклонением.

Мы считаем, что пресекательную функцию характеризуют следующие признаки: основанием ее возникновения выступает юридический факт правонарушения или объективно-противоправного деяния; она направлена на непосредственное пресечение правонарушения и недопущение развития более вредных последствий; ее объектом, как правило, являются конфликтные общественные отношения, которые она призвана устранить или прекратить; способы осуществления пресекательной функции мер защиты в большинстве случаев характеризуются непосредственным физическим воздействием или применением специальных средств. Обосновывается, что пресечение предусмотрено и нормами гражданского права.

Превентивная функция мер защиты - это направление правового воздействия на поведение субъектов общественных отношений, заключающееся в упреждении отклоняющегося от нормы варианта поведения. Превентивную функцию мер защиты характеризуют следующие признаки: основанием ее реализации выступает необходимость осуществления предупреждающей деятельности или юридический факт правонарушения; как правило, она направлена на отношения, не являющиеся конфликтными, с целью упреждения развития их отклонений; во многих случаях она реализуется в результате установления специального правового режима; психологический (информационный) способ ее реализации заключается в доведении до субъекта правовой информации о необходимом и желаемом варианте поведения [15, с. 45].

Функцию юридических мер защиты, обеспечивающих

безопасность можно подразделить на две подфункции: подфункцию, направленную на обеспечение безопасности от экологических и техногенных катастроф либо минимизацию их воздействия; подфункцию, направленную на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, а также лиц, осуществляющих правоохранительную и контролируемую деятельность.

На основе анализа различных нормативно-правовых мер приходим к выводу, что меры безопасности существенно ограничивают права и свободы граждан, интересы юридических лиц, но применяются в целях их же безопасности, т.к. основанием их применения выступают чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, террористические акты и т.п.

Другое проявление функции обеспечения безопасности состоит в создании состояния защищенности участников уголовного процесса, а также судей и должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. На основе анализа нормативно-правовых актов определяются основания, необходимые для реализации применения мер безопасности, применяемые в отношении участников судопроизводства и лиц, осуществляющих правоохранительную и контролируемую деятельность: данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве и др. В современных рыночных условиях показания свидетеля, истца, ответчика в гражданском или арбитражном процессе могут затрагивать интересы крупных коммерческих структур с участием криминального элемента, а в отношении этих лиц будет создаваться реальная угроза жизни, здоровью, принадлежащему им имуществу и т.п. Однако меры защиты могут быть применены только к участникам уголовного процесса [16, с. 153§ 17, с. 68]. Поэтому необходимо разработать и принять закон «О государственной защите участников гражданского и арбитражного процесса».

Функция обеспечения безопасности юридических мер защиты – это направление правового воздействия, заключающееся в предупреждении, нейтрализации или ликвидации негативных факторов природного, техногенного воздействия, а также создания состояния защищенности для субъектов уголовного процесса и (или) лиц, осуществляющих правоохранительную и контролируемую деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 59-60.
2. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения // вектор Науки

Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. (15). С. 49-51.

3. Гогин А.А. К вопросу о понятии и признаках экологического правонарушения. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 16-20.

4. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность в системе юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 67-70.

5. Мусаткина А.А. Проблемы совершенствования правовых норм, регламентирующих применение санкций // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 22-25.

6. Мусаткина А.А. Понятие мер защиты // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2009. № 4. С. 372-396.

7. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. – С. 61-65.

8. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Лекция: юридическая ответственность, санкции и меры защиты // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 4. С. 372-396.

9. Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Теория государства и права / Под ред. А.В. Малько. – М.: Кнорус, 2011. – 400 с.

10. Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Теория государства и права / Под ред. А.В. Малько. – М.: Кнорус, 2008. – 400 с.

11. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 2004. – 20 с.

12. Липинский Д.А. Регулятивная функция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 21-24.

13. Хачатуров Р.Л. О законности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.

14. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. – М.: Инфра-М РИОР, 2013. – 138 с.

15. Мусаткина А.А. К вопросу о понятии мер защиты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 123-126.

16. Хачатуров Р.Л. Крайняя необходимость в праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 152-156.

17. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность в системе юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 67-70.

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF THE FUNCTIONS OF PROTECTION MEASURES IN THE MECHANISM OF PROVIDING LEGAL SECURITY

© 2014

Vitaly V. I., master student, director of the company «Svyazatominform»,
Dimitrovgrad, Russia

Annotation. The article is devoted to the functions of protection measures: preventive, regulatory, remedial, security. The author analyses the role of each of the functions in the mechanism of providing legal security, as well as features of their impact on the behaviour of public relations.

Keywords: legal security, the types of functions; the mechanism of providing legal security; preventive function; restorative function.

УДК 34.03

СООТНОШЕНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ И КАРАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Кабанов П.А., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория и история государства и права»
Волжский университет им. В.Н. Татищева, Тольятти (Россия)

Аннотация: Исследование взаимосвязей и соотношения регулятивной и карательной функций позволяет глубже проникнуть в суть правового института юридической ответственности, определить место карательной функции юридической ответственности среди других функций и выявить единство негативного и позитивного аспектов юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, функции юридической ответственности, соотношение функций, карательная функция, регулятивная функция, взаимосвязь функций юридической ответственности.

Исследование взаимосвязей и соотношения регулятивной и карательной функций позволяет глубже проникнуть в суть правового института юридической ответственности, определить место карательной функции юридической ответственности среди других функций и выявить единство негативного и позитивного аспектов юридической ответственности.

Регулятивная функция юридической ответственности призвана закрепить, упорядочить и оформить динамику общественных отношений. Она отражает и формирует стержень, основу юридической ответственности. Без регулятивной функции юридической ответственности не возможна реализация других функций. Так, если соответствующие общественные отношения не будут закреплены в правовых нормах, если на правовой основе не разовьется динамика общественных отношений, то нечего будет предупреждать. Ведь предупредительная функция направлена на недопущение нарушения общественных отношений, урегулированных посредством регулятивного воздействия юридической ответственности. Соответственно, без правовой закреплённости тех или общественных отношений не возможно и совершение правонарушения, т.к. правонарушение посягает на уже урегулированные и охраняемые общественные отношения.

Как известно регулятивная функция права и одно из ее проявлений регулятивная функция юридической ответственности образуются из регулятивно-статической и регулятивной динамической функций [1, с. 96-97; 3, с. 138-139; 5, с. 124; 7, с. 120], а точнее будет сказать подфункций, которые и образуют регулятивную функцию. Регулятивно-статическая функция закрепляет в правовых нормах, предусматривающих юридическую ответственность как разрешенный, так и запрещенный вариант поведения и юридически значимые последствия, которые могут наступить как в случае совершения правомерных поступков, так и в случае совершения противоправных поступков.

Таким образом, получается, что возможность осуществления карательной функции юридической ответственности, суть которой заключается в разнообразных правоограничениях, которые она несет для правонарушителей, закрепляется именно регулятивно-статической функцией юридической ответственности. В связи с чем возникает вопрос, а с чем связано такое значение регулятивной функции юридической ответственности? Думается, что ответ на этот вопрос кроется в свойствах права в целом. Как отмечает М.И. Байтин: «По характеру воздействия на общественные отношения у права высту-

пает на передний план главная, определяющая смысл его существования как особой нормативной системы функция правового регулирования, кратко именуемая регулятивной... Данная функция получает практическое воплощение в трех общих, основных, собственно юридических функциях права, распространяемых на действующую систему права в целом: регулятивно-статической, регулятивно-динамической и регулятивно-охранительной» [2, с. 13]. Следовательно, регулятивные возможности существуют и у карательной функции юридической ответственности, которая является одним из проявлений охранительной функции права, но это не означает, что регулятивная функция «растворяется» в других функциях юридической ответственности, а лишь подчеркивает аспекты взаимосвязей функций юридической ответственности.

Как уже отмечалось, с момента совершения правонарушения у правонарушителя появляется обязанность, вытекающая из факта совершения правонарушения. Если обратиться к содержанию этой обязанности то оно будет заключаться в претерпевании им осуждения лишений личного, имущественного и неимущественного характера, т.е. правоограничений. Данные правоограничения, закрепленные в своей статике в санкции правовой нормы, в результате регулятивно-статического воздействия юридической ответственности реализуются уже в отношении правонарушителя при помощи карательного воздействия, но сами по себе без деятельности правоприменителя они не могут реализоваться, а деятельность правоприменителя является урегулированной посредством регулятивной функции.

Таким образом, отвечая на поставленный выше вопрос, приходишь к выводу: правоотношение юридической ответственности складывается как под воздействием карательной функции, так и под воздействием регулятивной функции, а карательная функция не может возникнуть и тем более реализоваться без регулятивного воздействия. В содержание правоотношений юридической ответственности входят не только обязанности правонарушителя, но и его права, которые закрепляются посредством регулятивно-статического воздействия, а их реализация этих прав обусловлена регулятивно-динамическим воздействием. Следует отметить, что правоотношение юридической ответственности одно, но складывается оно под воздействием различных функций юридической ответственности.

Регулятивное назначение права заключается не только в регулировании общественных отношений не связанных с совершением правонарушения. Как уже указывалось карательное воздействие ограничивает правовой статус правонарушителя. Правовой статус правонарушителя представляет собой совокупность прав и обязанностей, куда входят права и обязанности как свойственные всем субъектам, так и права и обязанности, характерные только для правонарушителя. Реализация прав и обязанностей (реализация правового статуса), характерных только для правонарушителя выражается в его поведении (юридически значимом действии или бездействии) и сопряжено с ограничением других прав. Такое поведение является волевым и урегулированным. Оно складывается под воздействием карательной функции и не смотря на то, что карательная функция ограничивает права и свободы она одновременно и регулирует поведение правонарушителя, а, следовательно, и общественные отношения, одним из

участником которых выступает правонарушитель.

Кара заключается не только в претерпевании субъектом неблагоприятных ограничений, но и в регулировании его поведения. Обычно в юридической литературе утверждают, что поведение субъекта до момента совершения правонарушения является правомерным. Но если субъект после совершения правонарушения не нарушает режим в местах лишения свободы, не скрывает свое имущество от описи и конфискации, добровольно уплачивает штраф, разве его поведение не является правомерным? Безусловно, это правомерное поведение, которое уже складывается не под воздействием дозволений, предписаний, позитивных обязываний, а под воздействием ограничений, которые являются неблагоприятными для правонарушителя. Смысл карательной функции заключается не только в ограничении поведения правонарушителя, но и в формировании его правомерного поведения как в период претерпевания неблагоприятных правоограничений, так и в будущем. В этом проявляется еще один аспект взаимосвязи кары и регулирования.

Сформированное правомерное поведение субъектов общественных отношений, следствием чего выступает упорядоченное, нормальное функционирование общественных отношений в юридической литературе рассматривают как результат воздействия регулятивной функции юридической ответственности [7, с. 6,9; 5, с. 133]. Указанный результат воздействия связывают исключительно с регулятивной функцией юридической ответственности. Как было указано выше карательная функция, осуществляемая в отношении правонарушителя также приводит к социально полезному результату — к конкретным правовым ограничениям и сформированному правомерному поведению. Сформированное правомерное поведение как результат воздействия карательной функции приводит к упорядочиванию общественных отношений. Регулятивная функция тоже приводит к упорядочиванию общественных отношений, но это отношения, которые функционировали до момента совершения правонарушения и функционирование которых было нарушено противоправным поведением. Таким образом, юридически значимые последствия карательной функции и регулятивной функции юридической ответственности схожи, по своей внешней форме — создание упорядоченного состояния общественных отношений, но различны по своему внутреннему содержанию. Если для регулятивной функции юридической ответственности это отношения не связанные с совершением правонарушения, то для карательной функции это отношения, вытекающие из юридического факта правонарушения.

Выявляя взаимосвязи карательной и регулятивной функции юридической ответственности, мы неизбежно сталкиваемся с противоречиями, когда устанавливаем возможность регулирования общественных отношений, как при помощи карательной функции, так и при помощи регулятивной функции. Это объясняется взаимопроникновением функций юридической ответственности, их одновременным осуществлением использованием схожих правовых средств и общими свойством права — быть средством правового регулирования общественных отношений. Получается, что при осуществлении карательной функции юридической ответственности происходит: во-первых, ограничение прав и свобод правонарушителя; во-вторых, регулирование общественных

отношений; в-третьих охрана общественных отношений от возможных будущих нарушений.

Взаимодействие карательной и регулятивной функций юридической ответственности можно проследить и на основе способов их осуществления. Способы осуществления карательной функции можно рассмотреть и с позиции обязанностей. Ведь, сужая имущественную сферу, осуждая правонарушителя и т.п. правоприменитель реализует появившуюся у него обязанность, а правонарушитель, претерпевая осуждение, ограничения, в свою очередь реализует, появившуюся у него новую обязанность, которой не существовало до юридического факта правонарушения.

Таким образом, получается, что обязанности выступают как способами осуществления карательной, так и способами осуществления регулятивной функций юридической ответственности, но содержание этих обязанностей различно и эти обязанности не тождественны друг другу.

Такое соотношение карательной и регулятивной функции, обусловлено тем, что они вступают парными юридическими категориями. Между обязанностями, которые используются для осуществления карательной и регулятивной функций юридической ответственности есть как общие, так и отличительные черты. Общее заключается в том, что они выступают составляющими частями правового регулирования и юридическими средствами правового регулирования. В них отражается властная природа юридической ответственности.

Различия состоят в следующем. Первая обязанность, характерная для осуществления регулятивной функции выступает сдерживающим средством от совершения правонарушения и несет в себе информацию о разрешенном и одобряемом поведении, и об отсутствии неблагоприятных последствий в случае соблюдения этой обязанности. Вторая обязанность, характерная для осуществления карательной функции является следствием несоблюдения первой и несет в себе информацию о неблагоприятных последствиях, которые должен претерпеть правонарушитель.

Соотношение карательной и регулятивной функции можно рассмотреть и на основе других способов их осуществления. Способы осуществления регулятивной функции выступают не только обязанности, но и поощрения, а противовес поощрения – наказание, осуждение и другие неблагоприятные последствия, которые обязан претерпевать правонарушитель.

Регулятивная функция направлена на недопущение развития карательной функции юридической ответственности. Выгоднее и целесообразнее закрепить и урегулировать отношения таким образом, чтобы исключить правовые условия, способствующие совершению правонарушений. Поэтому в криминологической литературе особое внимание уделяется правовым условиям, способствующим совершению правонарушений [4, с. 220]. Отсутствие урегулированности общественных отношений, некачественное регулирование общественных отношений выступают условиями совершения правонарушений, которые увеличивают возможность совершения общественно опасных деяний, а, следовательно, и возможность развития карательной функции юридической ответственности.

Взаимосвязь и соотношение карательной функции с регулятивной функцией можно выявить и на основе соотношения тех целей, которые они преследуют. На-

личие общих целей у карательной и регулятивной функции свидетельствуют о едином механизме осуществления юридической ответственности, о целостности этого сложного правового института.

В качестве перспективных целей юридической ответственности указывают и на цели формирования гражданского общества и построения правового государства [7, с. 12-15]. В достижении этих целей принимают участие все функции юридической ответственности (в том числе карательная и регулятивная). Как известно признаком правового государства является неотвратимость ответственности и взаимная ответственность субъектов общественных отношений. За общественно опасные деяния юридическая ответственность должна неотвратимо закрепляться в правовых нормах (проявление регулятивной функции), а за нарушение, урегулированных и охраняемых общественных отношений, неотвратимо должна развиваться и реализовываться карательная функция юридической ответственности (проявление карательного воздействия). Таким образом, достижение неотвратимости юридической ответственности возможно только при взаимодействии регулятивной и карательной функции, а, следовательно, без этого взаимодействия не возможно и достижение целей построения правового государства и гражданского общества.

Как ни парадоксально, но невольно напрашивается вывод о существовании у регулятивной функции юридической ответственности цели кары. Точнее будет сказать, что регулятивная функция преследует не саму цель кары, а цель обеспечения кары, т.к. если юридическая ответственность не будет закреплена в правовых нормах, то соответственно, не возможна и осуществление карательной функции в случае нарушения этих норм. Естественно, что цель обеспечения цели кары будет выступать для регулятивной функции не в качестве основной, а в качестве дополнительной. Основная же цель данной функции – создание упорядоченного состояния общественных отношений, что отражает еще один аспект взаимосвязи этих функций юридической ответственности.

Карательная функция юридической ответственности преследует не только цель кары, но и цель воспитания. Данная цель может реализовываться в отношении различных субъектов. Во-первых, тех субъектов, которые непосредственно претерпевают меры юридической ответственности, и во-вторых, иных субъектов, в отношении которых имеется информационное воздействие со стороны практики применения юридической ответственности. Регулятивная функция, также преследует цель воспитания. Сам факт установления юридической ответственности должен оказывать воспитательное воздействие на всех субъектов юридической ответственности. Это положение подчеркивает еще один аспект взаимосвязи регулятивной и карательной функции юридической ответственности.

Решение задач защиты общественных отношений, укрепления законности предполагает установление юридической ответственности и целенаправленное воздействие на поведение ее субъектов, а в случае нарушения, установленных предписаний воздействие должно носить карательный характер. Тем самым воплощается в реальность принцип неотвратимости юридической ответственности во всех его проявлениях, которые заключается не только в привлечении субъекта к юридической

ответственности, но и в обязательном установлении юридической ответственности и соблюдении ее предписаний [6, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права Т. 1 – Свердловск, 1972. – С. 96-97.
2. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 13.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нор-

мативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. С. 138-139.

4. Долгова А.И. Криминология. – М., 1997. С. 220.
5. Липинский Д.А. Юридическая ответственность. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2002. С. 124, С. 133.
6. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности. – Тольятти: Изд-во ВУиТ. 2001. С. 11.
7. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: Дис....кан. юрид. наук. – Самара, 2000. С. 120, С. 6, 9, С. 12-15.

THE RATIO OF REGULATORY AND PUNITIVE LEGAL LIABILITY

© 2014

Kabanov P.A., candidate of law sciences, associate professor, associate professor of the department of «The Theory of State and Law»

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: Investigation of the relationship and the ratio of regulatory and punitive functions allows a deeper insight into the essence of the legal institution of legal liability, determine the location of the punitive function of legal responsibility, among other functions, and reveal the unity of the negative and positive aspects of the legal liability.

Keywords: legal liability, legal liability function, the ratio of functions, punitive function, the regulatory function, the relationship of the functions of legal liability.

УДК 340

ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2014

Луцкая Т.А., магистр Тольяттинского Государственного университета, кафедра «Уголовный процесс и криминалистика»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: На основе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, гражданско-процессуального кодекса РФ, Федерального Закона об исполнительном производстве, Кодекса об Административных правонарушениях проводится анализ процессуального статуса законного представителя.

Ключевые слова: законный представитель, несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, участники правоотношений, правовой статус законного представителя.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации несовершеннолетним является лицо в возрасте до 18 лет.

В соответствии со ст. 20 УК РФ уголовную ответственность несет лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16 лет, в части 2 указан перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет. В Российской Федерации досудебное и судебное производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних регулируется общими положениями УПК РФ, а так же специальными нормами, установленными гл. 50 УПК РФ, закрепляющими дополнительные гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних,

нуждающихся в повышенной правовой защите, обусловленной особенностями их психофизиологического и социального развития.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в соответствии с гл.50 уголовно-процессуального кодекса РФ, осуществляется защитником, педагогом (психологом) и законным представителем.[1] Из всех участников, призванных помогать и защищать несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не обладает правовым статусом законный представитель.

В статье 426 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, говорится о том, что законный

представитель допускается к участию в уголовном деле решением (постановлением) следователя, дознавателя. [1] Само участие начинается с момента, когда был произведен первый допрос несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Перед тем как получить допуск к участию в уголовном деле, ему разъясняются права, где говорится, что он вправе: 1) знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний; 2) право присутствовать при предъявлении обвинения; 3) принимать участие в допросе несовершеннолетнего, а так же принимать участие в иных следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника — с разрешения следователя; 4) имеет право знакомиться с протоколом этих действий, в которых он принимал участие, а также делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей; 5) заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда; 6) может представлять доказательства; 7) по окончании предварительного следствия знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме. В случаях, когда следователь, дознаватель по окончании уголовного дела вынес постановление о не предъявлении несовершеннолетнему обвиняемому тех материалов уголовного дела, которые могут оказать на него отрицательное воздействие, то ознакомление с этими материалами, осуществляет законный представитель. Так же он имеет право в судебном заседании давать показания; участвовать в прениях сторон; участвовать в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. В случаях, если имеются основания полагать, что действия законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, то по определению или постановлению суда данное лицо отстраняется от участия в судопроизводстве и допускается другое. Неявка своевременно извещенного законного представителя не приостанавливает рассмотрения уголовного дела, если только суд не сочтет необходимым его присутствие. Если законный представитель несовершеннолетнего подсудимого допущен к участию в уголовном деле в качестве защитника или гражданского ответчика, то он несет ответственность, указанную в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации ст.53 и ст.54. [1]

О задержании несовершеннолетнего подозреваемого, заключение под стражу или продление срока содержания под стражей несовершеннолетнего, подозреваемого, обвиняемого незамедлительно извещается законный представитель (ч. 3 ст. 423 УПК РФ). [1] Статья 424 УПК РФ, указывает, что вызов несовершеннолетнего к следователю, дознавателю или в суд происходит через его законного представителя. [1]

Из выше сказанного можно сделать вывод, что законодатель предусмотрел участие лиц, оказывающих опеку над несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном процессе, дал им определение - «законный представитель» в п.12 ст.5 УПК РФ, где говорится, что законные представители - это родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний либо органы опеки, попечительства». В ст.48 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлено обязательное участие

законного представителя и привлечение его в порядке, установленном статьями 426 и 428 УПК. [1]

Обратившись к другим источникам, в которых упоминается понятие «законный представитель» и отображается как самостоятельная норма, мы увидим, что он является представителем законных интересов, прав и свобод лиц, имеющих определенные трудности в самостоятельной защите своих интересов, это недееспособные или не обладающие полной дееспособностью лица, а также несовершеннолетние. (ч. 1 ст. 52 ГПК РФ; ФЗ об исполнительном производстве ч. 1 ст. 55; ч. 1.2 ст. 25.3 КоАП РФ) [2, 3, 4]

Анализируя и сравнивая полученную информацию, можно сделать следующий вывод, что статьи приведенных Федеральных законов имеют не только определение круга лиц, подходящих под понятие «законный представитель», а также права и обязанности, которые они могут осуществлять самостоятельно либо посредством доверенных лиц. Пока в уголовном процессе подобной обобщенной нормы не существует, а это указывает на то, что как самостоятельный участник правовых отношений в уголовном процессе законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не существует.

Мы предлагаем рассмотреть понятие «законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого» как закрепленный в законе правовой статус участника уголовно-процессуальных отношений со стороны защиты. Переходя непосредственно от лиц, подходящих под понятие «законный представитель» к их участию в уголовном процессе, как полноправным участникам самого процесса, это определение можно сформулировать следующим образом: законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускается к участию в уголовном деле с момента фактического задержания несовершеннолетнего, что закрепляет за ним этот статус в соответствии с законом как полноправным участником уголовного процесса для осуществления его прав и обязанностей, связанных с защитой законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Полученный правовой статус «законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого», обязывает лицо, в соответствии с полученными правами и обязанностями, осуществлять свою деятельность в защите несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в течении всего производства по уголовному делу в отношении этого несовершеннолетнего.

Указывая на права законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обратить внимание на ст.426 часть 2 и ст.428 ч.1. сохраняя пункты «1,2,5,6» ч.2 ст.428 УПК РФ и п. «1,3,4,5 и 6». И внося коррективы в ч. 1 п. «2» статьи 428, а также п. «3,4 и 7» ч.2 ст.426 УПК Российской Федерации. [1] Так, например, в пункте «3» части 2 статьи 426 указать следующее, что участие законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, обязательно. Также он имеет право участвовать в иных следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В пункте четвертом этой статьи закрепить право знакомиться с протоколами следственных действий, делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей. А в п.7 ч.2 ст.426 постановить, что все материалы уголовного

дела по окончании предварительного следствия, доступны законному представителю для ознакомления и выписки из него в любом объеме информации. В ст.428 ч.1 п.2 добавить пояснение, что законный представитель несовершеннолетнего подсудимого может давать показания, но только о личности подсудимого. Таким образом наделить законного представителя определенным иммунитетом, как например адвокатская тайна или тайна исповеди в церкви. Помимо прав законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должен иметь и обязанности, которые нужно прописать в законе как обязанности законного представителя. Так, например, внести запрет на разглашение данных предварительного расследования, ставшие ему известными в ходе производства по уголовному делу, в котором он представляет интересы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в соответствии со ст.161 УПК РФ и установить ответственность по ст.310 УК РФ. [1,5] Также установить как обязанность обеспечение явки несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по вызову к дознавателю, следователю или в суд. Установить, что законный представитель обязан защищать права и интересы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В случаях, если своими действиями законный представитель наносит ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, это лицо лишается статуса «законный представитель» и отстраняется от участия в уголовном процессе, а на его место привлекается другой законный представитель. В уголовно-процессуальном законе РФ в ст. 428 ч. 3 указано, что неявка законного представителя в суд не приостанавливает судопроизводства, эту часть можно корректировать пояснив, в соответствии с выше предложенной обязанностью защищать права и интересы

несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, что неявка на судебное заседание законного представителя не приостанавливает производства, но и не лишает лицо этого статуса. Также, указать случаи, когда законный представитель участвует в уголовном деле в качестве защитника или гражданского ответчика (ч. 4 ст. 428 УПК РФ). [1]

Таким образом, мы предлагаем использование приведенных нами изменений в существующих статьях уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а так же предполагаем, что возможно создание новой статьи, в которой будут регламентироваться права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого как самостоятельного участника уголовно-процессуальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по состоянию на 20.03.2013 г. С учетом изменений, внесенных Федеральным Законом (от 4.03.2013г.) №23-ФЗ- У26 Москва : Проспект, КноРус, 2013.- 256 с.;
2. Электронный источник – ГПК РФ- <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156603>
3. Электронный источник – Федерального закона об исполнительном производстве-<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156606>
4. Электронный источник- КоАП РФ- <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158526>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 20.03.2013 г. С учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ- Москва: Проспект, У26 КноРус, 2013. - 224 с.

LEGAL REPRESENTATIVE OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2014

Lutckaya T.A., Master of Togliatti State University,
Department of «Criminal Procedure and Criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: On the basis of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Code of Civil Procedure, the Federal Law on Enforcement Procedure, the Code of Administrative Offences of the analysis of the procedural status of the legal representative.

Keywords: legal representative, a minor suspect, accused, participants relations, the legal status of a legal representative.

УДК 34.1

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© 2014

Лучков В.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье проанализированы вопросы юридической ответственности в системе местного самоуправления. Проанализированы различные позиции ученых в отношении понятия юридической ответственности в муниципальном праве, акцентируется внимание на позитивной ответственности.

Ключевые слова: местное самоуправление, юридическая ответственность, органы местного самоуправления, муниципально-правовые отношения.

Институт ответственности является одним из самых проблематичных институтов муниципального права. Отсутствие на общегосударственном уровне концепции правового регулирования ответственности субъектов, реализующих право на местное самоуправление, негативным образом сказывается на правоприменительной практике. При этом отрицательным фактором является и нестабильность самого законодательства о местном самоуправлении.

Основной юридической ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц перед населением, государством, физическими и юридическими лицами является конституционная норма, обязывающая органы власти, граждан и их объединения соблюдать Конституцию и законы, соответствующие нормы законодательства о местном самоуправлении. Конкретное закрепление нормы об ответственности получили в Федеральном законе № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления» (далее ФЗ № 131).

В частности в соответствии со статьей 70 данного закона органы местного самоуправления и их должностные лица несут ответственность перед населением муниципального образования, государством и юридическими лицами. Таким образом, можно считать, что в системе местного самоуправления могут применяться все известные виды ответственности: конституционно-правовая, административная, уголовная, гражданско-правовая, дисциплинарная.

Однако следует учитывать одну особенность. Как известно в российском праве нет отраслей, где бы юридическая ответственность возлагалась на субъекты права без учета их вины. В муниципальном же праве также как и в конституционном вина не может быть сведена к традиционному пониманию психического отношения субъекта муниципально - правовых отношений к деянию, не соответствующему должному поведению, а также его последствиям. Например, когда суд признает тот или иной нормативный правовой акт не соответствующим действующему законодательству безотносительно наличия или отсутствия вины представительного органа местного самоуправления, принявшего муниципальный правовой акт, главы муниципального образования, подписавшего акт. Это связано не столько с муниципально-правовой ответственностью, сколько с действием принципа раз-

граничения полномочий в структуре органов местного самоуправления.

В муниципальном праве широкое распространение имеет точка зрения, что юридическая ответственность – один из видов негативной реакции государства на правонарушение. Так, по мнению О.Е. Кутафина, ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц – это неблагоприятные правовые последствия за принятые ими противоправные решения, ненадлежащее осуществление своих задач и функций [1].

Однако определение ответственности как реакции государства на правонарушение и претерпевание правонарушителем неблагоприятных последствий, на наш взгляд, трудно применимо к ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением, так как в этих отношениях правильнее говорить о реакции прежде всего самого населения, а не государства. Кроме того, связывание такой реакции только с правонарушением не соответствует, природе взаимоотношений и должностных лиц местного самоуправления с населением муниципального образования.

С точки зрения Уварова, ответственность органов местного самоуправления - многогранное понятие: понятие ответственности в широком значении этого слова употребляется как отношение органов местного самоуправления к населению муниципального образования, ко всему обществу или государству с точки зрения выполнения этими органами возложенных на них задач и требований. В узком юридическом значении под термином «ответственность» понимается реакция государства на совершенное органом местного самоуправления правонарушение, связанная с претерпеванием последним неблагоприятных для него последствий.»

Мы согласны, что установленные законом санкции за допущенные правонарушения, а также неотвратимые и адекватные меры по их применению – неперемное условие не только искоренения нарушений правовых норм, но и реализация одного из важнейших принципов взаимоотношений государства и местного самоуправления – государственный контроль в форме правового воздействия. Однако сводить юридическую ответственность только к ее негативному аспекту, по нашему мнению, не правомерно, а самое главное это не отвечает социальной

и правовой природе местного самоуправления.

К.А. Амирбеков, занимая другую позицию, подчеркивает, что отличие муниципально-правовой ответственности состоит в том, что ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления предполагает не только (и не столько) акцент на кару в плане государственного принуждения, но в большей степени ориентирована на позитивные аспекты [2].

По мнению некоторых других ученых позитивный смысл юридической ответственности возникает из обязанности органов местного самоуправления осуществлять положительные действия, в точном соответствии следуя нормам конституционного и текущего законодательства, уставов муниципальных образований. Как видим налицо две модели ответственности, что характеризует сам феномен юридической ответственности.

По нашему мнению, сформулировать концептуальные основы института ответственности в системе местного самоуправления можно лишь раскрыв природу местного самоуправления. Соответственно мы сможем решить вопрос об определении понятия «местное самоуправление», который до сих пор является одним из главных и дискуссионных в теории местного самоуправления.

Действующий Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 определяет местное самоуправление, как форму осуществления народом своей власти, хотя предшествующий аналогичный закон - ФЗ N 154-ФЗ от 28 августа 1995 года определял местное самоуправление как самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения.

Надо отметить, что последнее определение полностью соответствует ст.3 Конституции РФ, где говорится: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Обратившись к Европейской Хартии местного самоуправления, первоисточниками которой являются аутентичные тексты на французском и английском языках, мы видим, что действующий официальный перевод на русский язык не вполне адекватен, поскольку в Хартии говорится о местном самоуправлении как о власти населения, реализуемой, в том числе, через особые учреждения, то есть органы местного самоуправления, а не власти самих органов местного самоуправления.

Говоря о праве на местное самоуправление, необходимо указать, что это не аналог прав граждан, а элемент квалификации местного самоуправления как одного из проявлений власти народа, так как необходимо разделять право граждан на участие в местном самоуправлении и право населения на осуществление местного самоуправления.

Право населения на осуществление местного самоуправления - это одна из составных частей права народа на власть. Существом местного самоуправления является решение вопросов местного значения, а также иная деятельность по представлению и защите интересов местных сообществ, то есть населения муниципальных образований.

Но эта деятельность является не только правом, но и обязанностью решать вопросы местного значения, осуществлять иную деятельность, законодательно отнесенную к ведению местного самоуправления, нести ответственность за законность и целесообразность деятельности

представителей населения.

Кроме того, бремя местного самоуправления включает в себя такие обязанности граждан как:

- соблюдать общеобязательные правила, установленные органами местного самоуправления;
- взаимодействовать с муниципальной властью и ее представителями в формах, регламентация которых осуществлена как законами, так и актами самой муниципальной власти;
- воздерживаться от действий, осуществление которых отнесено к компетенции органов местного самоуправления.

Еще один элемент бремени местного самоуправления это ограничения отдельных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемые федеральными законами в отношении выборных лиц местного самоуправления и муниципальных служащих.

Таким образом, ответственность органов местного самоуправления, по нашему мнению, необходимо рассматривать в двух аспектах: позитивном (проспективном) и негативном (ретроспективном). Причем, учитывая сказанное выше о природе местного самоуправления, акцент должен быть сделан на позитивную ответственность.

Под позитивной ответственностью местного самоуправления следует понимать ответственную деятельность по решению вопросов местного значения в соответствии с Конституцией и законодательством Российской Федерации. Она строится не только (и не столько) на запрете определенного поведения, но и вызывает к жизни позитивную ответственность, требует от субъектов права активного поведения для достижения общественно полезных целей.

Как отмечают в своей монографии «Общая теория юридической ответственности» Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский: «Анализ позитивной ответственности – как социальной, так и юридической, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Важнее и целесообразнее предупредить о наступлении негативной ответственности и с помощью позитивной ответственности предотвратить нежелательный вариант поведения, а не применять реальные меры общественного и государственного принуждения» [3]. Это суждение, на наш взгляд, самым непосредственным образом относится к местному самоуправлению.

Известный русский мыслитель И.А. Ильин писал, что ответственность «есть живое чувство предстояния и призванности, стремление к самосовершенствованию. Еще не совершив поступка, человек уже знает о своей ответственности. И это дисциплинирует его и вдохновляет. Последующая ответственность есть результат искаженного правосознания, негативного поведения индивида. Она – антипод предварительной ответственности, то есть безответственности» [4].

В связи с этим, нужно сказать, что добровольная форма реализации юридической ответственности в системе местного самоуправления не сводится и не растворяется в понятиях «обязанность», «правомерное поведение», «поощрение», «осознание обязанности», «волевое отношение к обязанностям», как считают некоторые ученые.

Во-первых, юридическая обязанность - вид и мера должного или требуемого должного поведения. В основе обязанности лежит юридически закрепленная необходимость. Одна обязанность не может характеризовать всю ответственность в целом. Она не может существовать без

своей основы - правовой нормы, но и правовая норма не характеризует ее полностью и не исчерпывает понятие добровольной ответственности. Правовая норма является основанием юридической ответственности.

Во-вторых, юридическая обязанность, как и все право, рассчитано, прежде всего, на осознанное и волевое поведение. Это осознание выражается через позитивное психическое отношение к ней, но не сводится к последнему, так как позитивное отношение должно так сказать опредметиться в реальном правомерном поведении. Чувство долга, ответственности - не есть сама ответственность. Это субъективная сторона правомерного и ответственного поведения.

В-третьих, юридическая ответственность не тождественна обязанности, так как эта обязанность реализуется в осознанном, волевым правомерном поведении - внешнем выражении ответственности.

В-четвертых, правоотношение, участником которого является ответственный субъект местного самоуправления, возникает и функционирует на основе правовой нормы.

Добровольная форма реализации ответственности немислима без осознания, но осознание своих действий является только ее субъективной характеристикой, отражающая связь правовой нормы с внешним поведением субъекта.

На основании изложенного, представляется возможным дать следующее определение: «Юридическая ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц представляет собой необходимость

субъектов ответственности действовать в интересах муниципального образования в соответствии с возложенными на них обязанностями, отвечать в установленном порядке за свое юридически значимое поведение, а в случае отклонения - претерпевать неблагоприятные последствия».

В заключение, следует подчеркнуть, что назначение ответственности раскрывается в ее служебной роли, которую она выполняет в качестве основного принципа местного самоуправления. Достижение же цели юридической ответственности в местном самоуправлении состоит, по нашему мнению, не столько в наказании виновных, сколько в обеспечении и защите права населения на местное самоуправление, в обеспечении зависимости органов и должностных лиц местного самоуправления от основного источника муниципальной власти, основного субъекта права на осуществление местного самоуправления, а именно населения муниципального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кугафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 1997. С. 335.
2. Амирбеков К.А. Местное самоуправление в системе публичной власти. Гарантии прав и проблема ответственности. //Право и жизнь. 2000. № 30. С. 17.
3. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. - СПб. 2007. С. 15.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. - М., 1993. С. 305.

THE LEGAL RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

© 2014

Luchkov V.V., candidate of legal Sciences, associate Professor of the Institute of law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: the paper analyzes The issues of legal liability in the system of local government. Analyzed different positions of scientists in relation to the notion of legal responsibility in municipal law, focusing on the positive responsibility

Keywords: local self-government, the legal responsibility of local authorities, municipal-legal relations.

УДК 340

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С РЕГУЛЯТИВНОЙ, ПРЕВЕНТИВНОЙ И КАРАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЕЙ

© 2014

Мелкумян М.Г., аспирант
Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия

Аннотация: В статье исследуются проблемы взаимодействия воспитательной функции юридической ответственности с превентивной, карательной, восстановительной и регулятивной функциями. Определяется взаимодействие воспитательной функции с каждой из функций юридической ответственности. Подчеркивается системность функций юридической ответственности.

Ключевые слова: воспитательная функция; юридическая ответственность; взаимодействие функций; превентивная функция; карательная функция.

Воспитательная функция юридической ответственности взаимосвязана со всеми другими функциями юридической ответственности, так как такие функции как карательная, превентивная, восстановительная, невозможно представить без одновременного существования воспитательной функции [1; 2; 3; 4]. Все элементы содержания юридической ответственности – обязанность действовать правомерно, правомерное поведение, одобрение (поощрение), обязанность подвергаться неблагоприятным последствиям, осуждение, претерпевание неблагоприятных последствий – обладают воспитательным воздействием.

В теории права и отраслевых исследованиях часто можно столкнуться с удвоением названий функций юридической ответственности: карательно-превентивная, превентивно-воспитательная, восстановительно-карательная. На наш взгляд, речь должна идти не о «двойственных функциях», а о их взаимодействии.

Система функций юридической ответственности достаточно сложна, т.к. характеризуется взаимным действием различных функций и их взаимодополнением [5, с. 47; 6, с. 61]. Зачастую существование одной функции юридической ответственности немислимо без существования другой. Значение взаимодействия проявляется в функциональных связях правовых норм, т.к. в пределах единого права отдельные группы юридических норм выполняют различные функции, поэтому они лишь в определенной системе, в определенном сочетании оказывают правовое воздействие на общественные отношения. Сложность проблемы заключается еще и в том, что различные функции юридической ответственности могут осуществляться при помощи одинаковых способов, что, однако, не является основанием для их отождествления или «удвоения», т.к. функции юридической ответственности необходимо различать и по другим признакам. Кроме того, регулятивная, превентивная, воспитательная функции направлены на то, чтобы не допустить возникновения карательной и восстановительной функций. В случае совершения правонарушения воспитательная функция призвана исправить личность и смягчить потенциал карательной функции [7, с. 164; 8, с. 25]

В своем большинстве правовые нормы учитывают положения морали и нравственности. Например, Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ возлагают на родителей обязанности по воспитанию детей. Эти нормы регулируют поведение родителей, но одновременно они в их сознании утверждают основополагающие моральные, общественные ценности. Юридическая ответственность, регулируя, предупреждая, одновременно и воспитывает в духе уважения прав и свобод человека и гражданина, уважения интересов общества и государства.

Некоторые функции в принципе не могут действовать в отрыве от воспитательной. Карательная функция юридической ответственности должна осуществляться одновременно с воспитательной, т.к. только такое взаимодействие позволяет не превратиться каре в самоцель [9, с. 34] Поэтому не случайно одним из принципов уголовно-исполнительного наказания выступает «соединение наказания с исправительным воздействием». Говоря о взаимодействии карательной и воспитательной функций юридической ответственности, можно определить как несколько факторов, ведущих к снижению эффек-

тивности воспитательного воздействия, а иногда и к его полному отсутствию. Во-первых, чрезмерно суровое карательное воздействие, не обусловленное общественной опасностью правонарушения. Во-вторых, превращение в местах лишения свободы воспитательного воздействия в проформу. В-третьих, преступное попустительство со стороны администрации учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, к лидерам преступных группировок. В-четвертых, нарушение принципов индивидуализации и неотвратимости юридической ответственности как законодателем, так и правоприменителем.

На эффективность воспитательного воздействия большое влияние оказывают различные внешние социальные факторы, к таковым можно отнести условия содержания в исправительном учреждении. Подавляющее большинство осужденных недовольно условиями содержания в ИУ. Как следствие, неудовлетворительные условия содержания в исправительном учреждении порождают только озлобленность и агрессию со стороны осужденных, а озлобленность они относят к факторам, которые могут толкнуть их в будущем на совершение нового преступления. Каре позволяет не превратиться в самоцель именно наличие цели исправления [10, с. 40, 11, с. 35]

Правовые реалии свидетельствуют о нарушении принципов индивидуализации и неотвратимости ответственности, которые порождают в правосознании граждан неуважение к закону и институтам власти. Отсутствие кары за правонарушение или неиндивидуализированная кара негативным образом сказываются на осуществлении воспитательной функции юридической ответственности. Так, действующее законодательство имеет тенденцию к расширению круга лиц, обладающих иммунитетом от административного и уголовного преследования. Иммунитет некоторых категорий лиц абсолютен, непропорционален, а следовательно, несправедлив. Теоретически такое лицо можно привлечь к ответственности, а практически – нет. Получается, что некоторые категории лиц остаются фактически безнаказанными за совершаемые противоправные деяния, что не может негативным образом не сказываться на правосознании граждан. С позиции материального права перед законом все равны, но усложненный процедурный порядок привлечения к ответственности практически исключает принцип равноправия и нарушает принцип неотвратимости.

Соответствие карательной функции критериям законности создает предпосылки для эффективного осуществления воспитательной функции. Если кара не соответствует закону, то нельзя утверждать об эффективном осуществлении воспитательной функции юридической ответственности, т.к. она либо воспринимается субъектом как несправедливая, либо ее недостаточно для достижения целей юридической ответственности, ведь характер воспитательного воздействия находится во взаимосвязи с видом меры юридической ответственности и длительностью ее осуществления.

Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства. Эта реакция выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений. Кара как неотвратимая реакция осуществляется не ради себя самой, а ради другого аспекта неотвратимости – чтобы в будущем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей [12, с. 69; 13]. Этому способствуют также осуществляемые одно-

ременно с карательной и восстановительной функциями воспитательная и частнопредупредительная функции, т.к. одна кара не может обеспечить неотвратимость юридической ответственности.

В своей совокупности функции юридической ответственности образуют сложную систему. Наиболее крупными элементами этой системы выступают отдельные, относительно самостоятельные функции юридической ответственности: карательная, превентивная, регулятивная, восстановительная, воспитательная. В свою очередь, в рамках обособленного направления правового воздействия существуют разновидности этого воздействия, соотношение между которыми можно определить как часть и целое. Превентивное воздействие образуется из взаимосвязанных между собой частнопредупредительного и общепредупредительного направлений правового воздействия. Восстановительное воздействие юридической ответственности образуется из компенсационного, возмездного, правовосстановительного, реституционного, восстановительного (в узком смысле) направлений. В рамках определенного направления юридической ответственности существуют разновидности этого направления, которые в своей совокупности и образуют ту или иную функцию юридической ответственности [14, с. 19].

Отдельные функции юридической ответственности не являются единственным элементом данной системы, т.к. сама юридическая ответственность характеризуется сложным строением. Различные элементы юридической ответственности обладают своей спецификой функционирования. В своей совокупности они определяют ту или иную функцию юридической ответственности. Тот или иной элемент юридической ответственности характеризует обособленную стадию юридической ответственности. Закрепление и правовой норме общественных отношений порождает права и обязанности участников этих отношений. На данном этапе (стадии) действуют превентивная, регулятивная и воспитательная функции юридической ответственности. Правомерное поведение как правовое явление оказывает самостоятельное воздействие на общественные отношения не извне, а изнутри. Оно обладает своим регулятивным, превентивным, воспитательным воздействием, являясь образцом для других субъектов юридической ответственности.

Нарушение прав и обязанностей является правонарушением, которое выступает юридическим фактом, влекущим закрепление в своей статике карательной, восстановительной, частнопредупредительной функций юридической ответственности [15, с. 172; 16, с. 16]. Динамика карательной и восстановительной функций по общему правилу возникает с момента осуждения (порицания), а решение компетентного органа выступает основанием для развития динамики этих функций [17, с. 42]. С момента провозглашения порицания (осуждения) оно начинает выполнять свою функциональную нагрузку: превентивную, карательную, восстановительную, воспитательную. После вступления в законную силу решения компетентного органа наказание (взыскание) начинает выполнять карательную, восстановительную, частнопредупредительную, воспитательную функции, а информация о практике применения наказания выполняет функцию общей превенции. «При этом все это должно

реализовываться на основе верховенства Конституции и верховенства закона» [18, с. 135].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А. Регулятивная функция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 21-24.
2. Липинский Д.А. Соотношение функций права и функций юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3. С. 144-145.
3. Липинский Д.А. Карательная и восстановительная функции налоговой ответственности // Юрист. 2003. № 8. С. 35-39.
4. Липинский Д.А. Регулятивная и превентивная функции дисциплинарной ответственности // Трудовое право. 2003. № 4. С. 30-33.
5. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 47-49.
6. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.
7. Мусаткина А.А. О воспитательной и превентивной функциях финансовой ответственности // Право и образование. 2005. № 3. С. 164-171.
8. Мусаткина А.А. Признаки финансово-правовых санкций // Финансовое право. 2004. № 1. С. 25-28.
9. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Лекция: юридическая ответственность, санкции и меры защиты // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 55-62.
10. Липинский Д.А. Соотношение функций и целей уголовной ответственности // Уголовное право. 2004. № 2. С. 40-42.
11. Липинский Д.А. Регулятивная и превентивная функции дисциплинарной ответственности // Трудовое право. 2003. № 4. С. 30-33.
12. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 69-75.
13. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве // Право и политика. 2005. № 8. С. 24-23.
14. Липинский Д.А. К вопросу о содержании функций юридической ответственности // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 19-26.
15. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 49-51.
16. Гогин А.А. К вопросу о понятии и признаках экологического правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 16-20.
17. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2005.
18. Станкин А.Н. К вопросу о понятии законности. Научные исследования и разработки: Право. 2013. Т. 1. № 3 (3). С. 134-139.

INTERACTION OF EDUCATIONAL FUNCTION OF LEGAL RESPONSIBILITY WITH REGULATORY, PREVENTIVE AND PUNITIVE FUNCTION

© 2014

Melkumjan M.G., the post-graduate student
Samarsky humanitarian academy, Samara (Russia)

Abstract: the article examines the problems of interaction of educational function of legal responsibility with preventive, Punisher-Noah, rehabilitation and regulatory functions. Determined by the inter action of educational functions to each of the functions of the legal response of education. Emphasizes the systemic features of the legal responsibility.

Keywords: educational function, the legal responsibility, interaction functions

УДК 341.645(4)(094) + 341.231.14(4)(094)

ОБЯЗЫВАЮЩАЯ СИЛА ЮДИКАТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

© 2014

Микелсоне Г.В., магистр филологии, магистр юриспруденции, докторант,
юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»
Латвийский Университет, Рига (Латвия)

Аннотация: В статье анализируется обязывающая (связующая) сила юдикатуры Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ) *de iure* и *de facto* и её место в системе правовых источников Латвии. Юдикатура ЕСПЧ состоит из находящихся в постановлениях и решениях этого суда юридически значимых выводов (заключений), которые формирует проведённая ЕСПЧ интерпретация правовых норм и найденные путём дальнейшего формирования права нормы судейского права. Автор делает вывод о том, что юдикатуру ЕСПЧ следует рассматривать как общеобязывающий самостоятельный дополнительный, или субсидиарный, источник права в Латвии. Этот вопрос одинаково важен для всех стран-членов Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека независимо от того, близка правовая система этих государств правовой системе Латвии или нет.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; юдикатура; судейское право; источники права (правовые источники); интерпретация (толкование); дальнейшее формирование права.

Европейская Конвенция по защите прав и основных свобод человека (далее ЕК) и её протоколы стали внутренне обязывающими для Латвийской Республики 13 июня 1997 года. В свою очередь международно обязывающей ЕК стала 27 июня 1997 года. Следовательно, международная ответственность для Латвии может наступить за события, произошедшие после 27 июня 1997 года, и на них можно подавать жалобы в Европейский Суд по правам человека (далее ЕСПЧ).

Согласно первой части статьи 32 ЕК, ЕСПЧ «подсудны все дела, связанные с интерпретацией и применением Конвенции и её протоколов». Значит, как в Латвии, так и в других странах, членах Европейского Совета, ратифицировавших ЕК, источником права являются также постановления и решения ЕСПЧ и заключающаяся в них юдикатура. Она состоит из юридически важных выводов (заключений), которые формирует проделанная ЕСПЧ интерпретация правовых норм и найденные путём дальнейшего формирования права нормы судейского права. Какова обязывающая сила юдикатуры ЕСПЧ и каково её

место в национальной системе источников права? Выяснение этого является задачей данного исследования. Упомянутый выше вопрос одинаково важен для всех стран-участниц ЕК.

1. Выраженные в правовой доктрине мнения об обязывающей силе юдикатуры ЕСПЧ

К обязывающей силе юдикатуры ЕСПЧ и её месту в национальной системе правовых источников учёные-правоведы в большинстве случаев обращались только мимоходом. В правовой доктрине Латвии преимущественно встречаются различные высказывания неопределённого содержания, например, судья Латвии связан с юдикатурой ЕСПЧ [1, с. 34]; юдикатура этого суда является как источником права, так и рамкой для интерпретации национальных правовых норм [2]. Иногда общеобязывающая сила юдикатуры ЕСПЧ признана косвенно, указывая, что такое воздействие присуще ей *de facto* [см., напр., 2; 3].

Некоторые латвийские учёные-правоведы признают общеобязывающую силу юдикатуры ЕСПЧ непосредственно, даже *expressis verbis* называя ее самостоятель-

ным общеобязывающим дополнительным источником права. Например, профессор Юридического факультета Латвийского Университета д-р юриспр. Дайга Резевска (Daiga Rezevska) считает, что юдикатура ЕСПЧ – так же, как и Суда Европейского Союза (далее СЕС) и Конституционного Суда Латвийской Республики (далее Конституционный Суд) – является самостоятельным дополнительным источником права наряду с другими общеобязывающими незаписанными источниками права в латвийской правовой системе [4, с. 31].

В правоведении России имеет место вывод: «Все акты, принимаемые Судом, независимо от того, являются они актами применения положений Конвенции и Протоколов к ней или актами их толкования, выступают как весьма важные и обязательные документы для государств, ратифицировавших Конвенцию, в той части, в которой они их касаются» [5, с. 490].

Ученые-правоведы других стран признают общеобязывающую силу юдикатуры ЕСПЧ намного увереннее. В книге «Theory and Practice of the European Convention on Human Rights» читаем о том, что, толкуя правовые нормы ЕК, ЕСПЧ даёт указание не только своей последующей юдикатуре, но и национальным институциям власти, в особенности местным судам [6, с. 514]. Подобную точку зрения высказывает и французский профессор Жан Фуайе (Jean Foyer), делая вывод о том, что, согласно статье 46 ЕК постановления ЕСПЧ обязательны только *inter partes*, но в реальности их обязывающая сила намного больше, так как формулируемые юдикатурой ЕСПЧ предписания устанавливают содержание норм ЕК [7, с. 242].

2. Почему юдикатура ЕСПЧ является общеобязывающим самостоятельным дополнительным источником права в Латвии

Автор считает, что юдикатура ЕСПЧ должна рассматриваться как общеобязывающий самостоятельный дополнительный, или субсидиарный, источник права в правовой системе Латвии. Это доказывают не только выводы учёных-правоведов, но и многие другие обстоятельства: компетенция ЕСПЧ и Конституционного суда, а также общеобязывающая сила юдикатуры СЕС [8]. В этой статье, учитывая ограниченность её объёма, проанализирована только связь компетенции ЕСПЧ с обязывающей силой юдикатуры этого суда.

2.1. Влияние компетенции ЕСПЧ на обязывающую силу его юдикатуры

Изначально компетенцию ЕСПЧ определяла только ЕК, но позже и сам суд сформулировал это в своих постановлениях и решениях.

Из статьи 19, пункта б) первой части статьи 28, первой части статьи 32, статей 33, 34, 41, 46 и 47 вытекает эксклюзивный круг полномочий ЕСПЧ – обеспечить исполнение обязательств странами, взявшими на себя обязанность соблюдения ЕК и её протоколов. Это обязательство ЕСПЧ выполняет, рассматривая всех дел, связанных с интерпретацией и применением ЕК и её протоколов, констатируя, не нарушило ли государство, против которого подана жалоба, ЕК или какой-нибудь из её протоколов, и в случае несоблюдения накладывает на государство обязанность выплатить пострадавшей стороне справедливую компенсацию. Для того чтобы констатировать, произошло ли нарушение, а также дать оценку другим вопросам, например, по поводу приемлемости жалобы, ЕСПЧ сначала обуславливает содержание соответствующих норм ЕК или её протоколов. Следовательно, содержание ЕК и

её протоколов таково, каким ЕСПЧ провозглашает его в своих постановлениях и решениях, путём интерпретации устанавливая содержание записанных правовых норм и в процессе дальнейшего формирования права находя в правовой системе новые правовые нормы.

Как свидетельствует само название ЕК, главную часть конвенции и её протоколов составляет каталог прав человека, гарантированных этим международным договором. Все права человека, среди них и включённые в Конституцию Латвии основные права человека, являются позитивизированными или записанными всеобщими правовыми принципами [9, с. 40; 6, с. 579]. Содержание принципа определяется его конкретизацией, в отличие от записанных правовых норм, содержание которых устанавливается с помощью интерпретации. Конкретизация, или наполнение содержанием, принципа происходит, излагая его текстуально, чтобы после этого выразить в структуре правовой нормы (правовую норму формирует правовой состав и правовые последствия, и её можно выразить в форме «если ..., тогда ...») [9, с. 31, 40, 79–80].

Предмет интерпретации, который помечает её границы, – текст правовой нормы. Нарушая рамки значения слов, уже происходит дальнейшее формирование права. Интерпретация правовых норм происходит по схеме юридического силлогизма, которая состоит из двух посылок и вывода. В свою очередь, в ходе процесса дальнейшего формирования права юридический силлогизм всегда пополняется третьей посылкой, которая именуется оценочным заключением, или аксиологической посылкой, поэтому такой процесс применения права называют оценочной субсумпцией. [9, с. 79, 97.]. Так как в ходе конкретизации принципа нарушаются границы значений слов, и формулируется третья, а порой даже четвёртая и т. д. посылки, то это рассматривается как дальнейшее формирование права. Значит, определяя содержание включённых в ЕК и её протоколы прав человека, ЕСПЧ всегда производит процесс дальнейшего формирования права. Этот метод также используется при расширении (аналогия) или сужении (телеологическая редукция) правового состава записанных правовых норм ЕК и её протоколов, или при наполнении содержанием включённых в них генеральных клаузул. В свою очередь интерпретацию ЕСПЧ производит, разъясняя содержание записанных правовых норм ЕК и её протоколов.

Ярким примером конкретизации всеобщих правовых принципов является вывод ЕСПЧ о том, что право на справедливый суд в отдельных случаях (например, если установлено обязательное юридическое представительство или процесс сложный), включает и право на бесплатную юридическую помощь в гражданских делах, если у лица не хватает средств на погашение судебных расходов. Согласно пункту с) третьей части статьи 6 ЕК, каждый обвиняемый в преступлении, кому не хватает средств на погашение издержек на юридическую помощь, имеет право на бесплатную юридическую помощь, если это необходимо в интересах справедливости. В первой части статьи 6 ЕК, которая относится как к гражданским, так и к уголовным делам, о бесплатной юридической помощи ничего не сказано. Однако ЕСПЧ считает, что право на бесплатную юридическую помощь в особых случаях для лиц, которым не хватает средств на погашение таких издержек, выводится из первой части статьи 6 ЕК и, следовательно, относится и к гражданским делам.

Аргументация ЕСПЧ проста и разумна: если одной стороне хватает средств на получение юридической помощи, а другой — нет, то в этом случае не соблюдается процессуальное равенство (равенство процессуальных прав), притом нарушается право на доступность суда, гарантированное первой частью статьи 6. [6, с. 579, 594–595; 11, пункты 24, 26, 28.] Значит, конкретизируя содержание права на справедливый суд, ЕСПЧ сделал заключение, что этот всеобщий правовой принцип включает процессуальное равноправие и право на доступность суда, из чего в свою очередь вытекает право на бесплатную юридическую помощь в отдельных случаях и в гражданских делах, если у лица не хватает средств на покрытие связанных с юридической помощью издержек.

Телеологическую редукцию ЕСПЧ производил, накладывая ограничение на правовую норму, содержащуюся в первой части статьи 35 ЕК: «Суд может рассмотреть дело только тогда, когда исчерпаны все внутренние средства защиты прав, согласно общепризнанным международным правовым нормам ...». Выраженная в форме «если ..., тогда ...» правовая норма звучит так: если исчерпаны все внутренние средства защиты прав согласно общепринятым международным правовым нормам, ЕСПЧ тогда может рассмотреть дело. На упомянутую правовую норму ЕСПЧ наложил ограничение: исключая средства защиты прав, которые не эффективны и не адекватны [см., напр., 12, пункт 159], и особые обстоятельства, в которых можно не использовать даже эффективные и адекватные средства защиты прав [см., напр., 13, пункт 99].

В обретенной путём телеологической редукции правовой норме определено: если исчерпаны все внутренние средства защиты прав согласно общепризнанным международным правовым нормам, исключая средства защиты прав, которые не эффективны и не адекватны, и особые обстоятельства, в которых можно не использовать даже эффективные и адекватные средства защиты прав, ЕСПЧ тогда может рассмотреть дело. Цель, ради которой наложено ограничение, есть соблюдение принципа эффективности. Этот принцип конкретизирован во многих постановлениях ЕСПЧ: ЕК предусмотрена для того, чтобы обеспечить не теоретические и иллюзорные, а практические (конкретные) и эффективные права [см., напр., 14, пункт 58; 11, пункт 24].

Как видно из приведённых примеров, правовые нормы, которые ЕСПЧ, принимая свои предыдущие постановления и решения, обнаружил в правовой системе в процессе дальнейшего формирования права, он использует как общеобязывающие предписания. Интерпретацию правовых норм, сделанную ЕСПЧ, он тоже использует в дальнейшем в качестве общеобязывающей [см., напр., 15].

2.2. Выводы по разделу 2.1; юдикатура ЕСПЧ как самостоятельный дополнительный источник права в Латвии

Из всего описанного ранее следует, что юридически важные заключения, найденные ЕСПЧ путём дальнейшего формирования права, или судебское право, отвечают всем трём признакам, характерным для нормы:

1) оно имеет общеобязывающую силу (правовая норма, регулируя модель поведения субъектов, определяет, что обязательно должно произойти, а не то, что есть);

2) его применимость в принудительном порядке обеспечивает государственная судебная или исполнительная власть;

3) оно используется многократно и относится к нео-

пределённому кругу лиц [9, с. 34–35; 4, с. 31].

Юдикатура ЕСПЧ относится не только к участникам конкретного дела, но и к неопределённому кругу лиц и поэтому используется многократно. Это подтверждают все ранее описанные примеры заключений, сформулированных ЕСПЧ путём интерпретации или в процессе дальнейшего формирования права. В качестве одного из самых наглядных примеров можно упомянуть правовую норму, найденную ЕСПЧ в правовой системе путём телеологической редукции записанной правовой нормы ЕК, которая содержится в первой части статьи 35. Редуцированную норму сам ЕСПЧ использовал в своих постановлениях и решениях уже бесчисленное количество раз в качестве общеобязывающего предписания. Эта норма связующая и для всех тех субъектов права, между которыми возникший спор дошел до ЕСПЧ, так как приемлемость жалобы ЕСПЧ оценит, основываясь на норме, найденной ЕСПЧ в правовой системе путём дальнейшего формирования права.

Если страна не примет во внимание юридически значимые заключения ЕСПЧ, и частное лицо, основываясь на них, обратится в этот суд, будет констатировано нарушение ЕК, потому что ЕСПЧ принимает во внимание свою юдикатуру. У виновного государства согласно статье 46 ЕК возникнет обязанность исполнить постановление ЕСПЧ, где государство является одной из сторон. Так обеспечивается применимость юдикатуры ЕСПЧ в принудительном порядке.

Следовательно, судебские правовые нормы ЕСПЧ всеобязывающи так же, как и нормы, включённые в ЕК и её протоколы. В свою очередь произведённая этим судом интерпретация записанной правовой нормы упомянутого международного договора не является заново найденной правовой нормой, но она всеобязывающа как открывающая содержание соответствующей нормы, а значит, как сама эта норма, потому что правовая норма ЕК и произведённое ЕСПЧ её толкование формируют неделимое целое.

В Латвии правовые источники по критерию всеобязывающей силы подразделяются на самостоятельные источники права, являющиеся всеобязывающими, потому что содержат правовые нормы, и на вспомогательные, не имеющие всеобязывающей силы. Самостоятельные источники права в свою очередь состоят из основных и дополнительных, или субсидиарных, источников. [9, с. 57–58.] Латвия так же, как и другие государства правовой семьи континентальной Европы, или романо-германской правовой семьи [16, с. 10, 12], принадлежит к так называемым землям записанных прав, поэтому здесь самостоятельными основными правовыми источниками признают только нормативные правовые акты. Следовательно, юдикатура ЕСПЧ должна быть присоединена к самостоятельным дополнительным, или субсидиарным, источникам права — незаписанным правовым источникам, состоящим из правовых норм, источником которых является не законодатель, а суверен, то есть всеобщим правовым принципам и обычным правом [4, с. 29, 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Levits E. Jūdikātura – pamati, problēmas, piemērojumi // Latvijas Republikas Augstākās Tiesas Biletens. 2010. № 1.
2. Lice K. Eiropas Cilvēktiesību tiesas un Latvijas tiesu mijiedarbība // Jurista Vards, 2012, 20.nov. № 47 (746).

3. Nikulceva I. Eiropas Cilvektiesību tiesas spriedums lieta «Mitkus pret Latviju» // Jurista Vārds, 2013, 5.marts. № 9.
4. Rezevska D. Judikatura ka tiesību avots: izpratne un pielietosana // Latvijas Republikas Augstākās Tiesas Biļetens. 2010. № 1.
5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. Москва: Проспект, 2008.
6. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. Fourth Edition. Arai Y., van Hoof F., Bleichrodt E. etc. Van Dijk P., van Hoof F., van Rijn A., Zwaak L. (eds.). Antwerpen – Oxford: Intersentia, 2006.
7. Foyer J. La jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme // La cration du droit par le juge. Tome 50. Paris: Dalloz, 2007.
8. Slanke G. Eiropas Savienības Tiesas judikatūras saistais speks // Juridiska zinatne, № 4 (2013). Tiesību zinātnes nakotnei, 2.
9. Iļanova D. Visparejo tiesību principu nozīme un piemērosana. Rīga: Ratio iuris, 2005.
10. Neuman G.L. Human Rights and Constitutional Rights: Harmony and Dissonance // Stanford Law Review. May 2003.
11. Постановление ЕСПЧ по делу 6289/73, Airey v. Ireland, 9 October 1979. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57420> (осмотрено 08.02.2013).
12. Постановление ЕСПЧ по делу 86/1996/705/897, Andronicou and Constantinou v. Cyprus, 9 October 1997. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58102> (осмотрено 08.02.2013).
13. Постановление ЕСПЧ по делу 25781/94, Cyprus v. Turkey, 10 May 2001. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-59454> (осмотрено 08.02.2013).
14. Постановление ЕСПЧ по делу 13072/05, Rman v. Finland, 29 January 2013. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115864> (осмотрено 28.02.2013).
15. Решение ЕСПЧ о приемлемости 39270/98, Belchev v. Bulgaria, 6 February 2003. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-23065> (осмотрено 13.11.2012).
16. Osipova S. Viduslaiku tiesību spoguļis. Rīga: Tiesu namu agentūra, 2004.

THE BINDING FORCE OF THE CASE LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

© 2014

Mikelsone G., Mg. philol., Mg. iur., doctoral student, lawyer in the advocate office «Centrs»
University of Latvia, Riga (Latvia)

Annotation: The article is dedicated to determine de iure and de facto binding force of the case law of the European Court of Human Rights (hereinafter the 'ECHR') and its place in the system of legal sources in Latvia. The case law of the ECHR consists of legally important statements, which are included in judgements and decisions of ECHR, namely, of an interpretation of legal norms, made by the ECHR, and of judge-made law norms, which the ECHR has found in legal system by use of a further law-making. The author concludes that the case law of the ECHR is regarded as binding independent addition legal source in Latvia. This publication concerns not only Latvia but also all other member states of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in respect of type of legal system in these states.

Keywords: The European Court of Human Rights; Case law; Judge-made law; Legal sources; Interpretation; Further law-making.

УДК34

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

©2014

Ожегова Г.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет (Россия)

Аннотация: Рассматриваются основные формы деформации правосознания и основанные на них злоупотребления правом в сфере защиты прав потребителей.

Ключевые слова: Защита прав потребителей; потребительский экстремизм; злоупотребление правом; деформация правосознания.

Закон РФ «О защите прав потребителей» действует в нашей стране уже более 20 лет. Участниками правоотношений в области его применения все мы являемся постоянно, покупая или продавая товары, заказывая или выполняя какие-либо работы.

Действие Закона «О защите прав потребителей» насчитывает уже более двадцать лет. На сегодняшний день, несмотря на ряд пробелов, он является одним из самых эффективных правовых регуляторов в сфере экономических отношений. На положения этого закона основаны десятки нормативных актов. Взаимоотношения потребителя и продавца (подрядчика) подконтрольны целой отрасли права - законодательству о защите прав потребителей. В отличие от большинства правовых механизмов, оно является реально действующим.

При этом, максимальный уровень защиты, который закон обеспечил потребителю, не только обеспечивает справедливое разрешение конфликтных ситуаций, но в равной степени создаёт почву для злоупотреблений. Ведь чем больше прав предоставляет закон, тем шире возможности для манипулирования им со стороны недобросовестных граждан. Известным явлением стало превращение потребительского законодательства в средство получения дополнительного дохода. Настолько, что появился специальный термин: потребительский экстремизм.

Несовершенство закона, лояльность судей к потребителям, отсутствие правовой культуры, а главное - постоянные, часто некомпетентные, заявления с телеэкрана о том, что клиент прав всегда, приводят к тому, что количество агрессивных настроенных потребителей растёт в геометрической прогрессии. Этому также способствует и недостаточная правовая грамотность предпринимателя.

В нашей стране в юридической и справочной литературе термин «потребительский экстремизм» отсутствует. Наиболее часто это определение встречается в изданиях, ориентированных на предпринимателей и в интернет-сообществах работников сервисных служб. Под термином потребительский экстремизм обычно понимается недобросовестное манипулирование нормами закона со стороны клиента, основная цель которого - не защита своих прав, а получение материальной выгоды.

С точки зрения закона подобные действия квалифицируются как злоупотребление правом (т.е. «шикана»). Ещё древнеримские юристы подчёркивали, что потворствовать злоупотреблениям нельзя. Отечественное законодательство (ч. 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ) прямо запрещает как действия, единственная цель которых - причинение вреда другим лицам, так и злоупотребление правом в любых иных формах. По мнению автора, для успешного противодействия потребителю-экстремисту недостаточно определить степень правомерности его действий: следует также установить мотив и цель его поведения.

В теории права считается, что действия человека связаны с психологическими особенностями его мотивации. Противоправные действия, если лицо осознаёт их значение, всегда мотивированы нарушением восприятия правовых явлений - пороками правосознания. Они проявляются в следующих формах:

- правовой инфантилизм - это расплывчатое, отрывочное представление о своих правах и обязанностях, сформированное, как правило, за счёт средств массовой информации. Встречается наиболее часто. Это клиент, который «всегда прав», и во многих случаях достаточ-

но спокойно, аргументированно, со ссылками на закон объяснить ему реальное положение вещей, чтобы потребитель с вами согласился.

- правовой идеализм - это переоценка роли закона и государства в решении бытовых вопросов. Идеалист уверен, что за незначительное правонарушение суд взыщет в его пользу миллионную сумму, а задержка выполнения работ на два часа - основание для ликвидации компании. Предъявленные в претензиях и исках требования будут превышать разумные в десятки и сотни раз, а когда суд не удовлетворит такие запросы, потребитель сделает закономерный вывод: «судью подкупили». Увеличение количества претензий и исков такого рода, к сожалению, подогревается ещё и работой недобросовестных юристов: не всякий специалист предупреждает клиента о том, что его требования чересчур завышены.

- правовой нигилизм - это неуважительное отношение к формальной стороне закона, убеждение в том, что проблемы должны разрешаться «по справедливости». Такой клиент подписывает договор не читая, но нарушив правила эксплуатации товара, будет настаивать на том, что его о них не предупредили. Настаивая на выполнении своих требований, он аргументирует их не нормами закона, а сообщениями о том, что его родственник из прокуратуры придет к вам «с проверкой». В целом клиенты такого рода относительно безобидны, поскольку суд их аргументацию также не воспримет.

Данные формы деформации правосознания, как варианты мотивации основаны на цели защиты своих прав и дополнительного обогащения. Гораздо опаснее, если цель потребителя не связана с восстановлением прав (пусть даже предполагаемых), а с причинением ущерба компании. Поставить перед собой такую цель может не только человек с нарушением психики (к счастью, диагноз «суггестивный бред» - явление крайне редкое), но и специалист по «чёрному пиару», работающий по заказу конкурента. Такие случаи необходимо выявлять как можно быстрее и относиться к ним с повышенным вниманием: знания и опыт юристов конкурирующих структур значительно превосходят навыки потребителя - соответственно, и вреда от них может быть значительно больше.

Способы манипулирования законом.

В исковых заявлениях потребителя нередко можно встретить ссылку на статью 2 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Эту норму можно толковать таким образом, что при равном объёме прав у гражданина и юридического лица (продавца или исполнителя работ) приоритет должна иметь защита прав гражданина.

Действительно, Закон «О защите прав потребителей» (далее - ЗоЗПП) и принятые в соответствии с ним нормативные акты предоставляют гражданам значительный объём преференций, которыми любят пользоваться недобросовестные субъекты. Рассмотрим их по порядку.

Распределение бремени доказывания (ст. 475 ГК РФ). В течение гарантийного срока потребитель не обязан как-либо обосновывать наличие в товаре (работе) недостатка: именно продавец, если отказывает в его устранении, обязан установить отсутствие дефекта - или доказать, что дефект связан с нарушением правил эксплуатации. В большинстве случаев объективный вывод по этому вопросу можно сделать только после проведения экспертизы, цена которой может превышать стоимость спорного

товара или работы. Конечно, если экспертиза состоялась не в пользу потребителя, продавец вправе взыскать понесённые расходы, но взыскание с частного лица - дело многих месяцев, а «замораживать» значительную сумму для компании, особенно небольшой, крайне невыгодно.

Презумпция неосведомлённости потребителя (ст. 12 ЗоЗПП). В соответствии с этой нормой во всех спорных случаях суд обязан исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных знаний в отношении свойств и характеристик товара (например, о том, что в микроволновой печи нельзя сушить кошек). Это положение закона экстремисты используют наиболее часто, единственный способ противостояния им - предоставление максимума информации в письменной форме.

Неустойка. Помимо гарантии восстановления прав потребителя, закон предоставляет ему право требовать неустойку за нарушение сроков устранения недостатков товара, его замены или возврата денег (1 % от цены товара в день - ст.23 ЗоЗПП), за нарушение срока передачи оплаченного товара (0,5 % от суммы предоплаты в день - ст. 23.1 ЗоЗПП) и за нарушение сроков выполнения работ или устранения их недостатков (здесь ставка неустойки, согласно п. 5 ст. 28 ЗоЗПП, крайне велика - 3 % цены выполнения работы за день или час). В тех случаях, когда закон не предусматривает начисления специальной неустойки, потребитель вправе потребовать выплаты процентов по ставке рефинансирования (ст. 395 ГК РФ). Потребители-экстремисты нередко «накручивают» суммы неустоек до ужасающих размеров. Для того, чтобы оценить степень правомерности требования, компании следует учесть положения, общие для всех неустоек:

- нет нарушения обязательства - нет и неустойки: она взыскивается только с виновного субъекта. Если, например, срок гарантийного ремонта был нарушен сервисным центром, то именно он, а не продавец или изготовитель, должен выплачивать неустойку;

- неустойка за нарушение срока передачи предварительно оплаченного товара ограничена суммой предоплаты;

- сумма всех неустоек, связанных с выполнением работ (даже начисленных по разным основаниям - в связи с нарушением срока начала, окончания работ, срока возврата денег и др.) ограничена ценой работы (Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2012 N 17);

- в любом случае неустойка должна соответствовать последствиям нарушения обязательства. Даже если сумма неустойки посчитана арифметически правильно, но является явно неразумной - суд вправе её уменьшить (ст. 333 ГК РФ).

Возмещение убытков (ст. 13 Закона о ЗПП). В отличие от общего правила, по которому убытки возмещаются в части, не погашенной неустойкой, убытки потребителя возмещаются в полной сумме. Однако, рассматривая данный вопрос, суд обязан установить, действительно ли расходы направлены на восстановление нарушенного права (ст. 15 ГК РФ) и соответствуют ли они критерию обоснованности. Не подлежат возмещению расходы, не имеющие надлежащего подтверждения (например, основанные на устных сделках или подтверждённые расписками, квитанциями или товарными чеками, если по закону обязательны кассовый чек). Также суд не возместит необоснованные расходы (например, на проведение экспертизы, если по закону в данном случае её обязан провести продавец или исполнитель).

Обращаясь с иском в суд, потребитель-экстремист может заявить явно необоснованную сумму в качестве оплаты услуг представителя. В практике автора были случаи, когда судебные издержки превышали цену иска более чем в десять раз, а один из потребителей якобы оплатил юристу миллион рублей только за составление претензии. Следует учитывать, что такого рода расходы возмещаются судом в разумных пределах (ст. 100 ГПК РФ) и в любом случае будут уменьшены.

Компенсация морального вреда (ст. 15 Закона о ЗПП). Нравственные страдания относятся к той категории, оценить которую крайне сложно: любая оценка будет субъективной. Недобросовестные потребители, как правило, требуют компенсации морального вреда в явно завышенных суммах.

Вместе с тем, в Постановлении Пленума ВС РФ от 28.06.2012 N 17 содержатся критерии определения морального вреда: в частности, он может заключаться в переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

По общему правилу определение размера морального вреда и принятие решения о его компенсации осуществляется судом. Это означает, что отказ в возмещении морального вреда в досудебном порядке не является нарушением закона. Компенсация осуществляется только в денежной форме (требование публичных извинений или «ценного подарка» неправомерно). Моральный вред может быть возмещён только тому лицу, которое действительно понесло страдания (а не члену его семьи, даже если он и представляет потерпевшего в суде). Рассмотрение вопроса о компенсации возможно только при наличии вины причинителя (например, тот факт, что гражданин вынужден тратить личное время на судебные заседания и оплачивать услуги юриста, не может явиться основанием для взыскания морального вреда).

Подсудность по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ). По общему правилу иск подаётся в суд по месту нахождения ответчика. Потребитель, кроме того, вправе обратиться в суд по своему месту жительства либо по месту заключения или исполнения договора. Эта норма закона может привести к значительным убыткам для продавца (исполнителя): ведь, если иск подан в другом регионе, даже для ознакомления с материалами дела придётся специально выезжать в суд. Существует, однако, и способ избежать риска: достаточно в типовой форме договора указать, что споры должны разрешаться в суде по месту нахождения организации. Эта оговорка будет свидетельствовать о том, что потребитель уже совершил выбор суда и изменить его не имеет права.

Обеспечительные меры (ст. 139 ГПК РФ). В случае, если у суда есть основания полагать, что исполнение решения будет невозможно или существенно затруднено, суд может ещё до рассмотрения дела принять меры к обеспечению иска - в форме наложения ареста на банковский счёт или имущество либо запрета на соверше-

ние определённых действий. Такой способ давления нередко используют потребители-экстремисты: арест счёта или имущества, находящегося в обороте, на весь период рассмотрения дела (то есть на многие месяцы) для компании может быть опаснее, чем вероятность проигрыша в суде. Одна из схем рейдерского захвата как раз и заключается в предъявлении многочисленных надуманных исков в отдалённых регионах с предварительным обеспечением требований. Следует знать, что на любой стадии судебного процесса можно подать ходатайство об отмене обеспечительных мер (ст. 144 ГПК РФ). Суды, как правило, удовлетворяют ходатайства об обеспечении, но так же легко и отменяют его, ведь для таких мер нужны веские основания. Кроме того, определение суда об обеспечении иска подлежит обжалованию в вышестоящей инстанции.

Штраф за неисполнение требований потребителя (п. 6 ст. 13 ЗоЗПП). Неравенство сторон в сфере защиты прав потребителей связано не только с обязанностью продавца (исполнителя) доказывать свою невиновность, но и с тем, что при выигрыше потребителя в суде на компанию дополнительно накладывается штраф в размере половины от присуждённой истцу суммы. При этом, если клиент проиграл дело, сам он оштрафован не будет. Однако, штраф взыскивается не во всех случаях. Например, он не присуждается при заключении сторонами мирового соглашения. Кроме того, штраф взыскивается только в том случае, если законные требования потребителя не были удовлетворены в добровольном порядке. Если клиент не обращался с досудебными претензиями (или они содержали неправомерные требования, либо иные, чем заявлены в иске), для взыскания штрафа нет оснований.

Возможность получить существенную выгоду путём давления на продавца или исполнителя привлекательна именно потому, что закон не предусматривает специальной ответственности за предъявление неправомерных требований. В то же время, если спор уже вышел на стадию судебного процесса, у компании есть возможность если не наказать недобросовестного клиента, то хотя бы компенсировать свои расходы.

Механизм распределения судебных издержек (ст. 98 ГПК РФ) предусматривает их пропорциональное возмещение сторонам в зависимости от размера удовлетворённых требований. Поэтому, проиграв судебный процесс, потребитель должен будет возместить убытки (например, связанные с проведением экспертизы). Но судья примет такое решение, только если от ответчика поступит ходатайство о компенсации расходов.

Закон также предусматривает взыскание с недобросовестного субъекта компенсации за потерянное время (ст. 99 ГПК РФ), если им был инициирован неосновательный спор или по его вине рассмотрение дела неоднократно откладывалось. Для разрешения этого вопроса также необходимо заявить соответствующее ходатайство и представить расчёт суммы компенсации.

Защита деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). Если лицо распространило о компании недостоверные сведения, порочащие её деловую репутацию (в том числе путём публикации в сети Интернет или просто сообщив их третьему лицу), оно обязано опровергнуть такие сведения и выплатить компенсацию, назначаемую решением суда. И наоборот, если вы располагаете фактами, подтверждающими недобросовестность клиента, подтверждёнными вступившим в силу решением суда, вы можете распространять такие сведения без ограничений.

Несмотря на существующие механизмы защиты, экономически выгоднее не доводить конфликтную ситуацию до суда: процесс требует времени и средств, которые можно употребить на развитие бизнеса. Поэтому наиболее эффективный способ борьбы с потребительским экстремизмом - принятие превентивных мер. В первую очередь это составление договоров и иных документов с учётом специфики деятельности компании, обеспечение товара и услуг максимальным объёмом информации (обязательно - в письменной форме). Важное значение имеет и оперативное реагирование на рекламации клиентов, корректная процедура приёма претензий, оценка юридических рисков в каждой отдельной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст] : по сост. на 30.01.2014 // Справочно - правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».- Последнее обновление 30.01.2014.
2. О защите прав потребителей : федеральный закон от 07.02.1992 N 2300-1 // Справочно - правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».- Последнее обновление 01.09.2013.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 17 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» // Справочно - правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».- Последнее обновление 01.02.2014.

THE DEFINITION OF CONSUMER EXTREMISM

©2014

Ozhegov G.A., candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department «Theory of state and law»
Togliatti state University (Russia)

Annotation: examines the major forms of deformation of lawfulness and based on the abuse of rights in the field of consumer protection.

Keywords: consumer protection; consumer extremism; abuse of the right; deformation of lawfulness.

УДК 340

РЕЛИГИОЗНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

© 2014

Путилкин П.А., священник
г. Ульяновск (Россия)

Аннотация: В статье исследуются виды социальной ответственности, рассматривается вопрос о различных подходах к понятию юридической ответственности и выводится понятие религиозной ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, религиозная ответственность, социальная ответственность, право и религия, соотношение, религиозные нормы.

Ответственность - необходимый атрибут человеческого общества, прямое следствие нормативности и необходимости упорядочения общественных отношений, и на протяжении развития государства и права мы сталкиваемся с усложнением как общей системы социальной ответственности, так и ее подсистемы - ответственности юридической. Прямое следствие прогресса общественной и личной свободы - повышение ответственности общественности и общества перед личностью и наоборот - ответственности человека и гражданина перед другими людьми, обществом и государством.

В современной правовой деятельности категория «ответственность» пронизывает всю систему законодательства Российской Федерации. Но в тоже время в самых различных нормативно-правовых актах мы не увидим легального определения такого понятия, как юридическая ответственность.

Мы придерживаемся позиции Д.А. Липинского, который считает, что социальная ответственность - это диалектическая взаимосвязь между личностью и обществом, характеризующаяся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнение, влекущее одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, - обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание [1, с. 15]. Социальная ответственность - явление экономическое, нравственные, культурные, психологические, юридические, религиозные и другие аспекты. Комплексный характер ответственности предполагает, что все ее сегменты взаимосвязаны, взаимозависимы и обуславливают друг друга.

Юридическая ответственность и религиозная ответственность - виды социальной ответственности. Социальная ответственность соотносится с юридической ответственностью и религиозной ответственностью как категория рода и вида.

Исходя из общего определения социальной ответственности, можно дать следующее определение юридической ответственности. Юридическая ответственность - это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению

и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения - обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация [2, с. 57]

Юридическая ответственность обладает рядом специфических признаков: она основана на правовых нормах; гарантируется государством; обеспечивается государственным принуждением или государственным убеждением; последствиями юридической ответственности становятся государственное одобрение, поощрение или осуждение и наказание; юридическая ответственность осуществляется в процессуальной форме [3, с. 16].

Современная система юридической ответственности включает следующие отраслевые институты юридической ответственности: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, гражданско-процессуальную.

Если понятие «юридическая ответственность» учеными-юристами исследовалось достаточно глубоко, то понятие «религиозная ответственность» в философской и в религиозной литературе исследовалась не в достаточной степени. Нашей задачей является исследование и определение сути религиозной ответственности как одного из видов социальной ответственности, сравнение религиозной и юридической ответственности и выявление признаков их единства, различия, взаимодействия и противоречия.

Религия всегда оказывала сильное влияние на сознание человека, и моральные нормы, закрепленные в качестве религиозных правил и запретов, исполняются верующими с большим усердием. Цель религии - создание наиболее гармоничных общественных отношений, воздействуя через мораль и нравственность. Для верующих религия представляется как первичная основа ценностей и в этом качестве она является одним из важнейших способов придания смысла социальному действию, определяет его значения и цели. Именно на основе религиозных установок все происходящие в жизни человека события квалифицируются им как смыслозначимые или бессмысленные. Религиозное истолкование мира является средством ориентации в нем и регуляции

поведения. Религия рисует определенную картину мира и в то же время задает систему ценностей и норм, в соответствии с которыми одни действия запрещаются, а другие разрешаются. Тем самым она создает моральные нормы человека и формирует у верующего чувство ответственности. Чувство ответственности принадлежит к первичным аксиоматическим проявлениям духовности и религиозности. Религиозно-ответственный человек, приобщаясь к высшему, испытывает повышенное чувство ответственности. Верующий человек ответственен перед Богом за свою жизнь, за свои греховные склонности и привычки, за окружающих людей, так как знает, что всех ждет Страшный суд, когда каждый должен будет отвечать за свои грехи перед Богом: «И что будет с народом, то и со священником; что со слугою, то и с господином его... ибо они переступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей... Земля сокрушается, земля распадается, земля потрясена, и беззаконие ее тяготеет над ней». [4, с. 20]. Религиозно-ответственный человек осознает, что он сам является творцом своей судьбы, своих жизненных неприятностей, своих чувств, своих отношений с Богом, а также своих страданий, потому что Господь наделил его свободой выбора. Он осознает, что он сам отвечает за то, попадет ли он в царство Божие или в ад, и не забывает предупреждение из Первого послания Петра: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». Великие православные святые заботились не только о личном спасении. Ненависть ко греху сочеталась у них с любовью к каждому приходящему к ним и ко всему миру Божию. Они молились и ныне молятся за все человечество, печалятся о спасении грешников, о приведении к истине ищущих и мятущихся людей. «Свет Христов просвещает всех», – эти слова древнего богослужебного чина должны постоянно нами помниться, если мы действительно хотим творить дело Божие [5, с. 15]. Религиозно-ответственный человек осознает также, что его поступки не проходят бесследно и будут представлены на последнем великом суде: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдала мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» [6, с. 11-20]. Осознание значимости ответственности за свою жизнь и за свое поведение имеет огромное значение для духовной жизни. Святые отцы утверждают, что каждый человек является сотворцом Богу в этом мире. Согласно христианскому учению, человек свободен, он волен принять или не принять Христа, жить по заповедям Божиим или не жить – в этом его творчество и свобода. Как сказал богослов IV века святитель Василий Великий, «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом». Уподобиться Богу – значит обрести творческое отношение к жизни и ответственность за себя и за весь мир. Ответственность активизирует свободу личного выбора, раскрывает всю полноту творческого потенциала человека. Великое по-

нимание ответственности дарует человеку осознание креста, который каждый несет по жизни сам. Известная фраза святителя Игнатия Брянчанинова «Производящий способен», означающая «Кто хочет, тот может», тоже относится к осознанию ответственности. Люди, убежденные в отсутствии своей ответственности за происходящее с ними, несут по жизни тяжелый груз душевных страданий. Религиозная ответственность открывает в жизни человека перспективу, выходящую за пределы его ограниченного существования. Она дает ему достаточную возможность для раскрытия личности, понимания смысла жизни и позволяет жить полноценной жизнью. Чувство ширящегося смысла существования, ответственности за себя и за окружающий мир выводит человека за пределы приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потеряннным [7, с. 81]. Такое осознание социальной значимости своих поступков ученые определяют как позитивный аспект социальной ответственности, связанный с активной, инициативной, сознательной деятельностью [8, с. 3].

Религиозная ответственность – это основанная на вере в Бога и убеждении в Его всеведении, справедливости и всемогуществе, добровольная обязанность по соблюдению и исполнению норм и обрядов канонического права, реализующаяся в правомерном, безгрешном поведении верующих, одобряемом и поощряемом Церковью, а в случае ее нарушения – добровольная обязанность согрешившего покаяться в содеянных грехах, претерпеть осуждение, ограничения. Безответственность есть грех, состоящий в утрате чувства духовной и религиозной очевидности, в котором необходимо каяться перед Богом так же, как и во всех остальных грехах. Понятие безответственности в юридической литературе трактуется иначе [9, с. 61, 10, с. 69]

По характеру регулирования поведения религиозная ответственность также является позитивной, обязывающей совершать те или иные действия, или негативной, запрещающей определенные поступки, отношения и т.д. Позитивная религиозная ответственность регулируется религиозными канонами и обязывает верующих жить согласно религиозным заповедям. Приведем некоторые из них: Бойтесь каждый матери своей и отца своего. Не крадите, не лгите и не обманывайте друг друга. Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Не делайте неправды на суде. По правде суди ближнего твоего. Не враждуй на брата твоего. Не мсти и не имей злобы. Люби ближнего твоего, как самого себя. Пред лицем седого вставай и почитай лице старца, и бойся Бога твоего. Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его. Не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении. Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого, ибо Я не оправдаю беззаконника.

Таким образом, можно выделить основные признаки религиозной ответственности: она основана на религиозных нормах; обеспечивается внутренним убеждением верующих, их религиозным сознанием; последствиями религиозной ответственности становятся одобрение, поощрение или осуждение и наказание Церкви; субъектом религиозной ответственности является человек и Церковь; объектом воздействия религиозной ответственности является внутренний мир человека, его ценностные ориентации, религиозное сознание. Религиоз-

ная ответственность индивида означает ответственность не только за совершенные им проступки, но и за его отношение ко всему окружающему его миру.

Итак, юридическая ответственность и религиозная ответственность - виды социальной ответственности. Социальная ответственность соотносится с юридической ответственностью и религиозной ответственностью как категория рода и вида. И у них общая цель - упорядочение общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4. С. 15.
2. Липинский Д.А. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 57.
3. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вестник Орловского

государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 16.

4. Библия. Ветхий завет. Пророческие книги: Книга пророка Исаии 24: 1-20.

5. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на VII Международных Рождественских образовательных чтениях в год празднования Двухтысячелетия Рождества Христова «Боговоплощение и духовный смысл христианской цивилизации». – С. 15.

6. Библия. Новый завет. Откровение ап. Иоанна Богослова 20: 11-15.

7. Юнг К. Г. Архетип и символ. М; 1992. С. 81

8. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве. - Тольятти, 1996. С. 12.

9. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61

10. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 69.

RATIO RELIGIOUS AND LEGAL RESPONSIBILITY

© 2014

*Putilkin P.A., priest
Ulyanovsk, (Russia)*

Annotation: In article types of social responsibility are investigated, the question of various approaches to concept of legal responsibility is considered and the concept of religious responsibility is deduced.

Keywords: legal responsibility, religious responsibility, social responsibility, right and religion, ratio, religious norms.

УДК 349.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЕМНОГО ТРУДА В РОССИИ

© 2014

Репетева О.Е., кандидат юридических наук, доцент,
и. о. заведующего кафедрой предпринимательского и трудового права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены сущность и основные разновидности заемного труда в России, проблемы правовой регламентации заемного труда, достоинства и недостатки, а также перспективы развития использования заемного труда в нашей стране.

Ключевые слова: заемный труд; работник, работодатель, аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг персонала.

С приходом на отечественный рынок крупных иностранных компаний и кадровых агентств получило широкое распространение использование так называемого заемного труда. На сегодняшний день рассмотрение темы заемного труда достаточно актуально, в связи с тем, что данная технология, представляет собой один из инструментов, позволяющих организовать гибкий, эффективный бизнес. Но в то же время существует много нерешенных проблем относительно регулирования отношений, возникающих в процессе заемного труда.

Заемный труд – это нестандартная форма занятости, отличающаяся определенной гибкостью, которую можно разделить на следующие основные разновидности: аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг персонала. Целесообразно рассмотреть их подробнее.

Сущность аутсорсинга заключается в привлечении сторонних организаций для выполнения отдельных видов работ, как правило, эти работы являются непрофильными для данной организации, а правовое оформление осуществляется на основе договора возмездного оказа-

ния услуг. Тем самым за пределы компании выводятся выполнение некоторых вспомогательных трудовых функций: уборка помещения, ремонт, компьютерное обслуживание и пр. При этом обычные трудовые отношения, строящиеся на трудовом договоре между работником и работодателем, становятся заемными в случаях, когда работодатель, в качестве услугодателя заключает с организацией – услугополучателем договор возмездного оказания услуг, например, по уборке помещений. Вознаграждение получает услугодатель. Фактически работая в организации-услугополучателе, работник соблюдает установленный в ней внутренний трудовой распорядок. Неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих трудовых обязанностей констатируется должностными лицами организации-услугополучателя, которые сообщают об этом работодателю. Соответственно работник становится «слугой» двух господ: с одной стороны работодателя юридического, а с другой работодателя фактического.

Аутстаффинг представляет собой выведение работников за штат организации. В качестве одной из сторон таких правоотношений является так называемое кадровое агентство, которое заключает трудовые договоры с работниками, фактически продолжающими трудовую деятельность в организации, но формально уволенными из нее, а также ведет кадровый документооборот. При этом организация, которая пользуется услугами кадрового агентства, получает значительные преимущества, например, снижение административных расходов на ведение кадрового документооборота, возможность быстро избавиться от «ненужного» работника. Это весьма существенные преимущества, именно поэтому аутстаффинг и пользуется такой популярностью.

Лизинг персонала частично напоминает аутсорсинг. Суть лизинга заключается в том, что договор возмездного оказания услуг заключается между кадровым агентством и организацией, фактически использующей труд арендованных работников. Как и в аутсорсинге, в лизинге персонала кадровые агентства предоставляют непрофильную для организации рабочую силу, кадровый лизинг осуществляется по договору возмездного оказания услуг. Отличительной чертой кадрового агентства является то, что оно никакой определенной деятельностью не занимается, за скромное вознаграждение оно лишь набирает по заказу организации-пользователя работников, оформляя с ними трудовые договоры. Причем юридически работодателем таких работников является именно кадровое агентство. При лизинге персонала работодатель получает ряд преимуществ: он не связан правовыми отношениями с работником и не несет перед ними никаких обязательств; он вправе прекратить использование «арендованного персонала» по истечении указанного в договоре возмездного оказания услуг срока, без каких бы то ни было гарантий для работников; формально заключая гражданско-правовой договор, а, фактически вступая в трудовые отношения.

Итак, категория заемного труда понятие относительно новое для нашей страны, но давно легализованное во многих европейских странах. В европейской практике заемный труд представляет собой 3-стороннюю схему отношений между работником, агентством занятости и предприятием-пользователем. При этом субъектами трудового договора являются работник и кадровое агентство, которое ищет работу, выплачивает зарплату и страховые взносы. С предприятием же агентство заключает гражданско-право-

вой договор на оказание услуг. В итоге предприятие-пользователь выплачивает агентству оговоренную договором сумму, а то, в свою очередь, зарплату рабочим, расходы на взносы и оставляет себе процент за услуги по найму.[1]

Для предпринимателей данная схема удобна тем, что позволяет избежать трудоемкого администрирования, отчетности и выплаты налогов, получив при этом быстро и качественно подобранный сотрудник. Получает преимущества и сам заемный работник. С помощью агентства он может быстро найти временную работу, экономит значительные средства на резюме и собеседования.[2]

Еще в 2011 году в Госдуме РФ в первом чтении был одобрен законопроект о запрете заемного труда. Однако он встретил мощное сопротивление представителей бизнеса, что в последующем отразило развернувшуюся в обществе дискуссию между противниками и сторонниками данной формы занятости. Противники, в число которых входят многие депутаты, видят в применении заемного труда угрозу стабильности трудовых отношений, а сторонники, в основном работодатели, призывают «не прятать голову в песок» и признать существующие реалии.

Положительные стороны заемного труда усматриваются в снижении производственных издержек предпринимателей, что позитивно скажется на экономическом развитии и приведет к росту инвестиций в российскую экономику; повышение гибкости трудового рынка - поддержания занятости для работников, заинтересованных в нестандартных режимах труда, например, для пенсионеров, инвалидов, студентов, молодых специалистов, женщин с маленькими детьми.[3]

Противники заемного труда сомневаются, что предприятия и агентства не будут экономить на зарплатах, ведь работник не посвящается в условия договора, а жаловаться ему просто некому. Работник не может претендовать на больничные, отпускные и компенсации при сокращении штатов. Да и процесс его увольнения гораздо проще, чем для штатного работника. [4]

Кроме того, утверждается, что работники лишаются равных с другими работниками возможностей полностью реализовать способность к труду, права на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации; снижается уровень защищенности основных прав работников, стабильности трудовых отношений. Имеются проблемы и в сфере охраны труда. Агентства и предприятия пытаются друг на друга переложить данную проблему а при возникновении профессионального заболевания или травмы работник ничего не получает или получает по минимуму.

Таким образом, важно, чтобы заемный труд находился в рамках легальных правовых отношений, иначе возникают возможности для злоупотреблений. При этом необходимо учитывать интересы всех субъектов. Использование заемного труда может быть выгодно не только агентству и пользователю, но и самому работнику. Однако законодательство должно обеспечить не только удовлетворение потребностей работодателей в нужной рабочей силе, но и защиту работников от произвола со стороны нанимателей.

В частности, необходимо установить полное законодательное регулирование заемного труда, где в нормативных актах будут прописаны возможные способы решения проблем. К примеру, необходимо обязать агентства занятости соблюдать государственные нормативные акты в сфере охраны труда. Кроме того, деятельность агентств

должна подлежать лицензированию с обоснованием необходимости использования заемного труда. При этом контролирующие органы должны осуществлять мониторинг деятельности кадровых агентств как на момент получения лицензий, так и в процессе её деятельности и др.

Подводя итог сказанному, следует сделать определенные выводы. В основном они касаются недостатков заемного труда в России. Заемный труд в рыночной России будет существовать, это неизбежное состояние. Единственная проблема заемного труда состоит в его законодательной неурегулированности. Законодатель просто обязан уже принять закон, который бы регулировал отношения, возникающие при заемном труде, иначе все положительные стороны заемного труда обернутся для России не лучшим образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселев И.Я. Современные тенденции правового регулирования нестандартным форм занятости в странах Запада // Труд за рубежом. 2003. № 1. С. 122.
2. Капусто Т.С. Актуальные проблемы привлечения заемного труда в структуре институциональных отношений // Российское предпринимательство. 2011. № 7. Вып. 1 (187). С. 131-136.
3. Смирных Л. Заемный труд: быть или не быть? // Электронный ресурс: http://lirt.hse.ru/news/74649715.html?__prv=1 (19 февраля 2013 г.)
4. Вареничева Т. Заемное рабство // Парламентская газета. 26.01.2006. № 14. С. 10.

LEGAL REGULATION OF CONTINGENT LABOR IN RUSSIA

© 2014

Repeteva O.E., candidate of laws, associate professor
Acting head of the department of business and labor law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article considers the essence and main types of contingent labor in Russia, problems of legal regulation of contingent labor, advantages and disadvantages, as well as prospects of development of the use of contingent labor in our country.

Keywords: Agency work; the worker, the employer, outsourcing, outstaffing, staff leasing.

УДК 340

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

©2014

Репетева О.Е., кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой предпринимательского и трудового права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена анализу видов юридической ответственности по различным основаниям. Автор подробно рассматривает классификацию юридической ответственности по отраслевому критерию.

Ключевые слова: Юридическая ответственность, классификация, критерии дифференциации, отраслевой признак, правонарушение.

На современном этапе развития отечественной юридической науки одной из наиболее спорных является проблема классификации юридической ответственности.

В юридической литературе существуют классификации видов юридической ответственности по определенным основаниям в зависимости от признаков, положенных в основу той или иной классификации. Типизация (классификация) характеризуется разделением юридической ответственности на отдельные виды, с которыми законодатель устанавливает различные основания их возникновения и действия, правовые последствия, определяемые характером соответствующих правонарушений. Вопрос о видах юридической ответственности в научной литературе остается дискуссионным.

Наиболее распространенной является классификация юридической ответственности на виды по отраслевому признаку. Отраслевая принадлежность института юридической ответственности проявляется через отраслевую принадлежность правовых норм ответственности. Отношения ответственности всегда выступают в качестве составной части предмета отрасли права, требующей специфичного метода регулирования общественных отношений. Различие отраслевых видов ответственности обусловлено не только особенностями предмета и метода правового регулирования, но и характером правонарушений, последствий. На основе отраслевого критерия традиционным в литературе является деление юридической ответственности на уголовную,

административную, материальную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность [1]. В эту классификацию наряду с отраслевыми видами ответственности (уголовной, административной) включены также так называемые «собираательные» виды (материальная и дисциплинарная ответственность). Такая классификация позволяет выявить общие черты того или иного вида юридической ответственности независимо от отраслевой принадлежности, прогнозировать дальнейшую дифференциацию правового регулирования межотраслевых видов ответственности.

Некоторые ученые не согласны с тем, что отраслевая принадлежность юридической ответственности является необходимым критерием классификации. И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин отмечают, что классификация юридической ответственности в зависимости от отраслевой принадлежности не дает возможности разграничить виды ответственности [2]. Авторы объясняют свою позицию тем, что такое деление не выявляет специфику каждого из видов, а определяет лишь отраслевую принадлежность видов ответственности и их содержание. Данная точка зрения представляется спорной, поскольку проведение классификации видов юридической ответственности не ставит своей целью выявить отличительные черты каждого из видов. Это может быть сделано каждой отраслью права в отдельности, применительно к регулируемым отношениям. Теория права лишь выделяет и разграничивает виды юридической ответственности.

В системе юридической ответственности возникает проблема из-за несовпадения её отраслевой классификации с отраслями права, а также совпадение вида ответственности с разными правонарушениями различных отраслей. Однако каждая отрасль имеет собственные средства воздействия на общество в целях поддержания порядка.

В.М. Сырых пишет, что традиционное деление юридической ответственности на четыре вида – уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую является неполным, т.к. не учитывает современных политико-правовых реалий, связанных с повышением ответственности государства, его органов и должностных лиц за обеспечение в обществе надежного правопорядка, развитие экономической и социально-культурной сфер общества, надлежащее исполнение иных своих функций [3].

По мнению А.А. Гогина, основная мысль ряда теоретиков состоит в том, что каждая отрасль права характеризуется своеобразием ответственности, собственными видами правонарушений и санкциями за их совершение, независимой нормативной базой, что служит одним из показателей отраслевой самостоятельности [4].

В советское время ученые, отстаивавшие самостоятельность некоторых отраслей – семейного, земельного, экологического (природоохранного), предлагали обособить соответствующие им виды юридической ответственности в семейном, земельном, экологическом праве. Такая тенденция сохраняется и на сегодняшний день. В частности, активно разрабатываются принципы конституционной [5], экологической [6] муниципальной [7], процессуальной [8], семейно-правовой ответственности [9], понятие и признаки соответствующих правонарушений. Практически только за последние годы общепризнанной стала финансовая ответственность, а в ряде законов были сформулированы конкретные составы правонарушений.

В научной литературе существуют классификации юридической ответственности и по другим основаниям. О.Э. Лейст называет несколько оснований классификации юридической ответственности: а) по видам правонарушений и по характеру применяемых санкций (уголовная, административная, дисциплинарная, имущественная); б) по порядку применения санкций (судебная и административная); в) по субъекту правонарушения (персональная, ответственность коллективных субъектов) [10]; г) выраженный в санкции способ охраны правопорядка, который предопределяет порядок ее применения и реализации. Основными видами ответственности (как и санкций) являются праввосстановительная и штрафная.

В.А. Тархов выделяет следующие виды юридической ответственности: - по мерам, предпринимаемым в порядке ее реализации (личного или имущественного характера); - по формам (судебная и внесудебная; добровольная и принудительная) [11].

В.А. Кислухин в основу классификации заложил функциональный критерий, т.е. функции, которые осуществляет юридическая ответственность, и подразделяет ответственность на праввосстановительную и карательную [12].

В связи с развитием концепции деления отраслей права на публично-правовые и частноправовые юридическую ответственность стали подразделять на публично-правовую и частноправовую. Данная точка зрения не является бесспорной, поскольку «классификация ответственности на публично-правовую и частноправовую дается без учета охранительных отношений ответственности, которые предопределяют сущностную характеристику государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности» [13]. Такая классификация скорее говорит о том, какой вид юридической ответственности, исходя из ее функционального назначения – восстановительно-компенсационная или карательно-штрафная – является преобладающим в частном и публичном праве.

Представленные основания классификации юридической ответственности не являются исчерпывающими. Возможны иные критерии классификации посредством выявления признаков, лежащих в основании классификации. Помимо отраслевого, функционального, целевого критериев в теории права выделяют и другие классификационные критерии: в зависимости от вида правоотношений, от характера принуждения и вида применяемых мер, от содержания, от субъектов, применяющих ответственность и др.

Таким образом, нормы уголовной, конституционной, гражданско-правовой, административной, дисциплинарной, материальной, финансовой ответственности составляют структурные подразделения общего института юридической ответственности, его субинституты. Определяющим критерием разграничения системы юридической ответственности на виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования (отраслевой критерий). При этом принимается во внимание и гуманизация государственного принуждения [14].

С учетом отраслевого критерия юридическая ответственность подразделяется на следующие виды: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, гражданско-процессуальную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 31-47; Ивакин В.И. Классификация юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. 2010. № 5. С. 70 и др.
2. Самошенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. С. 179-180.
3. Сырых В.М. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. С. 20-36.
4. Гогин А.А. Правонарушение: понятие, сущность, виды. М.: NOTA BENE, 2007. С. 79.
5. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: РАП, 2008. С. 100-120.
6. Репетева О.Е. Об экологической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 81-83.
7. Воробьева О.А. Муниципально-правовая ответственность как вид юридической ответственности // Муни-

ципальная служба: правовые вопросы. 2012. № 2. С. 6-7.
8. Чуклова Е.В. Теоретические вопросы процессуальной ответственности // Право и политика. 2008. № 8. С. 1841-1845.
9. Репетева О.Е. Семейные правонарушения и ответственность за их совершение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 4. С. 91-93.
10. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. С. 91-93.
11. Тархов В.А. О юридической ответственности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. С. 4-6.
12. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10.
13. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 634.
14. Юткина С.М. Гуманизация государственного принуждения как приоритет правовой политики Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. № 1(50) 2013. С. 13-19.

CLASSIFICATION OF LEGAL LIABILITY

©2014

Repeteva O.E., candidate of laws, associate professor
Acting head of the department of business and the labor law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article analyzes the types of legal liability on various grounds. The author examines in detail the classification of legal liability on the sectoral criteria.

Keywords: Legal liability, classification, reason, sector indication, offense.

УДК 349.2

**О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В СФЕРЕ ТРУДА**

© 2014

Репетева О.Е., кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой предпринимательского и трудового права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: рассматриваются проблемные вопросы гражданско-правовой ответственности за правонарушения в сфере труда по отношению к работодателю, руководителю и работнику в случаях, установленных законом.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; правонарушение; работник; работодатель; руководитель; моральный вред.

В российском законодательстве применение гражданско-правовой ответственности к участникам трудовых и непосредственно связанных с ними отношений осуществляется преимущественно по отношению к работодателю, руководителю и работнику в случаях, установленных законом. Применение такой ответственности не является коллизией гражданского и трудового законодательства. При

этом можно говорить об особых субъектах трудового права, на которых допускается возложение ответственности по общим правилам гражданского законодательства.

Ответственность работодателя перед работником за нарушение личных неимущественных прав. Согласно п. 2 ст. 2 ГК, неотчуждаемые права и свободы граждан, другие нематериальные блага граждан защищаются гражданским

законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ.

Работодатель, нарушивший личные нематериальные права работника, несет именно гражданско-правовую ответственность, поскольку личные нематериальные права, которые могут принадлежать как физическому, так и юридическому лицу, не подлежат правовому регулированию, а только защищаются. Трудовое право не может воздействовать на них своим специфическим методом правового регулирования, поэтому они подлежат защите в соответствии с нормами гражданского законодательства. Как отмечается в юридической литературе, регулятивная функция гражданского права распространяется и на личные нематериальные отношения, правда, не столь развернуто, как применительно к имущественным и личным имущественным отношениям, связанным с имущественными отношениями [1].

И.Я. Киселев указывает, что нормы трудового права призваны дополнить и углубить защиту личных нематериальных прав и других нематериальных благ, осуществляемую гражданским правом, применительно к особенностям трудовых отношений, обеспечить права и свободы человека в период трудовой деятельности и таким образом формировать статус «социального гражданина» [2].

Длительное время вопросы компенсации морального вреда причислялись к сфере гражданских правоотношений. ТК РФ расширил возможности применения института возмещения морального вреда к трудовым отношениям (ст. 3, 21, 22, 237, 394 ТК РФ). Теперь он является самостоятельным способом защиты трудовых прав работника, в связи с чем в трудовом законодательстве устанавливается особый порядок компенсации морального вреда.

В силу закона обязанность возмещения работнику морального вреда наступает за любые неправомерные действия или бездействие работодателя, связанные с трудовыми отношениями. При этом ст. 237 ТК РФ в сочетании со ст. 233 ТК РФ предусматривает возмещение работнику морального вреда, причиненного любым виновным противоправным поведением работодателя независимо от того, какие права работника нарушаются — имущественные или нематериальные. Следовательно, право на возмещение морального вреда работник имеет во всех случаях нарушения его трудовых прав, сопровождающихся нравственными или физическими страданиями. Примерами таких случаев можно назвать компенсацию морального вреда, причиненного работнику дискриминацией (ст. 3 ТК РФ); предусмотренные ст. 394 ТК РФ случаи возмещения работнику денежной компенсации морального вреда, причиненного увольнением без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения либо незаконного перевода на другую работу и др.

В ТК РФ в отличие от ГК РФ речь идет не о компенсации, а о возмещении морального вреда, что не совсем верно, поскольку моральный вред лишен экономического содержания. Поэтому правильнее говорить о компенсации морального вреда.

Возможность применения гражданско-правовых норм о компенсации морального вреда при нарушении трудовых прав работников со всей определенностью следует из ГК РФ. Ст. 151 ГК РФ предоставляет суду право возложить на виновное лицо обязанность денежной компенсации морального вреда, причиненного действиями, нарушающими личные нематериальные права или другие принадлежащие гражданину нематериальные блага. Признание рабо-

ботодателем факта причинения работнику морального вреда предопределяет возможность по соглашению сторон определить величину его денежной компенсации.

Независимо от того, какими неправомерными действиями работодателя причинены работнику физические или нравственные страдания, ст. 237 ТК РФ усиливает ответственность работодателя за соблюдение трудового законодательства, а следовательно, повышает защиту трудовых прав работника, и поэтому ее наличие в законе отчасти оправдано. Однако компенсация морального вреда как мера ответственности, установленная исключительно законодательно, не может устанавливаться соглашением сторон трудового договора, как это предусматривает ст. 237 ТК РФ. Более того, установление размера компенсации морального вреда полностью передано на усмотрение суда.

Таким образом, в качестве меры гражданско-правовой ответственности, возникающей в связи с трудовыми отношениями, можно назвать институт компенсации морального вреда, базирующийся на нормах ГК РФ. Положения ст. 151 ГК применимы к отношениям между работником и работодателем, поскольку незаконными действиями работодателя нарушаются личные нематериальные права работника и другие нематериальные блага.

Ответственность руководителя организации как работника в трудовых отношениях. Гражданско-правовая ответственность руководителей направлена на преодоление негативных последствий правонарушений, допускаемых в процессе управления организацией.

Правовое положение руководителя двояко, в силу того, что он является не только наемным работником, но и полномочным представителем работодателя. В ТК РФ правовой статус руководителя как органа юридического лица не определен, это компетенция гражданского законодательства. Однако особое положение руководителя не дает возможности четко разграничить его права и обязанности, предусмотренные различными отраслями законодательства.

Российские ученые придерживаются полярных взглядов на отраслевую принадлежность труда руководителя. Большинство из них сходятся во мнении, что специфика выполняемой руководителем работы говорит о трудовой природе отношений. Как полагают Л.В. Санникова [3] и В. Глазырин [4], что отношения найма труда обладают всеми признаками, необходимыми для отнесения их к предмету гражданского права, что дает основания конструировать модель гражданско-правового по своей природе правоотношения найма труда. Согласно другому утверждению, отношения между собственником и руководителем могут иметь как трудовую, так и гражданско-правовую природу. По мнению Д.Р. Аكوпова, непременным условием признания договора гражданско-правовым, а не трудовым, является наличие в нем обязательства собственника не вмешиваться в текущую деятельность руководителя, собственник может лишь периодически контролировать оговоренные в контракте показатели работы организации [5].

Определение отрасли законодательства, регулирующей отношения, связанные с трудом, имеет важное практическое значение, так как от этого зависит рассмотрение вопроса об ответственности сторон договора в случае конфликта.

ТК РФ, выделяя руководителей в отдельную категорию работников, разрешает спор относительно отраслевой принадлежности труда руководителя организации. Ст. 11 ТК РФ устанавливает, что в случаях, когда в судебном порядке доказано, что договором гражданско-правового характера

регулируются трудовые отношения между работодателем и работником, к таким отношениям применяются положения трудового законодательства. Следовательно, на руководителей организации распространяются нормы гл. 43 ТК РФ независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, за исключением случаев, когда: руководитель организации является единственным участником (учредителем), членом организации, собственником ее имущества; управление организацией осуществляется по договору с другой организацией (управляющей организацией) или индивидуальным предпринимателем (управляющим). Труд руководителя организации регулируется нормами трудового права, что не препятствует применению к нему гражданско-правовой ответственности в силу ст. 277 ТК РФ. Это правило выводит руководителя из сферы действия основного принципа материальной ответственности в трудовом праве – соизмерения предела ответственности с заработной платой причинителя ущерба.

В ТК РФ отношения с участием руководителя организации названы трудовыми. Но их содержание в законах по конкретным организационно-правовым формам раскрываются в основном через гражданские права и обязанности. При таком подходе ответственность должна носить преимущественно гражданско-правовой характер. Однако, будучи самостоятельной отраслью, трудовое право имеет достаточное количество общих норм, и при регулировании труда наемного руководителя должны применяться именно они. В случае коллизий норм специальное отраслевое законодательство имеет приоритет над нормами гражданского права [6].

И.Г. Касаев отмечает, что «понятие девиантного поведения руководителя в законодательстве не имеет четкого определения. Составы правонарушений расплывлены по различным нормативно-правовым актам. Перечень действий (бездействия), влекущих ответственность руководящего органа юридического лица, в законодательстве отсутствует» [7, 8, 9, 10]. Поскольку руководитель может нести материальную или гражданско-правовую ответственность в случаях, установленных законом, целесообразно разграничивать условия применения указанных видов ответственности. Данное разграничение необходимо для четкого понимания, когда наступает материальная или гражданско-правовая ответственность.

Материальная ответственность возникает, если руководитель действует строго в рамках своих полномочий, определенных действующим законодательством и трудовым договором. Гражданско-правовую ответственность необходимо применять в результате совершения действий (бездействия) с использованием властных полномочий, не соответствующих уставным целям. В частности, совершенные действия, приводящих к выходу организации за рамки ее правоспособности; принятие необоснованного решения руководителем организации, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации.

В литературе высказано мнение, что «при наступлении негативных последствий для юридического лица в силу виновных действий руководителя он может быть привлечен как к материальной (предусмотренной трудовым законодательством), так и к гражданско-правовой ответственности» [11]. По нашему мнению, подобный подход представляется недопустимым. Возмещение убытков руководителем организации любой из имеющихся организационно-правовых форм в случае его противоправных действий не должно

ограничиваться прямым реальным ущербом. Возмещению также подлежит и упущенная выгода. Расчет убытков осуществляется в соответствии с нормами, предусмотренными гражданским законодательством. Однако такая ответственность возможна только в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Резюмируя, отметим, что расширение пределов ответственности руководителя, работающего по трудовому договору, является необходимым условием охраны имущества работодателя, уравнивающим такие свойства труда руководителя, как высокая степень организационной самостоятельности и широкие полномочия по управлению имуществом организации. Трудовое законодательство неоспоровенно придерживается позиции установления специального правового режима и повышенной ответственности руководителей работников.

Действующее гражданское законодательство не допускает возможности существования договора, совмещающего в себе элементы различных отраслей права. Так, смешанный договор определяется как гражданско-правовой договор, сочетающий в себе признаки других гражданско-правовых договоров (п. 3 ст. 421 ГК РФ), но не признаки трудового и гражданско-правового, в частности. Таким образом, договор с руководителем носит трудовую характер, но имеет некоторые особенности, связанные с особым положением такого работника.

В целом сложность правового статуса, а также слабая определенность трудовой функции руководителя и, как следствие, высокая степень организационной самостоятельности его труда являются причинами многих пока еще не решенных вопросов в современной правовой доктрине. Что касается особенностей регулирования труда руководителя, обусловленных его специфической трудовой функцией, то пути закрепления этих особенностей возможны в дальнейшем развитии дифференциации такого регулирования для разрешения указанных отраслевых противоречий.

Ответственность работника при причинении вреда имуществу работодателя. Особенностью трудового законодательства по взысканию ущерба, причиненного работниками при исполнении трудовых обязанностей, является возможность выплаты процентов за пользование денежными средствами, которые предусмотрены ст. 395 ГК РФ, в размере ставки рефинансирования ЦБ РФ в качестве меры гражданско-правовой ответственности при условии заключения между работником и работодателем обязательства (договора) о добровольном возмещении ущерба с условием о такой ответственности за его ненадлежащее исполнение. Ст. 238 ТК РФ предусматривает обязанность работника возместить только прямой действительный ущерб, взысканию не подлежат неполученные работодателем доходы (упущенная выгода). Понятие «неполученные доходы» (упущенная выгода) в ТК РФ не содержится, что позволяет в данной ситуации по аналогии закона толковать это понятие, исходя из смысла п. 2 ст. 15 ГК РФ, т.е. гражданского законодательства, которое подразумевает под неполученными доходами доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. По словам А. Коршикова, проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, определяющие ответственность сторон обязательства за ненадлежащее его исполнение, не являются убытками, а носят характер гражданско-правовой ответственности, что подтверждается п. 2 ст. 395 ГК РФ, где законодатель сравнивает размер убытков и процентов,

предусмотренных п. 1 этой же статьи [12].

Ст. 243 ТК РФ содержит перечень случаев полной материальной ответственности работников перед работодателем, к которым относится, в частности, причинение ущерба не при исполнении работником трудовых обязанностей (п. 8 ст. 243 ТК РФ). Традиционно положение данного пункта понимается следующим образом: полная материальная ответственность работника наступает в случаях причинения им ущерба не при исполнении трудовых обязанностей, т.е. в свободное от работы время либо когда работник трудился, но при этом не выполнял свои трудовые обязанности, т.е. в рабочее время. Вместе с тем, необходимо более дифференцированно подходить к случаям причинения работником ущерба имуществу работодателя не при исполнении трудовых обязанностей.

Причинение ущерба не связано непосредственно с трудовыми отношениями между работодателем и работником, следовательно, отношения по причинению ущерба не могут регулироваться нормами трудового права на основании ст. 1 ТК РФ. Такие отношения регулируются нормами гражданского права. По нашему мнению, при определении размера материального ущерба, причиненного работником самовольным использованием в личных целях технических средств, принадлежащих работодателю, следует исходить из того, что такой ущерб как причиненный не при исполнении трудовых (служебных) обязанностей подлежит возмещению с применением норм гражданского законодательства. В этом случае ущерб возмещается в полном объеме, включая и не полученные организацией доходы от использования указанных технических средств. Соответствующим образом можно разграничить сферы трудовых и гражданско-правовых отношений.

Указанную меру целесообразно использовать на сегодняшний день с учетом следующего. ТК РФ устанавливает правила возмещения работником ущерба, причиненного работодателю, т.е. исходит из того, что между сторонами установлены трудовые отношения, и именно их регулирует. Однако работник, используя имущество работодателя в личных целях вне рабочего времени выходит за рамки трудовых отношений, и в этом случае отношения субъектов должны регулироваться уже гражданским законодательством. Следовательно, отношения из причинения ущерба не при исполнении трудовых отношений возникают не с особым субъектом – работником, а с «обычным» причинителем вреда. В этой связи полагаем, что к работнику, причинившему ущерб работодателю не при исполнении трудовых обязанностей, можно предъявить требование о возмещении не только прямого действительного ущерба, но и упущенной выгоды.

Таким образом, к отношениям по возмещению ущерба, причиненного работником не при исполнении трудовых обязанностей, должны применяться правила о возмещении вреда, установленные § 1 гл. 59 ГК РФ.

По нашему мнению, работник несет полную материальную ответственность на основании п. 8 ст. 243 ТК РФ в тех случаях, когда он в рабочее время или, находясь на рабочем месте, причинил ущерб не при исполнении трудовых обязанностей, хотя должен был их исполнять в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка. При этом работник несет материальную ответственность с применением норм гражданского законодательства в случаях причинения ущерба не при исполнении своих трудовых обязанностей, например, в период времени отдыха.

В связи с изложенным полагаем, что Пленуму Верхов-

ного Суда РФ целесообразно включить в Постановление от 16 ноября 2006 г. «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный имуществу работодателя» [13] положение о том, что возмещение ущерба, причиненного работником не при исполнении трудовых обязанностей, подлежит с применением норм гражданского законодательства. «При этом происходит это должно на основе принципа законности, исходя из приоритета закона [14, с. 5, 15, с. 17].

Таким образом, применение гражданско-правовой ответственности к участникам трудовых и непосредственно связанных с ними отношений осуществляется, как правило, по отношению к работодателю, руководителю и работнику в случаях, установленных законом. В настоящее время ст. 419 ТК РФ лишь называет гражданско-правовую ответственность в числе других видов, однако не устанавливает пределы ее действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 36.
2. Киселев И.Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М., 2003. С. 44.
3. Санникова Л.В. Договор найма труда в России. М.: МТ-Пресс, 1999. С. 72.
4. Глазырин В. Предпринимательский контракт // Хозяйство и право. 1992. № 7. С. 108.
5. Акопов Д.Р. Правовое регулирование труда руководителей организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 7-8.
6. Ершов В.В. Отношения, регулируемые гражданским правом // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 14-15.
7. Касаев И.Г. Гражданско-правовая ответственность руководителя организации // Актуальные проблемы частного правового регулирования. Самара: Самарский университет, 2004. С. 84.
8. Ермолова Г. Руководителю: как избежать наказания // ЭЖ-Юрист. 2004. № 24. С. 22.
9. Коршиков А. Взыскание потерь с работника // ЭЖ-ЮРИСТ. 2006. № 2. С. 32.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.
11. Ермолова Г. Руководителю: как избежать наказания // ЭЖ-Юрист. 2004. № 24. С. 22.
12. Коршиков А. Взыскание потерь с работника // ЭЖ-ЮРИСТ. 2006. № 2. С. 32.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.
14. Станкин А.Н. К вопросу о понятии законности. Научные исследования и разработки: Право. 2013. Т. 1. № 3 (3). С. 134-139.
15. Станкин А.Н. Конституционность и законность как проявление верховенства конституционности и закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2007. Т. 1 (3). С. 134-139.

ON THE CIVIL-LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS IN THE SPHERE OF LABOUR

© 2014

Repeteva O.E., candidate of laws, associate professor
Acting head of the department of business and the labor law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: discusses the issues of civil-legal responsibility for violations in the sphere of labour in relation to the employer, the Manager and the employee in cases prescribed by law.

Keywords: civil-legal responsibility; the offence; the worker, employer, supervisor; non-pecuniary damage

УДК 340.114.6

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) X-XX ВВ.

© 2014

Савельев Ю.М., аспирант кафедры теории государства и права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в работе исследуется становление института о несостоятельности (банкротстве) в России.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, наказание, конкурсное право, виды банкротства, Банковские уставы.

П.Д. Иванов полагает, что «говорить о развитии законодательства о несостоятельности можно лишь начиная с петровского периода отечественной истории» [1]. Конечно, первые специальные законы, регулирующие конкурсные отношения, появились в России позже, в XVIII веке, но исторические корни института несостоятельности (банкротства) в России находятся гораздо глубже [2]. Первые нормативные акты, регулирующие банкротство на Руси, можно датировать XI-XII вв.

Русская Правда, как важнейший памятник русского правоведения содержит четкое различие видов несостоятельности (банкротства) должника по степени «злонамеренности деяний», которые закреплены ст. 54: «Аже который купец, где любо шед с иужими кунами, истопиться, юбо рать возметь, ли огонь то не насилити, такого же платить, зане же погуба, от бога есть, а не виноват есть; аже пропиеться или пробиется, а в безумии чюжь товар испортить, то тако любо тем, что то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продать ли, а своя им воля» [3]. Из данной статьи следуют два вида несостоятельности (состава правонарушения): возникшая под действием сил природы (пожар, кораблекрушение); либо возникшая по вине должника (из-за пьянства, потери). Соответственно, должник в первом случае имел право на рассрочку, а во втором – по усмотрению займодавцев (кредиторов) долг мог быть истребован немедленно, путем продажи имущества и самого купца (в холопы).

О возможности продажи в холопы за долги говорится и в ст. 55 Русской Правды: «Аже кто многим должен будет, а пришел (гость) из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнет не дати гостю кун, а первии долженбити начнут ему запинати,

не дадуче ему кун, то вести на торг, продати же и отдади же первое гостины куны, а домашним, что останеть кун, тем же ся поделять; поки ли будут княжи куны, то княжи куны первое взятии, а прок в дел; аже кто много рази имал, не имати тому» [3]. В данном случае, если купец задолжал многим, то после его продажи в рабство сперва возвращают долг «гостям» приезжим, а далее «домашним» купцам. Кроме того, следует уделить внимание тому, что долг отдавался только добросовестным кредиторам. Если же займодаделец злоупотреблял процентами, и получил в их форме бо/льшую часть долга, то ему с продажи купца ничего не возмещалось [4].

Статьи, посвященные регулированию вопроса несостоятельности (банкротства) можно встретить и в договорах Руси с Германией, Ригой и Готландом (Швецией). Так, в договоре от 1229г., ст. 10 говорится о привилегии «преимущественного удовлетворения» как с русской, так и с немецкой сторон, даже в случае конфискации имущества за преступление [5].

В Псковской Судной Грамоте также можно отметить преимущество у «купцов-гостей» при выплате долгов, а также зарождение субсидиарной ответственности в лице местной власти (ст. 104). Данное положение объясняется тем, что иногородние купцы выполняли большие закупки, заключали международные договоры от лица своих властей на получение товаров, что было очень выгодно для Руси, и потому государство возлагало на себя ответственность за возможные риски, гарантируя возврат долгов [6].

Развитие торговли и рыночных отношений привели к тому, что в Судебнике 1497г содержится положение, согласно которому ответственность за растрату определяет-ся в зависимости от наличия или отсутствия «злого умы-

сла» (ст. 55). При этом, если должник не мог выплатить долг вследствие несчастного случая, то его не выдавали кредитору, но на нем лежала обязанность возратить долг «от лета» - т.е. без процентов. Данное положение было призвано защитить купца от полного разорения.

Судебником Ивана III впервые устанавливается порядок, согласно которому грамота об уплате долга в рассрочку выдается только после того, как боярин, изучив все обстоятельства дела, установит, что несостоятельность (банкротство) возникла по независящим от должника причинам.

В Соборном Уложении 1649г. несостоятельности (банкротству) посвящены ст. 203-206, 260 главы X «О суде». Так, ст. 203, как и Русская Правда, различает две причины несостоятельности: несчастный случай и халатность должника. Существенным нововведением, по сравнению с предыдущими нормативными актами является установление сроков уплаты долга до трех лет [4, С. 135-136]. Расширяется и круг субъектов: если в Русской Правде говорилось только о купцах, взявших чужие деньги или товар, то в Уложении 1649г. говорится уже о всяком долге и всяком должнике и вводится институт поручительства за несостоятельность (банкротство) должника, что говорит о развитии обеспечения гражданско-правовых обязанностей лица, путем установления поручительства. Запрещается взимание процентов на долг.

В ст. 204-205 Соборного Уложения определены условия поручительства. Так, если должник не находит поручителей, то он выдается истцам до отработки долга, чего не было предусмотрено в предыдущих нормативных актах.

В ст. 206 Уложения предусмотрен второй вариант несостоятельности – злостное банкротство. В отличие от Русской Правды, которая давала кредитору право продать должника в холопы, в соответствии с Соборным Уложением должник выдается кредитору головой до полного возмещения долга.

По Уставу «О таможенном словесном суде» 1727 г. предусматривалось отдавать купцов, разорившихся не от несчастных случаев для отработки долга в службу другим купцам, которые были бы согласны выплачивать зарплату в учет погашения долга. Если подобных добровольцев не находилось, годных купцов отдавали в военную службу, а негодных – отправляли в ссылку. М.Н. Дмитриев приравнивает подобное состояние купца к кабальному холопству [7].

В связи с увеличением объема торговых отношений с течением времени возникла необходимость создания общего конкурсного устава, который объединил бы в себе общий порядок взыскания долгов с несостоятельных должников. В 1750 г. вступает в силу закон - «Банкротский Устав». Он состоял из 74 статей, разделенных на три части. Не смотря на свою значимость, Сенат не придал ему статус закона.

В данном Уставе было легально закреплено определение понятия «несостоятельность», под которой закон понимал «такое положение дел, при котором у должника вообще нет имущества для полного удовлетворения кредиторов» [8]. Банкротство по прежнему делилось на «несчастное» и «злостное». Неосторожная несостоятельность приравнивалась к злостной, и обозначалась общим названием «обманное банкротство».

«Безвинным» же банкротство признавалось тогда, когда произошло под влиянием непреодолимых сил природы, например, от пожара. При наличии подобных

обстоятельств о должнике можно было сказать, что он честно и осторожно поступал, и тому есть доказательства его невиновности.

«Злостного банкрота» Устав в ст. 3 характеризует как человека, который «поступил с ближним своим хуже вора: понеже от него оберегаться было невозможно». В данном случае имеют место быть прототипы современных составов преступлений, предусмотренных ст. 195-197 УК РФ, которые в Уставе именовались «обманство», «продерзость» и «неосторожность».

Под «обманством» понимался ряд умышленных действий должника в ущерб кредиторам. К ним можно было отнести утаивание имущества, сокрытие плохого финансового состояния, заключение невыгодных сделок.

К «продерзости» относились такие деяния, которые выражались в неправильном ведении учетных книг, сокрытии налогов и т.д.

«Неосторожностью» могли быть признаны деяния, которые должник мог не совершать, но совершил, что давало основания причислить его к «злостному банкроту». К подобным деяниям можно отнести заключение сделки с явно нечестным контрагентом, заключение договоров с ненадежными посредниками, получение кредита при осознании своей несостоятельности исполнить обязательства.

В 1753 г. в Банкротский Устав были внесены уточнения, связанные с употреблением понятий «банкротство» и «несостоятельность». Устав употреблял термин «банкротство» исключительно в тех случаях, когда дело доходило до каких-либо неправомерных действий со стороны купцов.

Банкротский Устав 1763г. был законодательно закреплено определение «несостоятельного лица», которым считалось лицо, которое не в состоянии сполна заплатить имеющиеся у него долги, а именно тот, кто «усмотрит, что ему от торгу учинился убыток и кредиторам своим на зарплату их капиталу не достанет 25%» [6, С. 99-101]. Кроме того, Устав 1763г. признает не два, а три состава несостоятельности: непорочную, неосторожную и злостную.

«Непорочным» банкротством, согласно Уставу 1763 г. признавалась несостоятельность должника, который «торг свой порядочно производил и действовал по Уставу».

«Неосторожному» банкроту Уставом 1763 г. было дано следующее определение: «ничего такого подложного не учинил за чтобы онаго вором почесть можно было, но и от безпорочнаго весьма далеко отстоит» [6, С. 99-101].

«Злостного» банкрота Устав 1763 г. также называет «вором», потому, что недостаточность имущества должника явилась последствием ранее совершенного им преступления. Расширился и круг лиц, которые могли быть субъектом данного правонарушения. Если ранее закон определял только «купцов», то в данной редакции к ним причислялись также и заводчики, и фабриканты, т.е. всякий, кто «торгом промышляет» [9].

Для расследования дел, связанных с несостоятельностью, существовали специальные органы: Коммерц-коллегия, Городовые магистраты, Главный Магистрат, Контора Главного Магистрата и Сенат [10].

По велению Екатерины Великой, в 1764 г. была начата работа по составлению нового закона, который был принят в 1800 г. и получил название «Устав о банкротах». Он состоял из двух частей: первая часть была посвящена торговой несостоятельности, а вторая – несостоятельности дворян.

Данным уставом была определена сумма, необходимая для возбуждения дела о несостоятельности должника

— в пять тысяч рублей. Кроме того, понятие «несостоятельности» ставится в зависимости от суммы непокрытых долгов и от признанной определением конкурса или гражданского суда невозможности их покрытия из имущества должника. Также, если у государства, в свою очередь, имелся долг перед ответчиком, покрывающий все его долги, конкурсное производство не открывалось.

Устав различает оптовых и розничных торговцев, с торговым оборотом более или менее 1000 рублей.

Статья 132 Устава обязывает должника заявить кредиторам о своей несостоятельности в случае, если у него не хватает тридцати и более процентов на один рубль от взятого кредита.

Для дворян и чиновников применялись отдельные нормы, дающие существенные преимущества в сравнении с остальными банкротами, что проявлялось как в условиях признания несостоятельными, так и в порядке конкурса, и даже в наказании.

Устав легально закрепляет несостоятельного должника как лицо, «не могущее сполна заплатить своих долгов», и выделяет три вида несостоятельности: несчастную, неосторожную (небрежную) и злостную (подлог). Неосторожная и злостная несостоятельность именуется банкротом.

Злостные банкроты наказывались в зависимости от социального положения: дворяне и чиновники несли наказание как за лживый поступок, а лица торгового звания — как за публичное воровство.

Отдельно следует выделить положение ст. 108 Устава, в котором говорится, что кредиторы могут не согласиться с определением суда о виде несостоятельности, о чем письменно заявить в суд. Суд в таком случае должен поступить в соответствии с данным заявлением.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что положение несостоятельного должника практически полностью зависело от воли его кредиторов, которые распоряжались его дальнейшей судьбой.

23 июня 1832 г. был принят новый Устав «О несостоятельности», который распространялся только на торговцев. Данный Устав понимал под несостоятельностью такое положение дел должника, при котором он не только не имеет наличных денег на удовлетворение в срок своих долгов, но и можно сделать вывод о том, что долги его неоплатны, то есть что даже всего его имущества не будет достаточно для уплаты долга [6, С. 262].

Устав различал несчастную, неосторожную несостоятельность (простое банкротство) и злостное банкротство (подложную несостоятельность или злонамеренное банкротство). Условием несчастной несостоятельности является отсутствие вины; неосторожного — вина, при отсутствии злого умысла (что равнозначно вине в форме неосторожности по современному законодательству); подложного — умысел и подлог.

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое предусматривало уже четыре вида несостоятельности:

1. несостоятельность лиц торгового сословия (банкротство).
2. несостоятельность лиц, не принадлежащих к торговому сословию.
3. несостоятельность к платежу вознаграждения за причиненный вред или убыток.
4. несостоятельность к платежу судебных денежных взысканий.

Банкротом могло быть объявлено только лицо торгового сословия. В соответствии со ст. 1582 злонамеренное банкротство наказывалось плетью, телесными наказаниями, а также ссылкой в Сибирь [11].

К должникам, попавшим в неторговую несостоятельность, в соответствии со ст. 1585 Уложения, применялось наказание в виде лишения всех прав и ссылке в Томскую или Тобольскую губернии с заключением от года до двух лет, либо в арестантские роты гражданского ведомства на срок от двух до четырех лет [11].

Последним законодательным актом дореволюционной России явилось Уголовное уложение 1903 года, которое содержало главу «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Данный правовой акт различал несостоятельность с целью избежать выплаты долгов, или злостное банкротство (ст. 599), и несостоятельность неосторожную, вследствие легкомысленного ведения дел или расточительства (ст.603). В Уложении 1903 года четко сформулированы признаки банкротства.

Так, злостное банкротство состояло в уменьшении актива или увеличении пассива должника с целью избежать платежа долгов, причем к ответственности могли быть привлечены как торговцы, так и другие сословия. Корыстное банкротство могло иметь место при фиктивной несостоятельности, когда должник ложно обвинял себя несостоятельным, чтобы уклониться от уплаты налогов или догов.

Неосторожное (простое банкротство) предусматривалось ст. 603 и 604 и наказывалось в уголовном порядке только тогда, когда объявление несостоятельности следовало в порядке торгового производства.

Таким образом, законодательство дореволюционной России выделяло банкротство «корыстное» или «тяжкое», «расточительную несостоятельность» или «простое банкротство».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов П.Д. Становление и развитие института несостоятельности (банкротства) в странах Западной Европе и России: Историко-правовой аспект. Дис. ... канд. Юрид. Наук. — Спб., 2002. — С. 69
2. Мамаев С.И. Становление и развитие института несостоятельности (банкротства) в российской Федерации // Закон и право, №11. — 2006. — С.40.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — М.: Территория будущего, 2005. - С. 315.
4. Российское законодательство X-XX веков. / под ред. О.И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1991. — С. 102.
5. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т./ под ред. Б.В. Виленского. — М.: Юридическая литература, 1984. — Т.1. Законодательство древней Руси. — С. 103.
6. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. — Казань, 1890. С. 57.
7. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. С. 5.
8. Дмитриев М.Н. История судебных институтов. — СПб., 1902. С. 280.
9. Колачев Н.В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды». — СПб., 1880. С. 10.
10. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. — Казань, 1898. - С. 59.

11. Гальперин С.И. Учебник русского торгового и вексельного права. — Екатеринослав, 1906. - С. 41. Полный текст всех 16 томов. В пяти книгах / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Томы I-III. — СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912г. — С. 412.
12. Войтъ С.С. Сводъ законовъ Россійской имперіи.

ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN X-XIX CENTURY

© 2014

Savelyev Y.M., a postgraduate student of Theory of State and Law Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article reveals the development of legislation on insolvency (bankruptcy) through the chronological adoption of legal acts in pre-revolutionary Russia.

Key words: bankruptcy, insolvency, punishment, competition law, types of bankruptcy, Banks statutes.

УДК 343

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

©2014

Сафонова Ю.О., магистр
Тольяттинский государственный университет, Россия

Аннотация: с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса РФ проблема определения вещественных доказательств не получила своего разрешения и до сих пор остается актуальной и обсуждаемой среди процессуалистов. Основываясь на размышлениях ученых по этому вопросу, автор предлагает свое видение проблемы в формулировке понятия вещественного доказательства и делает определенные выводы о взаимосвязи двух разных точек зрения.

Ключевые слова: вещественное доказательство, уголовный процесс, УПК, законодательство.

Отдельные ученые уделяют большое внимание такому вопросу, как полнота и правильность отображения положений доказательственного права в новом УПК Российской Федерации. На наш взгляд, в современном законодательстве уголовного процесса эта проблема пока, к сожалению, не решена. Попробуем последовательно это аргументировать. Казалось бы, что тема вещественных доказательств тщательно изучена и рассмотрена в научной литературе, но как теоретически, так и практически не утихают разногласия по отдельным аспектам этой проблемы.

Как отмечено в ч.1 ст.74 УПК РФ, вещественными доказательствами считаются любые сведения, основываясь на которых суд, прокурор, дознаватель и следователь в установленном УПК порядке определяют отсутствие или наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию при осуществлении уголовного судопроизводства (эти обстоятельства, образующие в совокупности предмет доказывания, обозначены в 73 статье УПК России) [1].

Такая формулировка понятия вещественного доказательства по уголовному делу не вызывает возражений, учитывая то, что она используется в уголовном процессе уже много лет и прошла проверку временем. Но все же, законодатель, основываясь на данное понятие и не

разделив его с определением источника доказательств, который тоже часто используется в нормах уголовного процесса, пытается обозначить в законе отдельные виды доказательств, от чего и происходит очевидная путаница. Согласно ст.74 (ч.2) УПК РФ доказательствами могут выступать: показания обвиняемого или подозреваемого; показания потерпевшего и свидетеля; показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных действий; протоколы судебных действий и иные документы [2].

Если проследить за «ходом мысли» законодателя, то можно считать логичным отнесение к доказательствам первых четырех видов, поскольку показания обвиняемого или подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, эксперта и специалиста и являются сведениями об обстоятельствах уголовного дела, которые сообщили выше указанные лица на допросе (статьи 76 - 80 УПК).

Утверждая в ст.81 уголовно-процессуального кодекса РФ то, что вещественным доказательством признается любой предмет, служащий средством для обнаружения состава преступления и установления обстоятельств уголовного дела [3], законодатель противоречит положению части 1 ст. 74 УПК, в котором упоминается что доказательство - это вовсе не человек и не предмет, это сведе-

ния о совершенном преступлении и иных обстоятельствах уголовного дела, содержащиеся в памяти конкретного человека или сохранившиеся на конкретном предмете.

Анализируя текст пунктов 5, 6 ст. 74 (часть 2) УПК России можно заметить аналогичное противоречие. Доказательством, снова, исходя из смысла 1 части 74 статьи, считаются не протоколы следственных и судебных действий, а сведения, которые там содержатся. Далее согласно статьям 83 и 84 УПК России мы видим, что протоколы и иные документы могут рассматриваться в качестве вещественных доказательств только, если в них содержится информация, имеющая значение для установления обстоятельств, зафиксированных в ст. 73 данного кодекса [4].

Мы думаем, что именно в этом заключается одна из главных причин разногласий ученых по данному вопросу, в этом же кроются проблемы практического использования вещественных доказательств.

Возникает закономерный вопрос: что же авторы современного УПК все-таки подразумевают под доказательствами - предметы, протоколы и иные документы или же сведения, которые являются их носителями?

В связи с этим стоит обратиться к мнению научных исследователей и изучить их понимание этого вопроса.

Л.Т. Ульянова по этому вопросу пишет: «Вещественными доказательствами являются предметы из материального мира, которые сохранили свойства, устанавливающие значимые для дела обстоятельства, те, что собраны, проверены и оценены в установленном законом порядке» [5].

В.А. Михайлов под вещественными доказательствами понимает вещи, которые имеют на себе следы преступления и вообще вмещают в себя данные для его выяснения [6].

В.К. Бобров считает, что доказательствами нужно понимать материальные носители сведений [7].

И.М. Гуткин соглашается с понятием вещественных доказательств, которое трактуется в УПК и тоже понимает их как предметы.

Проанализировав эти понятия, можно заметить одну закономерность - все авторы понимают под вещественными доказательствами вещи, предметы, каким-либо образом связанные с событием преступления, изъятые и приобщенные затем к уголовному делу в установленном законом порядке. Но нам кажется, что данное определение вещественных доказательств недостаточно полно и точно сформулировано и не охватывает весь перечень предметов, приобщаемых на практике к делу.

Можно согласиться с мнением профессора М.К. Треушниковой о том, что понятие «предмет», используемый в уголовно-процессуальном кодексе России и во многих дефинициях вещественных доказательств, содержащихся в научной литературе, условен, так как объектами могут выступать так же помещения, земельные участки и животные, то есть то, что в принципе к предметам врядли можно отнести [8].

Предметы используются как вещественные доказательства, так как обладают свойствами, способными к отражению произошедших событий, действий и явлений. Отражение проявляется в видоизменении предмета, в изменении его свойств, следов, отпечатков, передающих определенную информацию о событиях, произошедших в действительности. Вещественными доказательствами называются не сами предметы, а приобретенные в процессе

исследования сведения, которые имеют значение для дела.

Собственно предмет является источником доказательства (информации). Доказательство же тесно связано со своим источником, но оно не может существовать без процессуальной формы, и может использоваться, только если соблюдаются установленные законом процедуры. Поэтому источник доказательств, порядок и способы его собирания находятся за рамками термина доказательства.

Итак, доказательство верно и точно определено в новом УПК России как сведения, то есть информация об обстоятельствах преступления, по которому рассматривается или расследуется уголовное дело. Это сведения, полученные производящим расследование лицом, либо судом в процессе допроса граждан, ознакомления с вещами и документами, приобщенными к делу, проведения следственных и судебных действий. Материальным носителем этой информации могут быть: 1) участники процесса - обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист; 2) неодушевленный предмет (например труп человека или животного и их материальные следы, оружие, транспортные средства, одежда и т.п.); 3) документы - бумаги, фотографии, аудиозаписи, кинозаписи, видеозаписи и многие другие носители сведений. Если следователю или суду известны люди, неодушевленные предметы или документы, которые обладают сведениями об обстоятельствах преступления, то это еще не значит, что эта информация стала доказательством. Для этого сведения должны собираться в порядке, установленном законом, а точнее путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК, результатом которых должны стать процессуальные акты, такие как протоколы допросов, а также других действий, постановления о приобщении к делу предметов в качестве вещественных доказательств и т.п. Только тогда информация станет доказательством.

Носителем информации, прикрепленной к делу в виде доказательства, или можно еще сказать источником доказательства выступают не сами люди и не сами предметы, а процессуальные акты, в которых зафиксированы сообщенные ими или обнаруженные на них сведения, имеющие значение для дела. Исключением являются документы, для которых материальный и процессуальный носители сведений совпадают - это может быть, например, приобщенная к делу бумага, сохранившая на себе информацию в виде знаков.

Таким образом, если само доказательство выступает как сведения, то получается, что источник доказательства - это его процессуальная форма, в которой изложены закрепленные сведения. А соотносятся эти понятия так же, как содержание и форма. Возможно, что истина в споре между сторонниками двух приведенных точек зрения на понятие доказательства находится, как это зачастую бывает, посередине. Доказательство и его источник - разные понятия, так как в первом случае речь идет об информации, а во втором - о носителе этой информации. С другой стороны, информация, сведения не могут существовать автономно, в отрыве от своего носителя. Способы и порядок собирания, закрепления и проверки доказательств определяют не содержание сведений и даже не форму, а их юридическое свойство - допустимость, позволяющее использовать их в процессе доказывания. К примеру, протокол допроса может подробно и

правильно отображать показания потерпевшего, быть идеально оформлен, но сам допрос произведен с грубым нарушением установленной законом процедуры. Поэтому можно говорить о неразрывной связи между доказательством, его источником и процедурой извлечения сведений из их материального носителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с комментариями: текст с изм. и доп. на 10 октября 2012 г. — М.: Эскимо, 2012. — 352 с. — (Российское законодательство с комментариями). С. 57-58.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с комментариями: текст с изм. и доп. на 10 октября 2012 г. — М.: Эскимо, 2012. — 352 с. — (Российское законодательство с комментариями). С. 58.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с комментариями: текст с изм. и доп. на 10 октября 2012 г. — М.: Эскимо, 2012. — 352 с. — (Российское законодательство с комментариями). С. 60.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с комментариями: текст с изм. и доп. на 10 октября 2012 г. — М.: Эскимо, 2012. — 352 с. — (Российское законодательство с комментариями). С. 57-58, 63-64.

5. Уголовный процесс: Учебник / К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. С. 127.

6. Уголовный процесс. Общая часть: Учебник / В.П. Божьева. М.: Спарк, 1997. С. 142.

7. Советский уголовный процесс: Учебник / В.П. Божьева. М.: Юридическая литература, 1990. С. 111.

8. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушников. М.: Городец, 2007.

NEW ASPECTS IN THE CONCEPT OF PHYSICAL EVIDENCE

©2014

Safonova Y. O., master

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The discussion problem concerning identification of material evidence has become very important after the admission of New Criminal Procedure Code of Russian Federation. The author tries to analyze opinions of some scientists who have been researching this case so much. He offers his vision of the problem in the formulation of the concept of physical evidence, and makes certain conclusions about interrelations of two different points of view.

Key words: Material evidence, Criminal Procedure, New Criminal Procedure Code, law.

УДК 340

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И СОСТАВА ПРАВОНАРУШЕНИЯ

© 2014

Святкин М.С., УВД Ставропольского района Самарской области, инспектор

Аннотация: в статье исследуется проблема соотношения правонарушения и состава правонарушения. Правонарушение рассматривается как юридический факт, а состав правонарушения как теоретическая конструкция, на основе которой происходит анализ правонарушения.

Ключевые слова: состав правонарушения; правонарушение; соотношение; элементы состава правонарушения.

В юридической науке понятия «состав правонарушения» и «правонарушение» иногда определяются как синонимичные. На наш взгляд, это ошибочно как с теоретической, так и с практической точки зрения. Состав правонарушения заслуженно признается как эффективный инструмент познания правонарушения, его юридической оценки. Разделение правонарушения на отдельные элементы облегчает анализ содеянного и обеспечивает полноту установления оснований юридической ответственности. Однако в процессе абстрагирования недопустимо возводить в абсолют деление элементов на субъект, объект, объективную и субъективную

стороны ввиду их тесной взаимосвязи и взаимозависимости [1, с. 61; 2, с. 16; 3, с. 60; 4, с. 47].

Можно выделить несколько аспектов исследования соотношения состава правонарушения и правонарушения. При этом вопрос об их соотношении будет решаться неоднозначно. Суть в том, что само правонарушение можно рассматривать как факт и как научное понятие о нем. Поэтому и соотношение между правонарушением как фактом и составом правонарушения будет одним, а в случае исследования правонарушения как научного понятия такое соотношение будет носить иной характер. Кроме того, само правонарушение можно

рассматривать не только как научное понятие, но и как законодательную дефиницию. Так, в действующем законодательстве даны дефиниции преступления, административного правонарушения и налогового правонарушения. Однако в нормативно-правовых актах не дается легального определения понятия «состав правонарушения». Поэтому и утверждать о соотношении легальных определений понятий «правонарушение» и «состав правонарушения» не представляется возможным.

Исследование соотношения состава правонарушения и правонарушения тесно взаимосвязано с проблемой оснований юридической ответственности. Разработка теории состава правонарушения позволила некоторым авторам утверждать, что основанием юридической ответственности является состав правонарушения (преступления). В настоящее время такому мнению способствует законодательная формулировка основания уголовной ответственности. В ст. 8 УК РФ указано, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Следует отметить, что для ученых, которые отрицают конструкцию состава правонарушения и утверждают о неких условиях юридической ответственности, вообще не встает вопроса о соотношении правонарушения и состава правонарушения. Так, О.А. Пешкова к основаниям гражданско-правовой ответственности и к элементам его состава относит: вред, противоправное поведение, причинную связь между действием и наступившими последствиями [5, с. 39]. С.Ю. Рипинский отмечает, что состав гражданско-правового правонарушения включает: противоправное поведение лица, причинившего вред; возникновение вреда у потерпевшего; причинная связь между вредом и противоправным поведением; вина причинителя вреда; условия, относящиеся к правовому статусу причинителя вреда; условия, относящиеся к характеру деятельности причинителя вреда [6, с. 69]. Аналогичной позиции придерживается и Ю.Н. Андреев [7, с. 35]. Можно отметить, что элементами состава правонарушения ученые-цивилисты называют сами признаки правонарушения, и то в некоторых случаях – в некотором усеченном виде. Мы вновь приходим к выводу, что формальным основанием ответственности выступает правонарушение, а не некая совокупность условий, которые по терминологии цивилистической науки являются элементами состава правонарушения [8, с. 144; 9, с. 67]. При этом обязательным элементом состава правонарушения выступает субъективная сторона, а обязательным признаком субъективной стороны – вины [10, с. 39; 11, с. 31], а сам институт известен еще со времен древнерусского права [12, с. 45], придают значение данному правовому институту и в зарубежных правовых системах [13, с. 63; 14, с.47; 15, с. 59]

Состав правонарушения – это теоретическая конструкция, абстракция, сформулированная учеными-юристами, а правонарушение – факт. Именно из этой посылки необходимо исходить, выявляя соотношение правонарушения и состава правонарушения. Если состав правонарушения – «теоретическая конструкция», то как некая теоретическая конструкция, т.е. то, чего нет в действительности, может выступать в качестве основания юридической ответственности? Именно правонарушение, а не теоретическая конструкция «состав

правонарушения», является основанием юридической ответственности. В связи с чем возникает вопрос: если состав правонарушения рассматривается как логическая конструкция, то что устанавливается в конкретном совершенном деянии в процессе его квалификации? Ведь квалифицировать – значит, установить соответствие признаков состава, указанных в законе, признакам конкретного правонарушения. Если взять данное положение за постулат, то следует признать, что состав правонарушения представляет собой не только конструкцию, но и характеристику правонарушения, в которой конкретизируются признаки правонарушения. Если не признавать в составе характеристик правонарушения, то можно допустить методологическую ошибку, абсолютизируя логическое понятие как форму мышления.

Можно констатировать, что признаки состава правонарушения в абстрактной форме закреплены в нормативно-правовых актах, а в процессе квалификации происходит выявление этих признаков, группировка по объекту, субъекту, субъективной и объективной стороне и наложение на те признаки, которые закреплены в нормативно-правовых актах [16, с. 12]. Социальным явлением состава правонарушения будет являться только в том аспекте, что оно в итоге складывается в процессе мышления и существует в сознании субъекта, осуществляющего правоприменительную деятельность. Однако в реальных общественных отношениях, в том числе и конфликтных, характеризующихся совершением правонарушения, существует правонарушение, но не состав правонарушения. Состав правонарушения сам по себе запрета или позитивного обязывания не содержит. Поэтому нельзя состав правонарушения определять как «законодательное понятие о преступлении» [17, с. 33]. Кроме того, самого законодательного понятия «состав правонарушения» или «состав преступления» в действующих нормативно-правовых актах не содержится. Это исключительно научная дефиниция. В действующем законодательстве употребляется только сам термин «состав преступления» (ст. 8 УК РФ).

Существует и другой аспект соотношения понятий «правонарушение» и «состав правонарушения». Само правонарушение можно рассматривать как соответствующий юридический факт, влекущий возникновение правоотношения юридической ответственности [18, с. 132; 19, с. 69]. Одновременно его возможно исследовать и как соответствующее научное понятие, которое разработала наука в результате познания факта действительности. В данном случае правонарушение будет представлять собой научную абстракцию. Таким образом, соотношение между понятиями «правонарушение» и «состав правонарушения» будет зависеть от того, что понимать под самим правонарушением – юридический факт или научную абстракцию (или законодательную формулировку). Однако в любом случае категория «состав правонарушения» выступает только как теоретическая конструкция, а не факт действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.
2. Гогин А.А. К вопросу о понятии и признаках экологического правонарушения // Вектор науки Тольяттин-

ского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. 4 (15). С. 16-20.

3. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 49-51.

4. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 47-49.

5. Пешкова О.А. Компенсация морального вреда. — М.: Ось, 2006. — С. 39.

6. Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателями. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — С. 69.

7. Андреев Ю.Н. Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. — С. 35.

8. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права / Под ред. А.В. Малько. — М.: КНОРУС, 2008. — 400 с.

9. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность в системе юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 67-70.

10. Мусаткина А.А. К вопросу о понятии вины и ее формах по Налоговому кодексу Российской Федерации // Финансовое право. 2013. № 8. С. 39-42.

11. Хачатуров Р.Л. Кровная месть во времена Русской

Правды // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 45-47.

12. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Испании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63-65.

13. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Канады // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (14). С. 47-49.

14. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Ирландии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 59-60.

15. Гогин А.А. Риск как правовая категория // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 31-35.

16. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против (часть 1) // Право и политика. 2005. № 11. — С. 9-18.

17. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве // Право и политика. 2005. № 8. С. 24-43.

18. Матузов Н.И., Малько А.В. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. и др. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Саратов, 2008. — 301 с.

19. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 69-65.

ON THE RELATION OFFENCES AND COMPOSITION OF OFFENCES

© 2014

Svyatkin M.S., ATC Stavropol region of Samara region, Inspector

Abstract: This article examines the problem of the relation of the offense and the offense. The offense is regarded as the Legal fact, as part of the offense as a theoretical construct, on the basis of which the analysis of the offense.

Keywords: corpus delicti; offense; ratio of; elements of the offense.

УДК 340.132:343 (474.3)

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В ЛАТВИИ

© 2014

Сланьке Г.В., дипл. филолог, магистр юриспруденции, докторант Юридического факультета Латвийского Университета, юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»

Латвийский Университет, Рига (Латвия)

Аннотация: Статья посвящена одному из методов дальнейшего формирования права — конкретизации общих правовых принципов, или наполнению их содержанием. Описаны теоретические аспекты этого юридического метода и исследованы его проявления в судебной практике в области уголовного права в Латвии. Поскольку общие правовые принципы в системе демократического правового государства являются правовыми нормами высшей юридической силы и их содержание нельзя определить иначе как с помощью конкретизации, правомерность этого юридического метода бесспорна. Независимо от того, улучшает или ухудшает положение виновного использование этого метода.

Ключевые слова: Дальнейшее формирование права; конкретизация, или наполнение содержанием, общих принципов права; естественное право; уголовная ответственность; уголовное законодательство.

Практические проявления дальнейшего формирования права в Латвийском уголовном праве до сих пор почти не исследованы, о них упоминается мимоходом, в особенности это относится к дальнейшему формированию права при применении правовых норм, устанавливающих составы преступных деяний. Теоретические аспекты дальнейшего формирования права, а среди них и допустимость этих методов в уголовном праве, также не удостоились большого внимания ученых. [1; 2; 3, с. 109; 4, с. 18; 5; 6, с. 140–141; 7; 8, с. 49–57] Ведь, по крайней мере, теоретически аналогия строго запрещена в уголовном праве, в свою очередь телеологической редукции и другим методам дальнейшего формирования права традиционно уделено меньше внимания. [См., напр., 9] Тем не менее в практике и в уголовном праве довольно широко проводится дальнейшее формирование права: аналогия, телеологическая редукция, конкретизация, или наполнение содержанием, неопределённых юридических понятий и общих правовых принципов.

Теорию конкретизации общих правовых принципов в латвийской юриспруденции выработала профессор Латвийского Университета, д-р юр. наук Дайга Резевска [см.: 3], но использование этого метода в уголовном праве не исследовано.

1. Теоретические аспекты конкретизации общих правовых принципов

Общими правовыми принципами являются те принципы, которые образованы из естественного права, функционируют в правовом государстве и общеприняты в конкретной правовой области, правовой системе или круге прав. Они также могут быть образованы от основной нормы правовой системы, от других общих правовых принципов или выявлены из нормативных правовых актов или из всей правовой системы в целом. Эти принципы выражают высшие ценности правовой системы, ее части или какой-либо институции и т.п. В иерархии правовых источников общие правовые принципы превалируют над письменно зафиксированными правовыми нормами, и над формальной конституцией, поэтому коллизия между принципом и записанной правовой нормой всегда разрешается в пользу принципа. [3, с. 117, 118; 10, с. 10].

Содержание принципа определяют, конкретизируя его, — в отличие от письменно зафиксированных правовых норм, содержание которых определяется с помощью интерпретации. Конкретизация, или наполнение содержанием, принципа происходит путем текстуального высказывания, чтобы потом формулировать его в структуре правовой нормы (правовую норму формирует правовой состав и правовые следствия, и ее можно выразить в форме «если..., тогда...»). Принципы каждый раз допускают вариативную конкретизацию, но эта конкретизация всегда происходит в рамках основного значения принципа, поэтому каждая конкретизация — это только один пример, заново дополняющий содержание принципа. Следовательно, полный учет таких примеров невозможен. Содержание принципов можно найти преимущественно в юдикатуре и доктрине права, но иногда и в нормативных правовых актах. [3, с. 31, 79–81; 10, с. 10]

Главнейшая методологическая линия, которую следует принять во внимание применяющему право, производя конкретизацию принципа, — эти принципы должны быть ориентированы на разумное и справедливое решение. К тому же в разъяснении содержания определяемо-

го принципа используется метод сравнения и типизации, сравнивая рассматриваемый случай с ему подобными, которые, основываясь на установленных принципах, уже разрешены в судебной практике. Таким образом относительно неопределённое содержание принципов в судебной практике все больше обогащается и конкретизируется в связи с определенными случаями или группами случаев, формируя систему образцов решений. [3, с. 87] Истинное содержание принципа в конкретное время и в конкретном месте можно узнать только анализируя судебную юдикатуру, где конкретизируется подходящая для прямого применения правовая норма, учитывая развитие правовой системы и содержание общего правового принципа, которое усовершенствовалось вместе с этой системой. [10, с. 10, сноски 4]

2. Конкретизация общих правовых принципов в уголовном праве в судебной практике

Давность уголовной ответственности не может наступить в результате неадекватных действий государственных учреждений — так конкретизируется в решении Сената департамента по Уголовным делам Верховного суда Латвийской Республики (далее — Сенат ДУД) по делу № SKK-110 от 9 апреля 2002 года [11, с. 204–207] включённое в ст.92 Сатверсме Латвийской Республики [12] (далее — Конституция) право на справедливый суд, а также принципы справедливости и правового доверия. Этим в то же время было наложено ограничение на правовую норму, которая устанавливала давность уголовной ответственности в делах частного обвинения. В этом случае конкретизация принципов и телеологическая редукция произведены не в пользу виновного, но это никому не помешало признать данное решение суда правильным. [2, с. 186; 6, с. 162; 13, с. 435–438].

Принцип недопустимости двойного наказания (*ne bis in idem* или *non bis in idem*) [14] — это международно признанный общий правовой принцип, который письменно зафиксирован и конкретизирован как в первой части ст.4 Седьмого протокола «Право не быть судимым или наказанным дважды» Европейской Конвенции по правам человека и защите основных свобод [15], так и в ст.50 «Право не быть дважды судимым или наказанным за то же самое преступное деяние» Хартии основных свобод Европейского Союза [16]. Аналогично этот вопрос разрешается и в правовой системе России [17, с. 17; 18, с. 36; 19; 20, с. 59].

В решении Сената ДУД по делу № SKK-297 от 15 июня 2004 года принцип недопустимости двойного наказания конкретизируется так: уголовное дело нельзя возбудить, а уже возбуждённое дело следует закончить, если лицо за те же самые действия уже административно наказано. [21, с. 178–183] Одновременно так было наложено ограничение на применение третьей части ст.109 Криминального закона [22] (далее — КЗ), значит, произведена телеологическая редукция соответствующей правовой нормы для того, чтобы она отвечала принципу недопустимости двойного наказания. Редуцированная норма КЗ тогда была такова: «За самовольную рубку, уничтожение или порчу деревьев, если этими действиями причинён значительный ущерб, лицу, являющееся субъектом преступного деяния, исключая лицо, административно уже наказанное за те же самые действия, — наказывают лишением свободы на срок до 10 лет или арестом, или денежным штрафом в размере до 150 минимальных месячных заработных плат».

То, что за один и тот же проступок нельзя применять

административную и уголовную ответственность, в то время вытекало и всё ещё вытекает также из второй части ст.9, второй части ст.37, 8 пункта ст.239 Латвийского Кодекса административных нарушений [23]. К сожалению, в действующем тогда кодексе уголовного процесса [24] не было сказано, что делать суду, рассматривающему уголовное дело, если к лицу за этот же самый проступок уже применено административное наказание. В пятой части ст.25 Закона об уголовном процессе «Недопустимость двойного наказания (ne bis in idem)» проблема решена так: «Если, наказывая лицо, констатируется, что ему за то же самое деяние применено административное наказание, то административное наказание необходимо отменить и принять во внимание при определении уголовного наказания».

В этом случае конкретизация принципа произошла в области уголовно-процессуального права, а не уголовного, но найденная в результате этого правовая норма наложила ограничение на применение третьей части ст.109 КЗ. Основываясь на этой норме, по делу принято оправдательное решение: подсудимый был признан невиновным в выдвинутом против него согласно третьей части ст.109 КЗ обвинении (что тогда являлось тяжким преступлением) и оправдан в суде. Такой результат был благоприятен для совершившего преступное деяние.

Поскольку общие правовые принципы в правовой системе демократического правового государства являются правовыми нормами высшей юридической силы и их содержание нельзя определить иначе как с помощью конкретизации, правомерность этого юридического метода бесспорна. Независимо от того, улучшает или ухудшает положение виновного использование этого метода. В противном случае, например, были бы грубо нарушены интересы пострадавшего, его право на справедливый суд, а также принципы справедливости и правового доверия. Потому что пришлось бы признать, что наступила давность уголовной ответственности и пострадавший необратимо утратил своё право по вине неадекватности действий государственного учреждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зейтманис М. Проблемы разграничения толкования правовых норм и дальнейшего формирования права (I) // Ликумс ун Тиесибас. — 2004, май, 6 вып. — №5 (57).
2. Зейтманис М. Проблемы разграничения толкования правовых норм и дальнейшего формирования права (II) // Ликумс ун Тиесибас. — 2004, июнь, 6 вып. — №6 (58).
3. Ильянова Д. Значение и применение общих правовых принципов. — Рига: Ratio iuris, 2005.
4. Снiedzите Г. Толкование правовых норм *praeter legem*. Доступен: http://www.evershedsbitans.com/media/Sniedzite_Praeterem_legem_I.pdf (обозрено 24.08.2012).
5. Снiedzите Г. Толкование правовых норм *praeter legem* (II) // Ликумс ун Тиесибас. — 2005, ноябрь, вып.7. — №11 (75).
6. Нейманис Я. Дальнейшее формирование права. — Рига: Латвияс Вестнесис, 2006.
7. Хамкова Д., Лихолая В. Понимание существенного ущерба: закон, теория, практика // Юриста Вардс, 2012, 10 янв. — №2 (701).
8. Крастиныш У. О понятиях оценки в уголовных правовых нормах // Крастиныш У. Теория и практика уголовного права: мнения, проблемы и решения. 1998—2008. — Рига: Латвияс Вестнесис, 2009.
9. Нейманис Я. Телеологическая редукция: малоизвестный в Латвии метод дальнейшего формирования права // Гармонизация права в регионе Балтийского моря на рубеже 20—21 столетий. — Рига: Юридический факультет Латвийского Университета, 2006.
10. Резевска Д. Конкретизация содержания и развитие принципа правового доверия в юдикатуре // Политика и право. Долгосрочное развитие права и юридической практики. Сборник статей. Третий Международный объединённый конгресс латышских учёных и Четвертый конгресс Летоники. — Рига: Академическое книгоиздательство Латвийского Университета, 2012.
11. Решение Сената департамента по Уголовным делам Верховного суда Латвийской Республики по делу № SKK-110 от 9 апреля 2002 года // Решения Сената департамента по Уголовным делам Верховного суда Латвийской Республики 2002. — Рига: Латвийский Учебный центр судей, 2003.
12. Сатверсме (Конституция) Латвийской Республики: Закон ЛР // Латвияс Вестнесис. — 1993, 1 июля. — №43.
13. Крастиныш У., Лихолая В., Ниедре А. Уголовное право. Общая часть. Третье дополненное издание. Крастиныш У. (науч. ред.). — Рига: Агентство зданий судов, 2008.
14. Крастиныш У. Non bis in idem или ne bis in idem // Юриста Вардс. — 2012, 21 февр. — №8 (707).
15. Европейская Конвенция по правам человека и защите основных свобод: международный договор ЛР // Латвияс Вестнесис. — 1997, 13 июня. — №143/144.
16. Лиссабонский договор, изменивший Договор о Европейском Союзе и Договор об основании Европейского Сообщества: Договор Европейского Союза // Латвияс Вестнесис. — 2008, 28 мая. — №82.
17. Воробьева О.А., Станкин А.Н. Публичная власть в России: проблемы теории и практики. М.: Nota Bene, 2010.
18. Станкин А.Н. Конституционность и законность как проявления верховенства Конституции и закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2007. № 1. С. 36-42
19. Лучков В.В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 42-44.
20. Хачатуров Р.Л. О законности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 3. С. 59-63.
21. Решение Сената департамента по Уголовным делам Верховного суда Латвийской Республики по делу № SKK-297 от 15 июня 2004 года // Решения Сената департамента по Уголовным делам Верховного суда Латвийской Республики 2004. — Рига: Латвийский Учебный центр судей, 2005.
22. Криминальный закон: закон ЛР // Латвияс Вестнесис. — 1998, 8 июля. — №199/200.
23. Латвийский Кодекс административных нарушений: закон ЛР // Латвияс ПСР Аугстакас Падомес ун Валдибас Зинётайс. — 1984, 20 дек. — №51.
24. Латвийский Уголовно-процессуальный кодекс: закон ЛР. Доступен: <http://www.likumi.lv/doc.php?id=90971&from=off> (обозрено 28.08.2012).

Работа выполнена при содействии Европейского Социального фонда в рамках проекта «Поддержка развития докторантуры Латвийского Университета».

CONCRETIZATION OF GENERAL PRINCIPLES OF LAW IN CRIMINAL LAW IN LATVIA

© 2014

Slanke G., certific. philol., Master of Law, doctoral student in University of Latvia, Faculty of Law,
lawyer in advocate office «Centrs»
University of Latvia, Riga (Latvia)

Annotation: The article is dedicated to one of the methods of further law-making – concretization or fulfilling with content of general principles of law. There are described the theoretical aspects of this legal method and investigated its practical manifestation in the judicial decisions in criminal law in Latvia. In the legal system of the democratic rule of law based state general principles of law are legal norms with the highest judicial power and the content of these principles can be defined only with concretization, therefore legality of this method is undoubted. This method is applicable regardless of whether it improves or worsens offender's status.

Keywords: Further law-making, concretization or fulfilling with content of general principles of law; natural rights; criminal liability; legislation in criminal law.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

© 2014

Снежко А.С., помощник депутата Думы г.о Тольятти.

Аннотация: в статье исследуются юридическая ответственность как гарантия защиты прав человека, исходя из ее широкого двухаспектного понимания. Особое внимание обращается на неотвратимость юридической ответственности как гарантию защиты прав потерпевшей стороны

Ключевые слова: юридическая ответственность; гарантия защиты; неотвратимость юридической ответственности; права человека.

В Конституции Россия провозглашена правовым государством, в котором права человека являются высшей ценностью, а защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Следует отдать должное государственной власти, различным политическим институтам общества, которые за период реформ сделали очень и очень многое, для того, чтобы права человека были реально действующими и эффективно защищались при помощи различных правовых средств [1, с. 36; 2, с. 134; 3, с. 17].

Однако до настоящего времени наше государство находится еще очень далеко от идеала правового, а многие права человека носят декларативный характер и не снабжены социально-юридическими механизмами реализации, либо являются экономически не обеспеченными [4, с. 13].

Проблематика защиты прав человека неизбежно связана с государственным принуждением, юридическими мерами защиты, юридической ответственностью и иными государственно-правовыми средствами, которые не всегда эффективно действуют. Государство не всегда в состоянии защитить права человека, т.е. выполнить свою непосредственную конституционную обязанность. Между тем именно степень защищенности прав человека выступает одним из важнейших показателей, на основе которого определяют на сколько приблизилось госу-

дарство к идеалу правового государства.

Проблематика государственных гарантий защиты прав человека состоит в том, что они (гарантии) неизбежно связаны с деятельностью властных органов (суд, прокуратура, полиция и т.п.), которые сами могут выступать в качестве субъектов, нарушающих данные права. Это осложняет сам процесс защиты прав человека и подрывает авторитет государства в общественном сознании граждан и на международной арене

Создание эффективной государственных гарантий защиты прав человека признается важной проблемой и на международном уровне, а состояние защищенности прав человека влияет на уровень авторитета государства в международном сообществе [5, с. 24; 6, с. 70].

«Юридическая ответственность является важной гарантией защиты прав человека. Она обладает рядом специфических признаков, которые позволяют выделять ее среди других видов социальной ответственности и смежных правовых категорий: основывается на правовых нормах, формально определена и обладает четкостью, детализированностью и общеобязательностью; гарантируется государством; обеспечивается государственным принуждением или убеждением и поощрением; своими последствиями влечет государственное одобрение, по-

ощрение или осуждение и наказание; осуществляется в процессуальной форме» [7, с. 10].

«Юридическая ответственность - это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения - обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация» [8, с. 11].

Гарантирующая роль мер юридической ответственности связана прежде всего с их превентивным («воспитательным») действием, поскольку применение мер принуждения за совершенные противоправные деяния предполагает неблагоприятные воздействия для виновного лица, что должно предотвратить подобное поведение в будущем со стороны как иных лиц (общая превенция), так и самого нарушителя (частная превенция). При этом, как верно отмечает Р.О. Халфина, «меры ответственности оказывают воспитательное воздействие, если они применяются при наличии вины. Когда противоправность поведения не зависела от воли лица или лицо не имело умысла и не допустило неосторожности, а правонарушение произошло по причинам, находящимся вне его власти, то установление ответственности за такое правонарушение не выполняло бы воспитательной функции» [9, с. 335].

Что касается компенсационной функции юридической ответственности, то этот аспект в сфере материально-правовых гарантий защиты прав человека, к сожалению, в рамках российского правового порядка развит явно недостаточно. Основная нагрузка по возмещению вреда, причиняемого нарушениями прав и свобод человека, ложится на институт гражданско-правовой ответственности. Однако его нельзя отнести к государственным гарантиям, поскольку инициатором применения таких мер ответственности выступает лицо, пострадавшее от нарушений. Что касается уголовной и административной ответственности, то она имеет главным образом карательную направленность; непосредственного восстановления нарушенных прав или возмещения причиненного вреда эти виды ответственности не обеспечивают, поскольку потерпевший в них не является непосредственным субъектом материально-правовых отношений.

К государственным гарантиям защиты прав человека относится не только применение мер юридической ответственности, но и институты освобождения и исключения ответственности и наказания; в частности, положения уголовного законодательства, касающиеся необходимой обороны и «крайней необходимости», могут рассматриваться в качестве государственной гарантии права человека на самозащиту» [10, с. 152].

Юридическую ответственность как гарантию невозможно понять без взаимной ответственности субъектов общественных отношений, которая проявляется между гражданами, между государством и гражданами, между юридическими лицами, между гражданами и юридическими лицами. В регулятивном правоотношении правам, обязанностям и ответственности одного субъекта должны корреспондировать права, обязанности и ответственность другого субъекта. В правовом государстве субъекты правовых отношений должны быть связаны

взаимной ответственностью. Правомерное поведение должно быть неотвратимо обеспечено как для граждан, так и для государства. Само правомерное поведение выступает как следствие действия принципа неотвратимости [11, с. 152].

Регулятивное, превентивное, воспитательное воздействие юридической ответственности вытекает из принципа неотвратимости и обеспечивается принципом неотвратимости юридической ответственности. Превентивная и воспитательная функции юридической ответственности, с одной стороны, сами обусловлены неотвратимостью юридической ответственности, а с другой стороны, они направлены на обеспечение неотвратимости реализации юридических обязанностей. В этих функциях сочетаются способы убеждения и принуждения, которые направлены на обеспечение исполнения обязанностей, а следовательно, и ответственности.

Гарантии выражаются в неотвратимости юридической ответственности, которые могут заключаться в обязанности государства реагировать на правонарушение; обязанности государства привлекать правонарушителя к ответственности; обязанности правонарушителя претерпеть неблагоприятное воздействие в виде осуждения, лишения личного и имущественного характера [12, с. 123].

Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства. Эта реакция выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений [13, с. 63]. Кара как неотвратимая реакция осуществляется не сама ради себя, а ради другого аспекта неотвратимости - чтобы в будущем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей. Этому способствуют также осуществляемые одновременно с карательной и восстановительной функциями воспитательная и частнопредупредительная функции, т.к. одна кара не может обеспечить неотвратимость юридической ответственности [14, с. 152; 15, с. 22]. При этом сочетание карательной и функции с иными функциями юридической ответственности характерно не только для отечественной, но и для зарубежных правовых систем [16, 17, 18].

Многие виды карательного воздействия неизбежно соединены с воспитательным воздействием на правонарушителя. Конечно, в широком смысле любое карательное воздействие сочетается с воспитательным воздействием на правонарушителя, но при реализации некоторых мер юридической ответственности на правоприменителя возлагается обязанность по специальному воспитательному воздействию на правонарушителя. «Так, одним из принципов уголовно-исполнительного права является соединение наказания с исправительным воздействием и поощрением (ст. 8 УИК РФ)» [19, с. 46]. Сотрудники исправительных колоний, уголовно-исполнительной инспекции обязаны осуществлять моральное, правовое, спортивное, культурное, общее воспитание осужденных. Неотвратимость должна проявляться не только в негативной реакции государства, но и в воспитательном воздействии на правонарушителя. При осуществлении карательной функции юридической ответственности неизбежно происходит ограничение разнообразных прав и интересов правонарушителя, а соответственно, и возможностей для совершения новых правонарушений. Следовательно, происходит обеспечение неотвратимости осуществления частнопредупредительного воздействия на правонарушителя [20, с. 152].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Станкин А.Н. Конституционность и законность как проявления верховенства Конституции и закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2007. № 1. С. 36-42.
2. Станкин А.Н. К вопросу о понятии законности // Научные исследования и разработки: Право. 2013. Т 1. № 3 (3). С. 134-139.
3. Станкин А.Н. О некоторых проблемах реализации принципа приоритета федерального закона в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 17-20.
4. Воробьева О.А., Станкин А.Н. Публичная власть в России: проблемы теории и практики. – М.: Nota Bene, 2010.
5. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве. – Тольятти: ИИП «Акцент» 1996.
6. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве // Право и политика. 2005. № 8. С. 24-43.
7. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 69-75.
8. Черных Е.В., Липинский Д.А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Право и политика. 2005. № 3. С. 10-18.
9. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против (часть 1) // Право и политика. 2005. № 3. С. 9-18.
10. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 335.
11. Хачатуров Р.Л. Крайняя необходимость в праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 152-156.
12. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права. Учебник. Ответственный редактор А.В. Малько. – М.: Кнорус, 2011. – 400 с.
13. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. – М.: Инфра-М, 2013. – 138 с.
14. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.
15. Жильцов С.В. О соотношении преступления и наказания в виде убийства и смертной казни // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2 (13). С. 22-24.
16. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Испании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63-65.
17. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Канады // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (14). С. 47-49.
18. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Ирландии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 59-60.
19. Матузов Н.И., Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. и др. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов: СГАП, 2008.
19. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Функционирование системы юридической ответственности. – М.: DirectMEDIA, 2013. – 670 с.

TO THE QUESTION OF LEGAL RESPONSIBILITY AS GUARANTEES OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

© 2014

Snezhko A.S., aide to the Deputy of the Duma of G.O. Togliatti.

Annotation: This article examines the legal responsibility to ensure human rights protection, based on its wide two-pronged understanding. Particular attention is drawn to the certainty of legal responsibility as a guarantee of protection of the rights of the injured party.

Keywords: legal responsibility; the guarantee of protection; the inevitability of legal responsibility; human rights.

УДК 67

К ВОПРОСУ О ВЕРХОВЕНСТВЕ ЗАКОНА КАК ПРИНЦИПЕ ЗАКОННОСТИ

© 2014

Станкин А.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинского государственного университета, Россия

Аннотация: в данной статье рассматривается один из базовых принципов законности – принцип верховенства закона.

Ключевые слова: закон, конституция, федерализм, законность, правовое государство.

Нормальное функционирование правовой системы, уважение к закону – необходимые условия существования современной государственности. Несомненно, верховенство закона является ключевой предпосылкой модернизации России. Однако заложенный в Конституции РФ 1993 г. принцип верховенства федерального закона все еще далек от реализации.

Сегодня в России принимается огромное количество законов. Будучи Председателем нижней палаты российского Парламента, Б.В. Грызлов, подводя итоги законотворческой деятельности в 2010 г., с гордостью заявлял, что за прошедший год принято рекордное количество законов [1]. Однако большинство законодательных актов, как правило, законы о поправках.

На прошедшей 16 марта 2012 г. научно-практической конференции «Актуальные вопросы действия закона во времени в свете гуманизации уголовного законодательства: доктрина и практика» Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отметил, что за 15 лет с момента принятия действующего Уголовного кодекса РФ в него было внесено более 3000 изменений и дополнений, причем новые поправки вносятся в уголовный закон бессистемно и с многочисленными нарушениями [2]. Это негативно отразилось на качестве законодательства и правоприменительной практики.

К сожалению, мы наблюдаем множество нарушений процедуры принятия законов в представительных органах государственной власти и даже в Государственной Думе РФ. Зачастую после первого, а то и после второго чтения закон возвращается с совершенно иной концепцией по сравнению с той, которую закладывали его авторы. Подобные радикальные изменения в законопроектах производятся без извещения субъекта законодательной инициативы, без проработки финансового обоснования. Все это приводит к неопределенности судебной практики, что оборачивается прямым ущемлением гражданских прав и свобод человека и гражданина [3].

Очевидно, что необходимо принять меры по упорядочению и систематизации законотворческой деятельности. Такие эпитеты, как «кампанейщина», «точечное принятие» законов, характеризуют сегодняшнюю законотворческую деятельность. В связи с этим в последнее время все чаще говорят о необходимости общегосударственной программы законотворчества [4]. Такая программа позволила бы исключить неоправданное отсутствие одних законов и наличие других, исключить несогласованность и противоречие нормативного массива, повысить качество подготавливаемых актов. Целесообразно принять подобную программу на весь пятилетний срок деятельности Государственной Думы.

Основной курс законопроектной деятельности задает Президент РФ, главным образом, посредством посланий Федеральному Собранию РФ. Однако, как показывает недавняя история, он не всегда бывает последовательным в своих законодательных инициативах. Пример тому – резкое сокращение численности политических партий в 80 раз (с 40000 до 500 членов) [5].

Практика закрытого «келийного» принятия законов весьма отрицательно влияет как на авторитет закона, так и на авторитет самой власти. Необходимо более активно подключать общественность к обсуждению законодательных актов.

Постановлением Правительства РФ от 22 февраля

2012 г. N 159 были утверждены Правила проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов. Согласно данному документу, департамент Правительства Российской Федерации, к сфере ведения которого относятся вопросы, регулируемые законопроектом, в 2-дневный срок со дня поступления законопроекта в департамент-исполнитель направляет его в организацию, отобранную в соответствии с законодательством Российской Федерации с целью проведения общественного обсуждения, для организации проведения общественного обсуждения данного законопроекта. Как правило, общественное обсуждение законопроектов проводится однократно в срок, не превышающий 30 дней.

По результатам общественного обсуждения законопроекта оператор представляет в Правительство Российской Федерации отчет, включающий анализ поступивших в ходе общественного обсуждения замечаний и предложений. Департамент-исполнитель проводит анализ отчета и готовит предложения о представлении законопроекта в установленном порядке на рассмотрение Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности либо о его возвращении в соответствующий федеральный орган исполнительной власти на доработку с учетом замечаний и предложений, поступивших в ходе общественного обсуждения. Федеральный орган исполнительной власти повторно вносит доработанный законопроект в установленном порядке в Правительство Российской Федерации. При этом к законопроекту помимо материалов, указанных в п. 84 Регламента Правительства Российской Федерации, прилагается справка об учете замечаний и предложений, поступивших в ходе общественного обсуждения (в случае отказа от их учета – с указанием причин принятия такого решения) [6].

Данное Постановление Правительства РФ – позитивный шаг по учету мнения населения. Однако на сегодняшний день не принят закон либо иной акт, определяющий порядок отбора организации для проведения общественных слушаний.

Правительству России – не единственный субъект законодательной инициативы. Этим правом обладают также Президент Российской Федерации, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, законодательные (представительные) органы российских субъектов. Право законодательной инициативы принадлежит также высшим судам Российской Федерации по вопросам их ведения (ст. 104 Конституции РФ). На наш взгляд, необходимо принять Федеральный закон «О порядке проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», где определить единые правила для всех субъектов законодательной инициативы по организации и проведению общественного обсуждения проектов федеральных законодательных актов.

Рассматривая дела о конституционности правовых актов, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал (Постановления от 11 ноября 2003 г. N 16-П, от 6 апреля 2004 г. N 7-П, от 14 ноября 2005 г. N 10-П и др.), что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования вытекает из конституционных принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед зако-

ном, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями.

Неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению принципов равенства и верховенства закона [7].

Отдельная проблема - проблема исполнения судебных решений. Вступившие в законную силу акты федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, согласно ч. ч. 1 и 2 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации; неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду, влечет ответственность, предусмотренную федеральным законом [8]. Эти требования корреспондируют ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, провозгласившей обязанность государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты, а также п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в его интерпретации Европейским судом по правам человека.

Так, в Постановлении от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) указано, что право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон; исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «суда» [9].

Усмотрев в деле «Бурдов против России» (Burdov v. Russia) от 15 января 2009 г. нарушение положений ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, согласно которой каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности и никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права, Европейский суд по правам человека по данному делу пришел к выводу, что, не исполнив решение суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить, нехватка же средств не может служить тому оправданием [10].

Кроме того, Европейский суд по правам человека особо отметил, что нарушение «права на суд» может также приобрести форму задержки исполнения решения; при этом не каждая задержка в исполнении решения суда представляет собой нарушение «права на суд», а лишь такая, которая искажала бы саму суть данного права, гарантируемого ст. 6 Конвенции (Постановление от 18 ноября 2004 г. по делу «Вассерман против России» (Wasserman v. Russia) и др.) [11].

Сегодня в условиях развитых информационных технологий сложно скрыть случаи беззакония и произвола. Таковые моментально становятся известными не только в России, но и во всем мире. И это негативным образом отражается на престиже нашего государства, в том числе на инвестиционном климате. Иностраный бизнес

боится вкладывать деньги в экономику России [12]. Граждане теряют доверие к власти, устраивают разного рода акции протеста, совершают самосуд и др. [13]

Верховенство закона означает стабильность, предсказуемость, защищенность. Утверждение данного принципа - жизненно важная задача современной России. Однако приоритет закона невозможен без государственных усилий, активного взаимодействия граждан, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грызлов записался в стахановцы // URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/613545> (доступ: 15 марта 2012 г.).
2. URL: <http://pravo.ru/review/view/70000> (доступ: 23.03.2012).
3. URL: <http://pravo.ru/review/view/70000> (доступ: 23.03.2012).
4. Станкин А.Н. Конституционность и законность как проявления верховенства Конституции и закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2007. № 1. С. 36-42; Говердовский Ю. За единое правовое пространство. Местное законодательство // Парламентская газета. 2006. 17 апреля; Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. N 12. С. 19 - 29.
5. Федеральный закон от 28.04.2009 N 75-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» в связи с поэтапным снижением минимальной численности членов политических партий» // Собрание законодательства РФ. 2009. N 18 (ч. 1). Ст. 2155; Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. N 28-ФЗ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // Российская газета. 2012. 4 апреля.
6. Российская газета. 2012. 2 марта.
7. См., напр.: Зорькин В.Д. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации. Решения, проблемы и перспективы: интервью // URL: <http://www.kadis.ru/daily/?id=67567> (доступ 20.03.2012); Колошин Е.И. О квазисуществовании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 3. С. 55 - 60.
8. Колесников Е.В., Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы. Саратов, 2008.
9. Российская газета. 2002. 4 июля.
10. Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. N 4. С. 79 - 106.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 N 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. N 4.

12. Резолюция Европарламента от 17 февраля 2010 г. «Верховенство закона в России» // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2011-0066&language=EN&ring=P7-RC-2011-0101> (доступ: 26.03.2012); Браудер Билл. Сергей Магнитский и верховенство закона в России // The Wall Street Journal. 2012.

24 января; Стефан Вэгстил (Stefan Wagstyl) Россия, Давос и верховенство закона // The Financial Times (Великобритания). 2012. 28 января.

13. Булаев А.Н. Единство российского законодательства как фактор совершенствования правоприменительной практики // Правовая политика и правовая жизнь. №2(51) 2013. С. 126-130.

THE QUESTION OF THE RULE OF LAW AS PRINCIPLE OF LEGALITY

© 2014

Stankin A.N., candidate of legal Sciences,
associate Professor of the Department «Theory of state and law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: This article describes one of the basic principles of legality - the rule of the Constitution and federal law.

Keywords: law, constitution, federalism, rule of law, constitutional state.

УДК 67

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЗАКОНА ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ

© 2014

Станкин А.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинского государственного университета, Россия

Аннотация: Для проведения реформ в социально-экономической и политической сферах необходимо наличие качественного, внутренне согласованного законодательства. Сегодня большое количество принимаемых нормативных правовых актов в России не отвечает данным критериям, что обуславливает такое явление, как юридическая коллизия.

Ключевые слова: закон, верховенство закона, правотворчество, коллизия, правовое государство, законность.

В России действует большое количество законов, иных нормативных актов, многие из которых попросту не работают, а другие то и дело вступают в противоречия друг с другом [1]. Нерешенность указанных вопросов обуславливает такое явление, как юридическая коллизия.

Под юридическими коллизиями понимаются расхождения или противоречия между отдельными нормативно – правовыми актами, регулируемыми одни и те же смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий [2].

Безусловно, юридические коллизии негативно сказываются на эффективности правового регулирования, состоянии законности и правопорядка, правосознании и правовой культуре общества. Они порождают серьезные проблемы в правоприменительной деятельности, затрудняют пользование законодательством, культивируют правовой нигилизм. Поэтому предупреждение, локализация этих аномалий или их устранение является важнейшей задачей юридической науки и практики.

Причины юридических коллизий носят как объективный, так и субъективный характер. К объективным,

в частности, относятся: противоречивость, динамизм и изменчивость регулируемых правом общественных отношений. Немаловажную роль играет отставание («старение», «консерватизм») права, которое обычно не поспевает за течением реальной жизни [3]. К субъективным причинам коллизий относят такие, которые носят «рукотворный» характер, т.е. зависят от воли и сознания людей – политиков, законодателей, служащих. Это, например, низкое качество законов, пробелы в праве, непродуманность или слабая координация правотворческой деятельности, отсутствие должной правовой культуры, правовой нигилизм, экономические проблемы, социальная напряженность, политическая борьба, не учитывается общественный фактор в законотворчестве и др., словом – общий коллизионный морально-психологический климат в обществе [4].

Особые нарекания вызывает низкое качество законов. Такое явление объясняется многими факторами. Это, не в последнюю очередь, весьма слабая, а в большинстве своем – вовсе отсутствующая специальная правовая подготовка отечественных законодателей – депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. Одной из причин невысокого качества законов

является слабая взаимосвязь науки, судебной практики и законодательской деятельности. Не обеспечивается должная взаимосвязь судебной практики с законопроектной работой [5].

Думается прав Ю.А. Тихомиров в том, что успешное решение проблемы качества законов во многом зависит от развития и эффективного использования законодательной техники. Недооценка и упрощение ее приводит к многочисленным законодательным и правоприменительным ошибкам [6].

В последнее время все чаще говорят о необходимости общегосударственной программы законотворчества. Она позволила бы исключить неоправданное отсутствие одних законов и наличие других, исключить несогласованность и противоречие нормативного массива, повысить качество подготавливаемых актов. Целесообразно принять подобную программу на весь пятилетний срок деятельности Государственной Думы [7].

Несоответствие региональных законов Конституции РФ и федеральным законам, в том числе вторжение субъектов в сферу исключительного ведения Российской Федерации, ограничение конституционных прав и свобод граждан, стало распространенным явлением, особенно в 90-х годах. В ряде случаев это вызвано экономическими и иными проблемами регионов, несовершенством федерального законодательства. Нередко проблема упирается в то, что до сих пор не завершено разграничение компетенции между федеральным центром и субъектами Федерации. Последние на свой страх и риск принимают правовые акты, не совпадающие с федеральными законами. Нельзя сбрасывать со счетов и амбиции региональных элит, особенно в вопросах, связанных с регулированием финансовых потоков и материальных ресурсов [8].

Юридические коллизии крайне разнообразны по своему содержанию, характеру, иерархии, социальной направленности, отраслевой принадлежности, формам выражения и способам решения.

В литературе выделяют следующие группы юридических коллизий: коллизии между нормативными актами или отдельными правовыми нормами; коллизии в правотворчестве (бессистемность, дублирование, издание взаимоисключающих актов); коллизии в правоприменении (разной в практике реализации одних и тех же предписаний, несогласованность управленческих действий); коллизии полномочий и статусов государственных органов, должностных лиц, других властных структур и образований; несогласованность целей (когда в нормативных актах разных уровней или разных органов закладываются противоречащие друг другу, а иногда и взаимоисключающие целевые установки); противоречия между национальным и международным правом [9].

Однако на практике возможны случаи, когда акты толкования нормативных правовых актов будут противоречить самим актам, ввиду чего к указанному перечню, полагаем, следует добавить еще один вид – коллизии между нормативными правовыми актами и актами толкования.

В современной юридической литературе называется целый ряд способов преодоления коллизий в праве. Так, Н.И. Матузов считает, что, в целом, способами разрешения коллизий являются: толкование; принятие нового акта; отмена старого; внесение изменений или уточнение в действующие; судебное, административное,

арбитражное и третейское разбирательство; систематизация законодательства, гармонизация юридических норм; переговорный процесс, создание согласительных комиссий; конституционное правосудие; оптимизация правопонимания, взаимосвязи теории и практики; международные процедуры [10].

Со сказанным в целом можно согласиться, но только с двумя оговорками. Надо расшифровать взаимосвязь теории и практики, это очень широкая характеристика. Не понятно, о каких международных процедурах идет речь.

Процесс реализации законов не возможен без уяснения его смысла правоприменителем. Это обуславливает необходимость единообразного понимания права [11]. Смысл закона в целом и его отдельных положений воспринимается, естественно, разными людьми неодинаково. По-разному, например, трактуется современное законодательство о налогах, собственности, предпринимательстве. Сама Конституция вызывает далеко не одинаковые оценки с точки зрения её общей концепции и степени легитимности [12].

Как справедливо отмечается в литературе, институт толкования у нас до сих пор не уделялось должного внимания. Однако есть необходимость в развитии этого направления правоведения и в подготовке общих правил толковательной деятельности. Это приведёт к эффективности толкования закона, устранению коллизий и как следствие повышению уровня законности в стране [13].

О.Е. Кутафин справедливо отмечает, что серьезным препятствием на пути утверждения верховенства федерального закона были и до сих пор остаются издержки ведомственного, регионального и местного нормотворчества [14].

Реальному утверждению принципа верховенства препятствует внутренняя несогласованность самого законодательства. До сих пор не определено место таких нормативных актов, как кодекс и основы законодательства. Многие вопросы можно было бы решить в Федеральном законе «О нормативно-правовых актах», однако, ни один из составов Российского парламента так и не решился принять его. Тем не менее, его актуальность более чем очевидна [15].

Правовое поле Российской Федерации, отмечается в литературе, – можно считать к настоящему времени в основном сложившимся [16]. Однако, необходима ревизия всей законодательной базы. Министерством юстиции планируется провести проверку всего законодательства Российской Федерации на предмет качества, но конкретные сроки окончательно не определены [17].

В настоящее время противоречивость российского конституционного законодательства по вертикали существенно ослабла. Это связано с энергичными действиями органов государственной власти и органов государственной власти большинства субъектов по устранению имеющихся в региональном законодательстве противоречий [18]. Однако проблема не исчезла, существуют законодательные акты субъектов, противоречащие федеральным законам.

Еще в 1996 году Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ разработан проект модельного закона «О нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации» [19]. Учитывая положение дел в системе регионального законодательства повсеместное принятие подобного акта позволило бы решить ряд крупных проблем в этой сфере.

Заслуживают самого пристального внимания инициативы о принятии Федерального закона «О федеральном вмешательстве» [20]. Принятие закона позволит предотвратить ряд возможных конфликтов между федеральным Центром и регионами. Поэтому надо вести работу по его подготовке и введению в действие.

Вместе с тем, в публикациях последнего времени ученые небезосновательно все чаще «бьют тревогу» о другой опасности - чрезмерной централизации России [21]. Отлучение регионов от решения их проблем, игнорирование их интересов — угроза существования федеративного государства.

Некоторые исследователи выступают за активное использование Основ законодательства по каждому или большинству предметов совместного ведения. При этом предлагается установить комплекс законодательных мероприятий, регламентирующих механизм формирования Основ законодательства с участием всех субъектов Федерации, поскольку иначе регионы России не смогут реально участвовать в практическом осуществлении сфер совместного ведения [22]. Это весьма актуально, тем более, что первые российские Основы были приняты еще в 1992 г.

Представляется справедливым мнение Штейн Н.А. в том, что согласование федерального и регионального законодательства — это активность органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, проявляющаяся в детализации предписаний нормативных правовых актов РФ в положениях актов субъектов, а также в учете мнения российских субъектов при разработке и принятии федеральных нормативных правовых актов [23].

Думается, в современных условиях необходимы более гибкие способы разрешения разногласий между Федерацией и субъектами. Речь идет о согласительных процедурах. О необходимости использования согласительных процедур было указано еще в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 сентября 1993 г. [24, 25, 26]

Проблема устранения коллизий между конституционно-правовым законодательством Федерации и ее субъектов все еще не теряет свою актуальность, хотя в этом направлении ведется большая и целом плодотворная работа. Примеры тому — деятельность Конституционного Суда РФ, полномочных представителей Президента России в федеральных округах, прокуратуры, Министерства юстиции РФ.

Устранение коллизий в праве - важное условие становления России как современного федеративного, демократического и правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2003. С. 361.
3. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 19; Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов. 1995. С. 32-33.
4. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Государство и право. 1994. № 2. С. 3-16; Лучин В.О. Социально-психологические факторы реализации Конституции // Диалог.

2000. № 6. С. 14-16; Авакьян С.А. Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 11-12.

5. Законодательная техника: Научно-практическое пособие/ Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 4; Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. С. 144-145; Лебедев В.М. Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство России в XXI веке: По материалам научно-практической конференции. М., 2002. С. 51 — 64; Лукьянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов. 2003. С. 40; Иванов А.А. Качество законов и деятельность арбитражных судов // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 3-9; Зиновьева М.Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1999. С. 14 и др.

6. Законодательная техника: Научно-практическое пособие. С. 4.

7. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19-29.

8. Говердовский Ю. За единое правовое пространство. Местное законодательство // Парламентская газета. 2006. 17 апреля.

9. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М., 1994. С. 78; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2003. С. 367-368.

10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. С. 373-374.

11. Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3-14; Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. 2005. № 12 (72). С. 143 — 151.

12. Малько А.В. О необходимости конституционно-правовой политики в современной России/ Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (К 10-летию Конституции России): Международная научно-практическая конференция (1 — 3 октября 2003 г.): В 3 ч. Саратов, 2003. Ч. 1. С. 49-51; Полянский В.В. Стратегические цели публичной власти и совершенствование Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. — Саратов, 2004. — Вып. 5. С. 43-49 и др.

13. Хабриева Т.А. Толкование Конституции РФ: теория и практика. М., 1998; Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003; Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина на VI съезде судей // Материалы VI съезда судей // Российская юстиция. 2005. № 1-2. С. 13.

14. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 68.

15. См.: Станкин А.Н. Верховенство федерального закона в Российской Федерации: конституционные вопросы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007; Юртаева Е.А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Закон. 2006. № 5.

16. Манохин В.М. Организация правотворческой деятельности в субъектах Российской Федерации. Саратов. 2002. С. 235.

17. Минюст формирует единое правовое пространство // Независимая газета. 2000. 27 мая; Чайка Ю.Я. Урок правописания. Минюст приступает к масштабной экспертизе всей правовой базы России: интервью // Российская газета. 2005. 22 июля.

18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации на 2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апреля. См. также: Аничкин Е.С. Конституционное законодательство Российской Федерации: причины, типология случаев и пределы неоднородности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 15-16.

19. Законы области как субъекта Российской Федерации: Сборник / Под. ред. Ю.А. Тихомирова. Воронеж. 1996. С. 70-81.

20. Авакьян С.А., Арбузкин А.М., Аринин А.Н. Федеральное вмешательство: концепция и проект федерального закона // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2000. № 6; Барциц И.Н. Институт федерального вмешательства: потребность в разработке и система мер // Государство и право. 2000. № 5. С. 21-30; Государственное единство и целостность Российской Федерации: конституционно-правовые проблемы / Отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2005. С. 305 – 370.

21. Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы. Материалы научно-практической конференции. Москва, 7-9 апреля 2005 г./ Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2000. С. 9; Полянский В.В. Полномочия парламента субъекта Российской Федерации в области законодательства: современные проблемы // Парламентаризм в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспек-

тивы развития: (к 100-летию учреждения Государственной Думы России): Материалы науч.-практ. конф. (г. Саранск, 2 - 3 марта 2006 г.) / Под ред. И.Г. Дудко. Саранск. 2006. С. 70 – 72; Законодательство субъектов Российской Федерации: установления и реальность: сборник научных трудов / Отв. ред. А.Ф. Малый. Архангельск, 2006. С. 101.

22. Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории). С. 33; Колесников Е.В. Источники российского конституционного права. С. 46 – 49; Шварц Л.В. Соотношение общедоинственного и регионального законодательства: вопросы теории и практики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2003. С. 9, 19.

23. Штейн Н.А. Обеспечение соответствия учредительных и иных нормативных правовых актов субъектов РФ Конституции Российской Федерации и федеральным законам: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005. С. 19.

24. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 сентября 1993 г. «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 15 августа 1992 г. «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 4-5.

25. А.В. Малько, Е.М. Терехов. Судебная правоинтерпритационная политика // Правовая политика и правовая жизнь. № 1(50) 2013. С. 56-60.

26. Жевак И.Н. Толкование права как инструмент правовой политики в арбитражном процессе // Правовая политика и правовая жизнь. № 1(50) 2013. С. 70-76.

THE QUESTION OF THE MEANING OF THE LAW FOR THE RIGHT RESOLVING CONFLICTS

© 2014

Stankin A.N., candidate of legal Sciences,
associate Professor of the Department «Theory of state and law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: For reforms in the socio-economic and political spheres, you must have quality, internally consistent legislation. Today, a large number of regulatory legal acts adopted in Russia does not meet these criteria, resulting in the phenomenon of legal conflict.

Keywords: law, rule of law, law-making, conflict, legal state, legality.

УДК 340

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Степанова В.В., аспирант кафедры теории государства и права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в работе приводятся доводы в пользу признания финансово-правовой ответственности самостоятельным видом института юридической ответственности, вне рамок административной ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность; межотраслевой институт права, виды юридической ответственности, финансовая ответственность.

Термин «институт» в печатных изданиях зачастую употребляется в неопределенно широком смысле: можно говорить о социальных, политических, общественных институтах и т.п. С точки зрения же юриспруденции берется определенное значение – конкретное нормативное установление государства, закона – правовой институт. Если отрасль права регулирует род общественных отношений, то институт — лишь их вид. Институт — гораздо меньшая, по сравнению с отраслью, совокупность юридических норм. В каждой отрасли права можно выделить множество институтов.

А.П. Чирков отмечает, что юридическая ответственность относится к числу функциональных межотраслевых комплексных институтов, осуществляющих «сквозную» регламентацию важнейших отношений, связанных с привлечением правонарушителей к юридической ответственности [1, С.48]. Именно поэтому данный институт способен обслуживать различные отрасли права.

Д.А. Липинский подтверждает, что юридическая ответственность как правовой институт характеризуется сложной межотраслевой совокупностью норм, закрепляющих юридическую ответственность, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок и карает правонарушителя [2, С.145].

Юридическая ответственность - институт материального права, ее принципами являются справедливость, законность, неотвратимость, индивидуализация, гуманизм и виновность деяния. Не являются принципами юридической ответственности: состязательность процесса и право на защиту лица, привлеченного к ответственности, регламентированность осуществления, официальность, публичность. Это не принципы юридической ответственности, а принципы юридического процесса, а официальность есть общее свойство права [3, С. 20].

Нормы, предусматривающие юридическую ответственность, содержатся в действующих нормативно-правовых актах, а в совокупности образуют межотраслевой функциональный охранительно-регулятивный институт юридической ответственности [4, С. 201].

Базылев Б.Т. отмечает, что «нормы уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной, семей-

но-правовой и других видов ответственности составляют структурные подразделения общего института юридической ответственности, его субинституты. Они в свою очередь, подразделяются на подинституты (подвиды) юридической ответственности» [5, С. 45].

В юридической литературе существуют классификации видов юридической ответственности по определенным основаниям в зависимости от признаков, положенных в основу какой-либо классификации, которая характеризуется разделением юридической ответственности на отдельные виды, с которыми законодатель связывает различные основания их возникновения и действия, и, определяет правовые последствия в зависимости от характера правонарушения.

Вопрос о видах юридической ответственности в научной литературе остается дискуссионным. Юридическая ответственность классифицируется по различным основаниям: по критерию разделения права на публичное и частное, субъективному составу, виду применяемых мер, виду правоотношений, характеру государственного принуждения, применяющим ее субъекты. Однако главным основанием дифференциации юридической ответственности служит отраслевой критерий, которого мы и будем придерживаться, поскольку согласны с тем, что «основой разграничения системы юридической ответственности на виды служат специфические свойства предмета и метода правового регулирования, которые позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевую принадлежность определенного вида юридической ответственности, факт взаимопроникновения и точки пересечения различных видов юридической ответственности» [3, С. 640].

В теории права традиционной является выделение следующих видов ответственности: уголовно-правовой, гражданско-правовой, административной, дисциплинарной и материальной. Однако Д.А. Липинский представляет авторскую позицию выделения видов ответственности с учетом отраслевого критерия на конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и гражданско-процессуальную [6, С. 395]. На наш взгляд данная классификация наиболее полная и всеохватывающая.

Уделим особое внимание вопросу признания финансово-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности.

На протяжении многих лет финансовому праву не уделялось надлежащего внимания юридической наукой, поскольку в советский период проблема правонарушений в финансовой сфере и ответственности за них рассматривалась в свете ведущих отраслей права.

С переходом к рыночной экономике и вместе с тем, в связи с развитием финансового, в частности налогового, законодательства о науке стала четко выделяться финансово-правовая ответственность, как самостоятельный вид ответственности.

Вопрос о выделении финансовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности решается в юридической литературе неоднозначно.

Так, О.О. Томилин считает, что административная ответственность в финансовой сфере представляет сложное многоаспектное явление и может быть определена как система урегулированных нормами административного права отношений, направленных на исполнение субъектами обязанностей, возложенных на них в области формирования и использования фондов денежных средств, а финансовой ответственности в российском праве нет. За соответствующие нарушения налогоплательщики привлекаются к административной ответственности [7, С. 8]. Автором представляется, что для обозначения ее разновидности можно называть их: административно-налоговая (административно-таможенная, административно-экономическая и т.д.) Что же касается пени, принудительного взыскания недоимок и штрафа, то эти три финансовые санкции можно отнести к мерам административного принуждения в области финансовых отношений.

Г.А. Кузьмичева и Л.А. Калинина разделяют данное суждение, и считают, что принятие того или иного отраслевого закона, в том числе и кодифицированного, само по себе не влечет возникновения нового вида ответственности, а случаи использования дефиниций «финансовая ответственность», «налоговая ответственность», «таможенная ответственность» в отраслевом законодательстве только способствуют размытию административной ответственности как правового института. Если рассматривать финансовую и налоговую ответственность как разновидность административной, то, очевидно, что принятие того или иного отраслевого закона, в том числе и кодифицированного, которым регулируется указанная сфера общественных отношений, не влечет возникновения нового подвида юридической ответственности. В противном случае следует признать предпринимательскую, земельную, бюджетную, экологическую, аграрную, таможенную ответственность [8, С. 11].

Вместе с тем, государственные органы при осуществлении финансовой деятельности, в ряде случаев вынуждены прибегать к принуждению, которое возможно в случае пресечения финансовых правонарушений, предупреждения неправомерных деяний. Большинство мер, применяемых при этом государственными органами, являются мерами ответственности. Не вызывает сомнения возможность применения в финансовой сфере санкций дисциплинарного, административного и уголовного характера. Однако в основном полномочия государственных органов, осуществляющих финансовую

деятельность, в сфере принуждения носят выраженный финансово-правовой характер. Данный факт предопределяет необходимость обращения к понятию финансово-правовой ответственности.

Заметим, что правом применять финансово-правовые санкции наделены: налоговые органы; органы государственных внебюджетных фондов; таможенные органы; Федеральное казначейство; органы, исполняющие бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты; Центральный банк РФ. Причем в КоАП РФ в перечне органов, наделенных правом рассматривать дела об административных правонарушениях отсутствуют: Центральный банк РФ, органы государственных внебюджетных фондов и Федеральное казначейство, что еще раз подчеркивает финансово-правовую природу санкций за совершение финансовых правонарушений.

Возникновение финансово-правовой ответственности обусловлено происходящими в стране рыночными преобразованиями, происходящими одновременно с переосмыслением места и роли, функций государства в обществе и экономике, изменением форм и методов государственного управления, созданием новых структур и институтов, поиском оптимального баланса механизмов рыночной самоорганизации и государственного регулирования рынка.

Исследователи данной проблематики пришли к довольно единообразному пониманию финансово-правовой ответственности. Так, С.Е. Батыров считает, что финансово-правовая ответственность - это «правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [9, С. 20].

Н.А. Сатарова определяет финансово-правовую ответственность как «применение к нарушителю финансово-правовых норм мер государственного принуждения уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера» [10, С. 74].

Данные определения позволяют в достаточной степени охарактеризовать сущность данного института.

Кроме того, о самостоятельности финансово-правовой ответственности свидетельствует и тот факт, что ряд авторов признают существование налоговой, бюджетной, валютной ответственности в ее составе [4, С. 748] [11].

Так, в ст. 306.2. БК РФ [12] указывается, что бюджетные меры принуждения за совершение бюджетного нарушения применяется финансовыми органами и органами Федерального казначейства (их должностными лицами) на основании уведомления о применении бюджетных мер принуждения органа государственного (муниципального) финансового контроля.

Самостоятельность финансовой ответственности подчеркивают специфические особенности финансового правонарушения. Понятие «финансовое правонарушение» носит собирательный характер, оно объединяет бюджетные, налоговые, валютные и банковские правонарушения [4, С. 749].

Так, анализ правонарушений, предусмотренных в Налоговом кодексе, показывает, что они посягают на отношения, обеспечивающие установленный порядок представления налоговой декларации и порядок уплаты налогов и сборов; отношения, обеспечивающие нормальное функционирование налоговых органов и обеспечение взыскания налоговых санкций; публичные отношения, возникающие между банками и налоговыми органами.

Финансовые правонарушения, посягающие на публичные банковские отношения, предусмотрены ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [13], ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [14] и др. Из чего следует, что предусмотренные данными нормативно-правовыми актами правонарушения посягают на отношения, обеспечивающие соблюдение банковских нормативов, правил ведения документации и предоставления различных сведений.

Таким образом, в отличие от административной ответственности, которая предусмотрена на федеральном уровне исключительно Кодексом об административных правонарушениях, финансовая ответственность закреплена в Налоговом кодексе РФ, Бюджетном Кодексе РФ, ФЗ от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [15], ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [13], ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [14], различных указах Президента РФ и инструкциях Центрального Банка РФ.

К нарушителям финансового законодательства могут быть применены следующие меры: предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса, блокировка расходов, изъятие бюджетных средств, приостановление операций по счетам в кредитных организациях, наложение штрафа, начисление пени и пр.

Таким образом, выделение финансовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности является объективным, обоснованным и отвечает реалиям современной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чирков А.П. Ответственность в системе права. – Калининград, 1996. – С. 48.
2. Липинский Д.А. Соотношение функций права и

функций юридической ответственности // Правоведение, 2004. - № 3. – С. 145.

3. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Саратов, 2004. – С. 20.

4. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – Спб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. – с. 201.

5. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. – Красноярск, 1985. – С. 45.

6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л.Хачатурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 395.

7. Томилин О.О. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения юридических лиц за правонарушения в финансовой сфере : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2003. – С. 8.

8. Кузьмичева Г.А., Калинина Л.А. Административная ответственность. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 11.

9. Батыров С.Е. Финансово-правовая ответственность. Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2003. С. 20.

10. Сатарова Н.А. Финансовая ответственность: тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Саратов, 2003. – С. 74.

11. Козырев А.А. Некоторые вопросы ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Государство и право, 2004. - № 4. – С. 80.

12. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. - 03.08.1998. - № 31. - ст. 3823.

13. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. - 15.07.2002. - № 28. - ст. 2790.

14. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 23.07.2013) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 05.02.1996. - № 6. - ст. 492.

15. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. - 15.12.2003. - № 50. - ст. 4859.

FINANCIAL RESPONSIBILITY - AN INDEPENDENT KIND OF LEGAL LIABILITY

© 2014

Stepanova V.V., a postgraduate student of Theory of State and Law Department

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article presents the arguments in favor of the recognition of the financial liability of an independent kind of institution of legal liability, beyond the administrative responsibility.

Key words: legal responsibility, interdisciplinary Institute of Law, types of legal liability, financial liability.

УДК 343

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Тугушева Е.В., следователь Саратовской области СУ МУ МВД «Энгельское»,
Энгельс (Россия)

Поплавская Н.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного,
уголовно-исполнительного права и криминологии
Саратовский государственный университет, Саратов (Россия)

Аннотация: Статья посвящена механизму реализации уголовно-процессуальной ответственности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность; санкция; уголовно-процессуальный кодекс.

В теории и практике уголовного процесса является общепризнанным, что наступление уголовно-процессуальной ответственности возможно лишь при наличии соответствующего основания, в качестве которого рассматривается уголовно-процессуальное правонарушение [1, с. 155-156; 10, с. 37-43; 11, с. 81-83]. По мнению З.Ф. Ковриги, «отступление участников уголовного судопроизводства от требований норм права, регулирующих их поведение при возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел, вызывает ответную реакцию, применение правоохранительных средств» [2, с. 30]. Данный взгляд в самом общем виде характеризует категорию оснований для применения принуждения, что включает в себя: процессуальное принуждение, процессуальную ответственность и процессуальную санкцию.

Рассмотрим механизм реализации уголовно-процессуальной ответственности. Предметом механизма реализации уголовно-процессуальной ответственности являются общественные отношения, возникающие между участниками уголовного судопроизводства и направленные на реализацию стоящих перед уголовным судопроизводством задач и способные поддаваться нормативному воздействию.

Реализация уголовно-процессуальной ответственности связана с правоприменением. Единственный способ осуществления уголовно-процессуальной ответственности - применение в указанном законодателем порядке предусмотренной уголовно-процессуальной санкции. В зависимости от стадии уголовного судопроизводства процедура применения такой санкции может иметь неодинаковый характер.

Субъекты уголовно-процессуального судопроизводства имеют процессуальные права и обязанности, которые в результате уголовно-процессуальной деятельности реализуются в правоотношениях. На этом основании можно говорить и о том, что уголовно-процессуальная ответственность реализуется в правоотношениях. Отказ лица от выполнения своих процессуальных обязанностей, отступление от должностного поведения, замечает И.Ф. Демидов, служит основанием для применения так называемого вторичного, более жесткого, следующего за психическим, принуждения в виде непосредственного физического воздействия (мер защиты процессуального порядка), а также в формах юридической ответственности [3, с. 41-47].

Уголовно-процессуальные отношения возникают из факта совершения преступления и направлены на реализацию стоящих перед уголовным судопроизводством задач, определяемых ст. 6 УПК РФ. Следовательно, предмет механизма уголовно-процессуального регулирования можно определить как общественные отношения, направленные на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания [4, 6]. Уголовно-процессуальные отношения складываются между участниками судопроизводства посредством реализации определенных прав и обязанностей. Уголовно-процессуальное законодательство возлагает на участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями, обязанность разъяснения другим участникам процесса их правового статуса, прав, которыми они законно обладают, а также возможной ответственности, наступающей за невыполнение нормативных требований на стадии предварительного расследования.

Необходимо отметить, что на стадии предварительного расследования механизм реализации той или иной меры уголовно-процессуальной ответственности предполагает точное установление самого факта процессуального правонарушения, установление правильной его юридической квалификации (состава правонарушения), надлежащий выбор индивидуальной меры принудительного воздействия (применение санкции), оформление правоприменительного акта и приведение его к исполнению.

Уголовно-процессуальная ответственность возникает, существует и реализуется в рамках правоотношений. Основанием установления и реализации уголовно-процессуальной ответственности является вынесение компетентным органом правоприменительного акта, в котором констатируется правонарушение, решаются вопросы, связанные с применением к участникам уголовного судопроизводства мер процессуального воздействия, их объем, порядок наложения. Вынесение правоприменительного акта является моментом реализации уголовно-процессуальной ответственности. Правоотношение ответственности прекращается обращением данного процессуального акта к исполнению.

Удачным следует считать высказывание в литературе мнения о том, что уголовно-процессуальная ответственность за правонарушение реализуется актом применения уголовно-процессуальной санкции по отношению к субъекту, допустившему правонарушение или виновно принявшему решение, противоречащее требованиям Уголовно-процессуального кодекса [5, с. 45; 6, с. 158]. В акте официально констатируется факт совершения уголовно-процессуального правонарушения и определяется мера ответственности.

Исходя из этого, правонарушение, уголовно-процессуальная ответственность и санкции неразрывно связаны между собой. Основанием применения санкций и ответственности служит правонарушение.

Если на стадии предварительного расследования выявляются нарушения участниками уголовно-процессуальных правоотношений нормативных требований, то есть совершение уголовно-процессуальных правонарушений, то в механизме уголовно-процессуального регулирования начинается реализация уголовно-процессуальной санкции, которая обеспечивает претворение в жизнь уголовно-процессуальных правовых норм.

Г.Н. Ветрова, определяя уголовно-процессуальную ответственность, характеризует: «ясно выраженное в той или иной форме (акте применения санкции) порицание противоправного поведения обязанного субъекта правоотношения», как «воплощенную в реализации санкции отрицательную оценку осуждения противоправного поведения» [6, с. 156-157].

Выделение уголовно-процессуальной ответственности, как самостоятельного отраслевого вида ответственности, основывается на наличии в рассматриваемой отрасли права собственных охранительных правовых предписаний, которые обладают таким важным структурным элементом как санкции.

Рассмотрим понятие санкции, как необходимого элемента норм уголовно-процессуальной ответственности, образующих нормативную основу существования уголовно-процессуальной ответственности.

В то же время необходимо подчеркнуть само выделение понятия уголовно-процессуальной санкции в литературе. Процессуалист З.Ф. Коврига отмечает: «уголовно-процессуальная санкция – это основанное на процессуальном законе поощрение за определенную заслугу или порицание совершившего процессуальное правонарушение, в котором проявляется положительная или отрицательная оценка поведения субъекта в сфере уголовного судопроизводства со стороны государства» [7, с. 59]. Подобное мнение высказывают в своих работах и другие ученые [8, с. 101; 5, с. 30].

Можно выделить следующие виды уголовно-процессуальных санкций, то есть провести классификацию. З.Ф. Коврига выделяет следующие виды санкций: регулятивные и охранительные. В соответствии со способом охраны уголовного судопроизводства санкции норм уголовно-процессуального права можно разделить на: 1) поощрительные; 2) восстановительные; 3) карательные; 4) имущественные (компенсационные) [7, с. 45].

С.А. Полунин выделяет в ходе уголовного судопроизводства три вида санкций, отличающихся друг от друга способом охраны уголовно-процессуальных норм от нарушений: восстановительные, штрафные (карательные) и санкции ничтожности [5, с. 51].

Восстановительные санкции – это меры, принимаемые для восстановления нарушенного закона, регулирующие определенный порядок уголовного судопроизводства. В восстановительных санкциях следует выделить три разновидности: 1) отмена или изменение незаконного акта (например, возвращение уголовного дела на дополнительное расследование, изменение приговора); 2) принудительное осуществление процессуальных действий в отношении лиц, уклоняющихся от добровольного исполнения своих процессуальных обязанностей; 3) обязанность возмещения имущественного вреда, причиненного личности уголовно-процессуальным правонарушением.

Карательные санкции – это мера уголовно-процессуального наказания правонарушителя [7, с. 46]. Здесь следует выделить такие санкции: 1) отстранение следователя или лица, производящего дознание, от дальнейшего ведения расследования; 2) изменение меры пресечения на более строгую.

Санкция ничтожности обеспечивает выполнение правовых обязанностей, связанных с процессом доказывания, процессуальными сроками и порядком совершения процессуальных действий [5, с. 96].

По своему характеру санкции норм уголовно-процессуального права в подавляющем большинстве являются восстановительными. Любая восстановительная санкция (отмена незаконного акта, возврат дела на доследование и т.д.) не исключает, а наоборот, в ряде случаев предполагает привлечение к персональной ответственности должностных лиц, виновных в нарушении процессуального закона.

Механизм реализации ответственности при выходе за допустимые пределы усмотрения опирается на установление факта негативного деяния (например, факта, того, что правоприменитель действительно неправомерно использовал усмотрение в том случае, когда его вообще не должно быть; применил слишком строгую меру принуждения или, наоборот, слишком мягкую; умышленно затягивал и уклонялся от реализации целей уголовного судопроизводства; неправомерно привлек к уголовной ответственности и т.п.).

Обвиняемый (подозреваемый) может быть подвергнут приводу без предварительного вызова в случаях, когда он скрывается от следствия или не имеет определенного места жительства, при условии, что эти и другие обстоятельства дела не дают основания для задержания или заключения под стражу. Если же эти основания появились, то образуется новый состав уголовно-процессуального правонарушения, за который налагается уголовно-процессуальная ответственность. А именно, если обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого была избрана такая мера принуждения как привод, скрывается от дознания, предварительного следствия или суда, продолжает заниматься преступной деятельностью или угрожает свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства или иным образом препятствует производству по делу, что представляет собой уголовно-процессуальное правонарушение, за которое налагаются меры уголовно-процессуальной ответственности в виде изменения меры пресечения на более строгую. Реализация уголовно-процессуальной ответственности происходит в мотивировочном постановлении, вынесенном дознавателем, следователем или судьей, в котором должны быть указаны подтвержденные фактические данные о том, что ранее избранная мера пресечения

не оказывает на подозреваемого или обвиняемого надлежащего воздействия и он своими действиями продолжает препятствовать производству по делу.

Это иллюстрирует следующий пример, так в определении Верховного суда РФ [9, с. 17] говорится «в соответствии со ст. 110 УПК РФ мера пресечения может быть изменена на более строгую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст.ст. 97 и 99 УПК РФ. Васняев обвинялся в совершении ряда преступлений. За которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Обвиняемый без разрешения следователя выехал в г. Клайпеду и в прокуратуру для получения копии обвинительного заключения не явился. Кроме того, он избил обвиняемого по этому же делу Жукова за то, что тот уличил его в совершении преступлений. Таким образом, ранее избранная в отношении Васняева мера пресечения – подписка о невыезде и надлежащем поведении – не оказала на него надлежащего воздействия, в связи с чем суд обоснованно заменил ее заключением под стражу».

В заключении необходимо отметить, что механизм реализации уголовно-процессуальной ответственности включает в себя несколько этапов:

- 1) факт правонарушения (наступление вредных последствий уголовно-процессуального правонарушения связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей, злоупотреблением правом или с применением права с выходом за пределы свободы усмотрения);
- 2) установление состава правонарушения (необходимо, чтобы все элементы правонарушения были установлены и надлежащим образом зафиксированы);
- 3) принятие соответствующего решения, выбор санкции и применение ее к нарушителю;
- 4) вынесение правоприменительного акта, содержа-

щего подробное описание правонарушения уполномоченным на то должностным лицом на стадии предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная ответственность: понятие, виды основания применения // Проблемы юридической ответственности: история и современность. Материалы по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета. 2004. С. 155–156.
2. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1975. С. 30.
3. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. М., 1995. С. 41–47.
4. Полуниин С.А. Правовое регулирование процесса доказывания. Учебное пособие. Саратов, 2003. С. 6.
5. Громов Н.А., Полуниин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М, Изд-во «Городец», 1998. С. 45.
6. Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве. М., 1991. С. 158.
7. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 59.
8. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 101.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 17.
10. Липинский Д.А. Проблемы совершенствования процессуальной ответственности // Право и политика. 2004. № 2. С. 37–43.
11. Репетева О.В. Об экологической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 81–83.

THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING CRIMINAL PROCEDURE LIABILITY

© 2014

Tugusheva E.V., investigator Saratov region SU ME MIA «Engels», *Engels (Russia)*
Poplavskaya N.N., candidate of Law, assistant professor of criminal law, penal law and criminology
Saratov State University, Saratov (Russia)

Annotation: This paper is devoted to the mechanism implementation of criminal procedural justice.

Keywords: criminal procedure liability, sanction, criminal procedure code.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

© 2014

Фролов М.В., адвокат Самарской коллегии адвокатов, магистрант
Тольяттинский государственный университет, Россия

Аннотация: В статье исследуется понятие принципа права и принципа законности. Определяются основные требования принципа законности, анализируется действующее законодательство.

Ключевые слова: принципа права; принцип законности; требования принципа законности; реализация принципов.

В юридической литературе принципы права определяют как: первооснову, руководящую идею; основополагающую идею; обобщенные нормы права; руководящие идеи относительно сущности, целей права, порядка его практической реализации; отправные положения (идеи); категорию правового сознания, воплощающегося в системе правовых норм; начала, отправные идеи, являющиеся однопорядковыми с сущностью права [1, с. 145; 2, с. 63].

Расхождения в определении принципов обусловлено несколькими факторами тем, что принцип – это категория объективно-субъективная, определение которой во многом зависит от научного правосознания, направления исследования, научной школы.

В юридической науке ведется дискуссия о том, являются ли принципы объективной или субъективной категорией. Думается, что правы те авторы, которые отмечают, что принципы имеют и объективные и субъективные свойства. Объективные свойства принципов состоят в том, что каждой эпохе присущи свои правовые принципы, все принципы тесно взаимосвязаны между собой, и исключение одного из них ведет к нарушению функционирования всей правовой системы. Субъективное же начало заключается в возможности выбора принципов, которые будут положены законодателем в основу тех или иных правовых институтов и правовой системы в целом. Принципы права, с одной стороны, отражают его объективные свойства, а с другой стороны (субъективный момент), в принципах права воплощается его субъективное восприятие членами общества, их нравственные и правовые взгляды, чувства, требования, выражаемые в различных учениях, теориях, направлениях правопонимания [3, с. 42].

В литературе отмечают, что необходимо различать «правовые принципы» – категорию, не закрепленную в законе, и «принципы права» – категорию, закрепленную в норме права, а всякий принцип права есть правовой принцип, но не всякий правовой принцип есть принцип права. Если рассматривать принципы как идеи, основанные на взаимопроникновении естественного и позитивного права, закрепленные в действующем законодательстве, то отпадает необходимость их деления на «принципы права» и «правовые принципы». Деление принципов на «принципы права» и «правовые принципы» было актуальным в период начала демократических реформ и формирования в нашей стране естественно-правовой доктрины, которая с ее развитием трансформировалась в доктрину, основанную на единстве и взаимопроникновении естественного и позитивного права.

О формах выражения принципов права существует несколько точек зрения: не имеет значения, получили они закрепление в действующем законодательстве или нет; должны быть обязательно закреплены в действующем законодательстве; получили свое закрепление в законе, в правовых нормах, независимо от приемов и форм их закрепления, в том числе положения, не получившие как таковые закрепления в законе, но вытекающие из ряда его норм.

Принципы права имеют, по крайней мере, трех адресатов: законодателя, правоприменителя, субъектов юридической ответственности. Законодатель, установив в нормативно-правовом акте тот или иной принцип ответственности, обязан сконструировать этот норматив-

но-правовой акт, исходя из установленного им принципа, а также вносить в него изменения, исходя из ранее установленного принципа. К сожалению, за нарушение законодателем принципов практически никакой юридической ответственности не существует, допущенные законодателем ошибки вынужден исправлять Конституционный Суд РФ, но само по себе его решение не определяет меры ответственности законодателя, допустившего нарушение (кстати, самим же и установленным) принципа юридической ответственности.

Законность явление многогранное. Она выступает принципом права, принципом юридической ответственности, режимом государственного руководства обществом, принципом деятельности должностных лиц и поведения граждан.

Проблема законности посвящена обширная юридическая литература, что не удивительно ввиду многогранности и многофункциональности этого явления [4, с. 134; 5, с. 47; 6, с. 36]. При этом законности придают особое значение не только в отечественной, но и в зарубежных правовых системах [7, с. 57; 8, с. 59; 9, с. 54]

В действующем законодательстве, предусматривающим уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую и др. виды ответственности получили практически повсеместное закрепление основные требования принципа законности: равенство перед юридической ответственностью; обязанность соблюдать предписания правовых норм; единство законности; не допускается за одно правонарушение дважды привлекать к ответственности; освобождение от ответственности должно происходить на законных основаниях; закон, ухудшающий положение субъекта ответственности, не имеет обратной силы; закон, устрояющий ответственность или улучшающий положение субъекта ответственности, имеет обратную силу; вид, пределы, мера юридической ответственности должны быть установлены в законе; верховенство Конституции.

Основой законности выступает обязанность (требование) неуклонного соблюдения и исполнения предписаний правовых норм. Это требование законности находит свое выражение в юридической ответственности. Более того, для форм реализации юридической ответственности обязанность выступает сущностным моментом [10, с. 17].

Если принцип законности находит свое непосредственное выражение в конкретной статье нормативно-правового акта, то он приобретает особое значение [11, с. 12]. В Основном Законе РФ отражено, что граждане обязаны соблюдать Конституцию. В ст. 11 УИК РФ закреплено: «Осужденные должны исполнять установленные законодательством обязанности граждан РФ, они обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных актов». Почему подобные положения, закрепленные в законе, имеют особое регулирующее значение? В определенной степени на этот вопрос мы ответили выше, но отметим и еще один важный момент. Такие положения являются наиболее понятными для граждан, т.к. в концентрированной форме выражают основную, одобряемую государством линию поведения, а следовательно, непосредственно принимают участие в воплощение принципа законности в правомерном поведении субъектов юридической ответственности [12, с. 147].

Регулирование общественных должно основываться на критериях законности. Например, новый Кодекс об административных правонарушениях устанавливает, что «законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ об административных правонарушениях» (ч. 1 ст. 1.1). Из этого положения следует, что в иных федеральных законах не могут содержаться нормы об административных правонарушениях, т.к. они должны содержаться в указанном кодексе, а законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях должно соответствовать Кодексу РФ об административных правонарушениях [13, с. 67]

Принцип законности воплощает в себе требования, обращенные не только к гражданам о их правомерном поведении, но к законодательству о его деятельности в соответствии с требованиями законности.

Эффективному осуществлению юридической ответственности должно способствовать единство законности, единство судебной практики, отсутствие противоречий в действующем законодательстве [14, с. 63; 15, с. 100; 16, с. 17; 17, с. 49; 18, с. 16; 19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права. Учебник / Под ред. А.В. Малько. — М.: Кнорус, 2008. — 401 с.
2. Хачатуров Р.Л. О законности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 3. С. 59-63.
3. Лучков В.В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 42-44.
4. Станкин А.Н. К вопросу о понятии законности // Научные исследования и разработки: Право. 2013. Т. 1. № 3. С. 134-139.
5. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 59-60.
6. Станкин А.Н. Конституционность и законность как верховенство проявления Конституции и закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2007. № 1. С. 36-42.
7. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Испании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63-65.
8. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Канады // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (14). С. 47-49.
9. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Ирландии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 59-60.
10. Станкин А.Н. О некоторых проблемах реализации принципа приоритета федерального закона в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 17-20.
11. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2004. 21 с.
12. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права. Учебник / Под ред. А.В. Малько. — М.: Кнорус, 2007. — 401 с.
13. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность в системе юридической ответственности. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 67-70.
14. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.
15. Мусаткина А.А. Законность санкций финансово-экономического права // Законность. 2005. № 7. С. 43-46.
16. Станкин А.Н. Верховенство федерального закона в Российской Федерации: конституционные вопросы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2007.
17. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 49-51.
18. Гогин А.А. К вопросу о понятии и признаках экологического правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 16-20.
19. Семикин Д.С. О некоторых направлениях судебной политики // Правовая политика и правовая жизнь. №2(51) 2013. С. 154-155.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY

© 2014

Frolov M.V., the lawyer of the Samara bar Association, graduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation. The article analyses the notion of the principle of law and the principle of legality. Defines the basic requirements of the principle of legality, analyzed the current legislation.

Key words: principle of law; the principle of legality; the requirements of the principle of legality; the implementation of the principles.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОБЩЕРЕГУЛЯТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

© 2014

Харланова С.Ю., магистрант,заместитель генерального директора ФГБУЗ «Клиническая больница №172 ФМБА России»,
г. Дмитровград, Россия

Аннотация: в статье исследуется как общее понятие правоотношения, так и особенности общерегулятивных правоотношений. Отмечается, взаимосвязь общерегулятивных правоотношений с позитивной юридической ответственностью. Автор анализирует действующее законодательство на предмет выявления модели общерегулятивных правоотношений.

Ключевые слова: правоотношение; признаки правоотношения; общерегулятивные правоотношения; взаимная ответственность личности и государства.

Право, запрещая одни действия, поощряя другие, предписывая третьи, определяет дозволенные рамки поведения людей и деятельности организаций. Оказывая влияние на волю и сознание субъектов общественных отношений оно опредмечивается в их поведении и деятельности, уже урегулированном нормами права. Реально существующие общественные отношения, в результате правового воздействия обретают особую правовую форму, становятся правоотношениями. В правоотношениях отражается ценность права как властного регулятора, как инструмента воздействия на социальную действительность. Правоотношения есть ни что иное как право в жизни. Это своеобразное бытие права. Поэтому практически любой вопрос о праве является одновременно и вопросом о правоотношении. Практические любая категория юриспруденции связана с категорией правоотношения. Правоотношение – результат, следствие урегулирования фактического жизненного отношения нормой права, которая, в свою очередь, служит необходимой юридической предпосылкой правоотношения [1, с. 287; 2, с. 42; 3, с. 47].

Итак, правоотношение – это урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого наделены соответствующими субъективными правами и обязанностями. Правоотношения, как и иные разновидности общественных отношений, регулируют социальное взаимодействие субъектов. Иначе говоря, в них принимает участие не менее двух субъектов, а правоотношение с самим собой невозможно.

Правоотношения обладают рядом специфических признаков: во-первых, возникают на основе норм права; во-вторых, имеют волевой характер; в-третьих, охраняются государством; в-четвертых, характеризуются индивидуализированностью субъектов, определенностью их поведения; в-пятых, субъекты правоотношения связаны между собой взаимными субъективными правами и обязанностями. Помимо этого следует иметь в виду, что правоотношение – это всегда общественное отношение, представляющее собой двустороннюю связь между социальными субъектами. Само общественное отношение составляет фактическое содержание правоотношения, а субъективные права и обязанности юридическое содержание.

Гражданское общество и правовое государство, с одной

стороны, предполагают свободу и основываются на ней, а с другой стороны, ограничивают ее, побуждая или принуждая субъекта действовать в рамках предоставленной свободы. Свобода порождает ответственность, ответственность направляет свободу. Как юридическая ответственность личности, так и юридическая ответственность государства имеют социальную природу. Она предопределена общественным характером отношений, особенностями личности и государства, их местом в системе общественных отношений, особенностями самого общества [4, с. 65].

Развитие общества, государства приводит к возникновению новых видов общественных отношений, которые основаны на свободе, но в тоже время требуют их регламентированности, четкости и упорядоченности, в которых праву и обязанности одного субъекта, будет корреспондировать право и обязанность другого субъекта, а это возможно только при придании этим общественным отношениям правовой формы. «Субъекты, включенные в правовую сферу, неизбежно оказываются взаимно связаны между собой, с одной стороны, правомочиями и притязаниями, а с другой – обязательствами и ответственностью», – отмечает Н.И. Матузов [5, с. 365]. Основа общерегулятивных правоотношений содержится в Конституции РФ, определяющей общую правовую связь государства и человека. «Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства», – гласит ст. 2 Конституции РФ, в свою очередь, граждане обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы РФ, – отмечается в ч. 2 ст. 15 Основного Закона. В первом случае это означает, что российские граждане как носители прав выступают по отношению к государству в качестве управомоченных, а государство по отношению к ним является правообязанной стороной, а во втором государство выступает управомоченной стороной, а граждане – правообязанной стороной. Взаимная связанность государства и гражданина обуславливает взаимную ответственность как государства и его органов перед гражданином, так и гражданина перед государством [5, с. 365].

Вне общих правоотношений невозможно понять принцип взаимной юридической ответственности, проявляющийся по нескольким направлениям; между государством и гражданами; между гражданами и государством; между гражданами. Он заключается не столько

в неотвратимости наказания, сколько в обеспеченной неотвратимости несения и исполнения юридических обязанностей в правомерном поведении. «Общерегулятивные правоотношения выражают общую взаимосвязанность и взаимозависимость субъектов права, характеризующих их особое состояние, в котором находится каждое лицо и которое определяет его положение по отношению к другим лицам» [6, с. 14]. Это особое состояние и есть состояние ответственности. Правомерное поведение граждан и правомерная деятельность различных организаций порождают не некое всеобщее (одно) отношение, а целую систему общерегулятивных отношений, обусловленных добровольной формой реализации юридической ответственности. Добровольная юридическая ответственности реализуется в регулятивных правоотношениях, в свою очередь, правоотношения направлены на обеспечение и гарантированность правомерного поведения как динамичной стадии юридической ответственности, т.к. цель взаимных прав и обязанностей – обеспечить ответственное, правомерное поведение в регулятивном правоотношении [7, с. 33].

Если рассматривать общерегулятивные правоотношения не как фактические отношения, а как модели отношения, закрепляемые в правовых нормах, то трудно недооценить значение этих моделей, определяющих правомерные варианты поведения субъектов общественных отношений, показывающих гарантированность, обеспеченность и поощряемость правомерного поведения. Государство, действуя от имени общества, формулирует в правовых нормах абстрактную обязанность всех субъектов исполнять конкретные юридические обязанности, а само выступает субъектом, имеющим право требовать исполнения этой обязанности. Под конкретные обязанности субъектов заложено достаточно широкое по объему требование исполнения определенных правовых обязанностей и соблюдения запретов. В свою очередь, граждане, общественные объединения и различные организации вправе требовать от государства соблюдения их прав, свобод и законных интересов. Общерегулятивные правоотношения ответственности отражают связи высокого уровня между государством и гражданами, а также последних между собой по поводу гарантирования и осуществления основных прав и свобод личности [8, с. 102].

В настоящее время в основных положениях ГК РФ как в ГК зарубежных стран [9, с. 102; 10, с. 54; 11, с. 66; 12, с. 57] содержится очень емкая и четкая формулировка, закрепившая требование законодателя ко всем участникам гражданских правоотношений о необходимости добросовестности, разумности, справедливости (п. 2 ст. 6). Данная формулировка зародилась еще в эпоху обычного права, когда действовали на совесть, заключали сделки на совесть [13, с. 343]. В п. 3 Ст. 53 ГК РФ подчеркивается, что лицо, которое в силу закона или учредительных документов выступает от имени юридического лица, должно действовать добросовестно и разумно. Субъекты гражданского права при отсутствии правовых норм должны соотносить свое поведение с нормами морали, принципами права, обычаями делового оборота [14, с. 12; 15, с. 14; 16, с. 42-44]. Участники гражданского оборота, действуя разумно, должны проявлять должное внимание и осмотрительность, соизмерять свое поведение с установленными правилами, а при отсутствии таковых – с нормами морали, обычаями. Разумность и

добросовестность, на мой взгляд, могут выражаться через формулу «не навреди другому». Добросовестность участников гражданского правоотношения заключается в том, что они при осуществлении своих прав не ущемляют права и законные интересы других субъектов, надлежащим образом исполняют свои обязательства, согласуя свое поведение с требованиями ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права / Под ред. А.В. Малько. – М.: Кнорус, 2011. – 400 с.
2. Лучков В.В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 42-44.
3. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 47-49.
4. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.
5. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2007.
6. Липинский Д.А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4. С. 13-17.
7. Липинский Д.А. Место правоотношений юридической ответственности в механизме правового регулирования // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 2. С. 29-38.
8. Мусаткина А.А. Правоотношение финансовой ответственности: понятие и содержание // Правоведение. 2006. № 3. С. 100-108.
9. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Канады // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 59-60.
10. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Ирландии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4. (11). С. 59-60.
11. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Кипра // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3. С. 65-66.
12. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Испании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3. С. 65-66.
13. Хачатуров Р.Л. Обычное право как источник права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 4 (22). С. 343-346.
14. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 2004. С. 21.
15. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 13-17.
16. Лучков В.В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 42-44.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF OBSERVERATION LEGAL RELATIONSHIP

© 2014

Kharlanova S.U., master student, Deputy General Director Federal state institution of public health
«Clinical hospital №172 of Federal medical-biological Agency of Russia»

Dimitrovgrad, Russia

Annotation: The article examines how the General notion of the relationship, and the characteristics observation relations. It is noted that the relationship observation relations with the positive legal responsibility. The author analyzes the existing legislation to identify the model observation relations.

Keywords: legal relationship, signs of relationship; observation relationship; mutual responsibility of the individual and the state.

УДК 340

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ

© 2014

Хаснутдинов Р.Р., кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры

«Государственно-правовые дисциплины»

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается категория юридической ответственности с позиции ее пространственных пределов. В частности исследуется территориальный принцип как основополагающий при определении пространственных пределов юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность; пределы; территориальный принцип; территория; юрисдикция; пространство.

Категория юридической ответственности глубоко изучается по различным аспектам на протяжении долгих лет [1, 2, 3, 4, 5]. Не смотря на это, рассмотрение юридическая ответственности с позиции ее пределов практически не встречается, этот вопрос является не затронутым. В связи с этим имеется рассмотреть данный аспект юридической ответственности.

Под пределами юридической ответственности мы понимаем обусловленные определенными факторами границы, в рамках которых наступает юридическая ответственность за совершение правонарушения [6, с. 209-211]. К видам пределов юридической ответственности можно отнести предельные, временные, пространственные и субъектные.

Пространственные пределы юридической ответственности определяют границы наступления юридической ответственности за совершение правонарушения на различных видах территории. Одним из основополагающих принципов определения пространственных пределов юридической ответственности является территориальный принцип, который определяет пространственные пределы юридической ответственности за совершение правонарушения на территории соответствующего государства. По общему правилу территориальная юрисдикция государства осуществляется в пределах его территории, является пол-

ной, исходя из положения о верховенстве государства на своей территории. Отсюда, лицо, совершившие правонарушение на территории соответствующего государства подлежат юридической ответственности по законам последнего. Так, например, согласно ч. 1 ст. 1.8 КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение на территории Российской Федерации, подлежит административной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Исходя из смысла ст. 11 УК РФ, подлежит уголовной ответственности по УК РФ лицо, совершившее преступление: 1) на территории РФ; 2) в пределах территориального моря или воздушного пространства РФ; 3) на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ; 4) на судне, приписанном к порту РФ, находящееся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов РФ; 5) на военном корабле или военном воздушном судне РФ независимо от места их нахождения.

Территориальный принцип пространственных пределов юридической ответственности представляет собой детализацию ст. 4 Конституции РФ, в соответствие с которой суверенитет России распространяется на всю ее территорию. Территория России непосредственно определяется Го-

сударственной границей РФ. В соответствии с Законом РФ от 1 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» Государственная граница есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации [2]. То есть территорией Российской Федерации являются находящиеся в пределах ее Государственной границы суши, воды, недра и воздушное пространство над сушей и водами.

Сухопутная территория России включает в себя материковую часть государства и островов в пределах границы.

Водную территорию Российской Федерации составляют внутренние морские воды, части пограничных рек и озер, территориальное море. Правовой режим внутренних морских вод, территориального моря, а также прилежащих зон определяется Федеральным законом от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» [7]. Внутренние морские воды Российской Федерации – это воды, расположенные в сторону берега от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Российской Федерации.

К внутренним морским водам относятся воды: портов Российской Федерации, ограниченные линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других постоянных сооружений портов; заливов, бухт, губ и лиманов, берега которых полностью принадлежат Российской Федерации, до прямой линии, проведенной от берега к берегу в месте наибольшего отлива, где со стороны моря впервые образуется один или несколько проходов, если ширина каждого из них не превышает 24 морские мили; заливов, бухт, губ, лиманов, морей и проливов с шириной входа в них более чем 24 морские мили, которые исторически принадлежат Российской Федерации, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации и публикуется в «Извещениях мореплавателям».

Территориальное море Российской Федерации – это примыкающий к сухопутной территории или к внутренним морским водам морской пояс шириной 12 морских миль, отмеряемых от специальных исходных линий.

Исходными линиями, от которых отмеряется ширина территориального моря, являются: линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально изданных в Российской Федерации морских картах; прямая исходная линия, соединяющая наиболее удаленные в сторону моря точки островов, рифов и скал в местах, где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов; прямая линия, проводимая поперек устья реки, непосредственно впадающей в море, между точками на ее берегах, максимально выступающими в море при наибольшем отливе; прямая линия, не превышающая 24 морские мили, соединяющая точки наибольшего отлива пунктов естественного входа в залив либо в пролив между островами или между островом и материком, берега которых принадлежат Российской Федерации; система прямых исходных линий длиной более чем 24 морские мили, соединяющих пункты естественного входа в залив либо в пролив между островами или между островом и материком, исторически принадлежавшими Российской Федерации.

Определение территориального моря применяется также ко всем островам Российской Федерации. Исключение составляют искусственные острова. Их правовой режим регламентируется Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе» и Постановлением Правительства РФ от 19 января 2000 г. № 44 «Об утверждении порядка создания, эксплуатации и использования искусственных островов, сооружений и установок во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации». Искусственные острова (установки и сооружения) не обладают статусом островов и не имеют территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Вокруг искусственных островов, сооружений и установок устанавливается зона безопасности, которая простирается не более чем на 500 м от внешнего края искусственного острова, сооружения и установки.

В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» уголовная юрисдикция Российской Федерации не осуществляется на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, в связи с любым преступлением, совершенным на борту иностранного судна во время его прохода. Исключения составляют следующие случаи: последствия преступления распространяются на территорию Российской Федерации; преступление имеет такой характер, что им нарушается спокойствие в Российской Федерации или добрый порядок в территориальном море; капитан иностранного судна, дипломатический агент или консульское должностное лицо государства флага обратится к должностным лицам федеральных органов исполнительной власти или к должностным лицам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с просьбой об оказании помощи; такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами, а также других уголовных преступлений международного характера, предусмотренных международными договорами Российской Федерации.

Указанные положения не распространяются на право Российской Федерации принимать любые меры в соответствии с законами Российской Федерации для ареста или производства расследования на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море после выхода его из внутренних морских вод.

Прилежащая зона Российской Федерации - морской пояс, который расположен за пределами территориального моря, прилегает к нему и внешняя граница которого находится на расстоянии 24 морских миль, отмеряемых от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. В прилежащей зоне Российская Федерация осуществляет контроль, необходимый для: предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных правил, установленных законами и иными нормативными правовыми актами РФ, действующих на территории России, включая территориальное море; наказания за нарушение указанных законов и правил, совершенное на территории России, включая территориальное море. В прилежащей зоне Российская Федерация принимает меры, необходимые для предотвращения указанных нарушений и задержания виновных, включая преследование по горячим следам, остановку, осмотр и задержание всех иностранных судов-нарушителей (за исключением воен-

ных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях), в соответствии с законодательством РФ и нормами международного права.

Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» определяет, что недра являются частью земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения [4]. Данный закон регулирует отношения, возникающие в связи с геологическим изучением, использованием и охраной недр территории Российской Федерации, ее континентального шельфа, а также в связи с использованием отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, торфа, сапропелей и иных специфических минеральных ресурсов, включая подземные воды, рассолы и рапу соляных озер и заливов морей. Таким образом, к недрам как территории России следует относить пространство под сухопутной поверхностью и водной территорией в пределах Государственной границы Российской Федерации.

Российская Федерация обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства Российской Федерации. Под ним, согласно ч. 2 ст. 1 Воздушного кодекса РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ, понимается воздушное пространство над территорией Российской Федерации, в том числе над внутренними водами и территориальным морем. Высотный предел воздушного пространства в российском законе не установлен. Однако исходя из того, что под воздушным пространством принято понимать атмосферу, газообразную оболочку земли, а также согласно международно-правовым актам, высотный предел составляет 100–110 км, поскольку далее начинается космос.

На иностранные гражданские воздушные суда, их экипажи и пассажиров при полете в воздушном пространстве России распространяются законы, действующие в России. Это положение вытекает из ряда международных актов (например, Парижской конвенции, Чикагской конвенции 1944 г.). Обращая внимание на это обстоятельство, А.Н. Верещагин указывал, что, распоряжаясь своим воздушным пространством и устанавливая разрешительную систему полетов иностранных воздушных судов в пределах своей территории, государство обладает правом применять уголовные санкции, предусмотренные соответствующими национальными законами, к нарушившим режим воздушного пространства данного государства. Применение государством уголовных санкций имеет целью обеспечение политических и экономических интересов государства, интересов государственной безопасности, а также безопасности воздушных передвижений в своем воздушном пространстве [8, с. 41].

Практика свидетельствует о том, что территориальный принцип толкуется более широко, чем это может показаться на первый взгляд. Основанная на нем юрисдикция распространяется не только на территорию государства, но и, обобщенно говоря, на движущиеся объекты, связанные с этой территорией, – морские и воздушные суда, космические объекты. В международном праве данные объекты называют квазитерриторией [9, с. 445]. Россия, устанавливая пространственные пределы юридической ответственности, в частности уголовной, распространяет свою юрисдикцию на так называемые территории мигрирующего характера (морские и воздушные суда, в том числе военные), что вытекает из ч. 3 ст. 11 УК РФ.

Более того, территориальный принцип используется в значительной степени как основа юрисдикции государства в отношении районов, примыкающих к его территории, – прилегающей зоны, континентального шельфа, исключительной экономической зоны, которые относятся к территории со смешанным режимом [10, с. 445]. Конечно, юрисдикция государства в указанных районах не аналогична той, которая устанавливается и осуществляется в пределах его территории. Международно-правовые ограничения здесь довольно серьезные, в частности достаточно сослаться на соответствующие положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Поэтому на наш взгляд следует согласиться с позицией О.С. Черниченко, которая утверждает, что «было бы оправданным, говоря о юрисдикции государств в отношении упомянутых объектов, ввести понятие квазитерриториальной юрисдикции» [11, с. 43, 75].

Россия также распространяет свою уголовную юрисдикцию в случаях совершения преступления в исключительной экономической зоне Российской Федерации и на континентальном шельфе (ч. 2 ст. 11 УК РФ). Исключительная экономическая зона представляет собой морской район, находящийся за пределами территориального моря РФ и прилегающий к нему. Континентальный шельф РФ включает в себя морское дно и недра подводных районов, находящиеся за пределами территориального моря РФ на всем протяжении естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка. Подводной окраиной материка является продолжение континентального массива РФ, включающего в себя поверхность и недра континентального шельфа, склона и подъема.

Следует обратить внимание на неточность формулировки ч. 2 ст. 11 УК РФ, которая, по существу, распространяет беспредельную юрисдикцию на исключительную экономическую зону и континентальный шельф. Подобная трактовка противоречит международным актам, в частности Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В соответствии с ней юрисдикция прибрежных государств ограничена целевым назначением исключительной экономической зоны и континентального шельфа. В связи с этим, интерес представляет точка зрения авторов [12, с. 17; 13, с. 18–19], которые указывают, что уголовно-правовая юрисдикция России распространяется не на все преступления, совершенные в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе, а только на некоторые из них. При этом они предлагают привести ч. 2 ст. 11 УК РФ в соответствие с нормами международного уголовного права, дополнив последнее предложение ч. 2 ст. 11 УК РФ словами «в соответствии с международным договором Российской Федерации».

Таким образом, отмечаем, что территориальный принцип при определении пространственных пределов юридической ответственности за правонарушение является основополагающим, в доктрине и на практике он считается фундаментальным, рассматривается в качестве основы как уголовной, так и гражданской юрисдикции. Только на своей территории государство имеет наиболее широкую возможность как требовать законодательным путем определенного поведения от лиц (частных и должностных, физических и юридических, государственных органов), на ней находящихся, так и прибегать к принуждению в случае нарушения его требований, привлекать к юридической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А. О понятии и методологии исследования юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 76-82.
2. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 69-75.
3. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.
4. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. (15). С. 49-51.
5. Лучков В.В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 42-44. 6. Хаснутдинов Р.Р. К вопросу о пределах юридической ответственности за правонарушение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юрид. науки». № 3(3). 2010.
6. Ведомости Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3833.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 10. Ст. 823.
9. Верещагин А.Н. Междунар. воздушное право. М., 1966.
10. Международное публичное право: учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.] 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Проспект, 2005.
11. Черниченко О.С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2003.
12. Харламова Ю.Н. Ответственность иностранных граждан по Российскому уголовному праву: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
13. Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

TERRITORIAL LIMITS OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR OFFENCE

© 2014

Khasnutdinov R.R., the candidate of law, the deputy chief of chair «State-legal disciplines»
Samara Law Institute of Russia Federal Penal Service, Samara (Russia)

Annotation: In the article the category of legal responsibility is examined from position of its spatial. Territorial principle is in particular probed as fundamental at determination of spatial limits of legal responsibility.

Keywords: legal responsibility; limits; territorial principle; territory; jurisdiction; space

УДК 34

ПОЗИТИВНАЯ И РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

© 2014

Хачатуров Р.Л., доктор юридических наук, профессор,
заместитель директора института права по НИР
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Рассматриваются вопросы соотношения позитивной и ретроспективной ответственности.

Ключевые слова: ответственность; безответственность; правонарушения; обязанность.

В переходные периоды истории России многие политические и государственные деятели, говоря одно, на деле вершили другое, поэтому в обществе складывалось убеждение, что можно жить не по нравственным и правовым устоям. В таких условиях эрозии подвергается общественное правосознание, представление об ответственности отодвигается на последний план, а если и встает вопрос о ней, то чаще всего как об одном из факторов, который должен быть, как говорят спортсмены, «технично» обойден. Сегодня для многих есть два способа решения этой проблемы: легальный и неофициальный. Первый соответствует народной поговорке: «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Второй как говорил Диккенс: «Закон это телеграфный столб, через

него нельзя перелезть, но его всегда можно обойти».

На всех этапах развития человеческого общества падение моральной и юридической ответственности приводило к росту преступности: при этом чем дольше продолжались отношения юридической безответственности, тем больше организовывалась преступность. Вместе с тем безответственность оказывает влияние не только на воспитание подрастающего поколения, которое в таких условиях оказывается под давлением криминальной среды, но и существенно подрывает экономику. Развал экономики, со своей стороны, тоже является импульсом для развития преступности. Между тем, очевидно, что основной задачей системы воспитания должно быть формирование ответственности как черты харак-

тера правовой личности, способствующей сознательно и добровольно принятию ответственности. Именно в переходе ответственности от ретроспективного плана к перспективному проявляется прогрессивная тенденция ее эволюции. Однако невозможно развивать такую систему воспитания, когда «умение жить» становится принципом и критерием деятельности не только коммерческих структур. В такой социальной действительности спираль безнравственности и преступности вовлекает в правонарушения все новых и новых людей. В итоге образуется некий замкнутый круг.

Как известно, в 90е годы значительно деформировалась социальная ответственность, умножились негативно-правовые явления. По опубликованным данным, примерно каждый пятый из числа совершивших реальное преступление не подвергался уголовному наказанию.

В переходный период в стране резко возрос процент убийств, грабежей, разбоев и других преступлений против личности; правоохранительные органы не смогли противостоять этим негативным явлениям и сами переживали кризис. Известно, что бездействие уголовного закона ведет к новым преступлениям, так как у преступников формируется представление о том, что они и в дальнейшей не будут привлекаться к юридической ответственности. Вместе с тем юридическая безответственность деформирует правосознание граждан. Но правонарушение без ответственности явление ненормальное, социально недопустимое, антиправовое и весьма опасное.

Правонарушение это не просто нарушение закона, а посягательство на те жизненные условия, которые породили закон. Юридическая фиксация в праве общественно опасных и вредных деяний, определение мер ответственности за них способны, до известной степени, сократить уровень правонарушений. Конкретные формы деяний многообразны, их признаки зафиксированы в соответствующих нормативно-правовых актах. Однако в переходный период преступность изменилась, приняла новые формы, а это значит, что определенные социальные противоречия не разрешились в позитивном русле, а методы и правовое регулирование борьбы с преступностью указывают на то, что принимаемые меры осуществляются с запозданием и неэффективно.

Механизм преступного поведения образует взаимодействие специальных и обусловленных ими психических факторов. Специфика этого взаимодействия состоит в том, что оно формирует криминальную мотивацию и порождает преступление. Одно лишь знание правовых требований не гарантирует их соблюдения и исполнения, важна также социально-психическая позиция субъектов по отношению к требованиям права, которая облекается в форму правовых оценок, убеждений, чувств, привычек. Важным психологическим компонентом правосознания является чувство ответственности, которое способствует выработке у субъектов привычки добровольного соблюдения предписаний правовых норм.

Грань между ответственным и безответственным поведением проходит не только по линии, противоположной нравственной и юридической оценкам, но и по линии, противоположной социальной значимости поведения.

Всякая деятельность предполагает, что субъект этой деятельности считает ее наиболее целесообразной, но в то же время она должна согласовываться с интересами общества, отвечать объективным закономерностям его

развития. Совершая какие-либо действия, лицо должно сознавать или иметь возможность сознавать последствия своей деятельности и быть в состоянии объяснить обществу, отдельным людям и самому себе смысл и значение своих поступков, в этом суть и позитивной, и негативной ответственности.

Социальная ответственность не имела бы смысла, если бы личность не обладала способностью управлять собой и иметь конкретную позицию в изменяющихся жизненных обстоятельствах.

В сфере общественных отношений критериями определения соотношения между необходимостью и свободой воли личности являются, с одной стороны, предписания социальных норм, а с другой поведение (действие или бездействие) конкретной личности. Так как поведение имеет две полярные разновидности, то в любом социальном общении это соотношение может иметь двоякий характер: позитивный в случае, если поведение субъекта общественных отношений согласуется с требованиями соответствующих социальных норм; негативный если субъект нарушает эти требования. Отсюда ответственность можно рассматривать в двух аспектах: позитивном и негативном.

Позитивная ответственность проявляется как долг, обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями социальных норм. Негативная ответственность представляет собой обязанность субъекта претерпевать лишения за нарушение предписаний социальных норм.

В юридической литературе проблемы ответственности исследуются в основном в ретроспективном аспекте. Многие российские правоведы считают, что юридическая ответственность, с тех пор как она возникла, всегда была ответственностью за совершенное противоправное деяние.

Позитивная ответственность непосредственно связана с обязанностью, в связи с чем некоторые юристы подвергли критике концепцию позитивной ответственности, утверждая, что она не привносит ничего нового по сравнению с категорией обязанности и потому является искусственной. Однако они не учитывали, что позитивная ответственность не тождественна обязанности и представляет собой более сложное отношение. Прежде всего, юридической обязанности субъекта корреспондирует его право на государственное содействие, поддержку и охрану той деятельности, которая ему поручена и которую он правомерно и добросовестно осуществляет. Далее, позитивная ответственность имеет субъективную сторону: знание (понимание) лицом предъявленных к нему требований; принятие их к исполнению; стремление выполнить порученное дело хорошо; обеспечить достижение общественно полезных результатов. В нравственном аспекте позитивная ответственность характеризуется как осознание обязанности (долга) перед обществом и государством.

В механизме нормативного регулирования общественных отношений негативная и позитивная формы ответственности способствуют достижению единой цели регулированию и поддержанию общественного порядка.

Позитивная ответственность имеет созидательный характер и играет главенствующую роль [1].

Ретроспективная ответственность представляет собой временное явление, поскольку возникает в связи с нарушениями требований социальных норм. Между позитивной и Ретроспективной ответственностью имеются нераз-

равные связи, хотя ответственность в позитивном смысле имеет активный аспект — строгое осуществление социальных обязанностей, и поэтому в своем юридическом значении относится к правосознанию, правопорядку, законности; ее роднит негативной ответственностью то, что оба указанных явления тесно связаны с нравственно-психической характеристикой поведения людей.

В процессе воспитания и образования, под воздействием общественного мнения, личность усваивает существующие в обществе предписания социальных норм, а социальные нормы регулируют общественное поведение людей, в рамках которого люди вступают в отношения с коллективом, с другими людьми.

Юридическая ответственность должна закреплять в своих нормах, институтах и принципах наиболее прогрессивные модели человеческого поведения и запрещать (предупреждать) социально вредные и опасные правонарушения.

Для позитивной юридической ответственности достаточно нормативного основания, а для возникновения и применения негативной юридической ответственности необходимо и нормативное и фактическое основание ответственности.

Юридическая ответственность — это обязанность всех граждан, должностных лиц и организаций соблюдать предписания правовых норм, а в случае неисполнения обязанности претерпевать предусмотренные правом лишения личного и имущественного характера.

Правовая ответственность предполагает ответственность всех субъектов правоотношений за свои поступки и порученное дело и призвана воздействовать на сознание людей с целью повышения правосознания для обеспечения правомерного поведения. При этом акцентирована должна быть не санкция, а диспозиция правовой нормы с точным определением прав и обязанностей субъектов правоотношений [2].

Общесоциальная ответственность в сфере правового регулирования, прежде всего, сопряжена с соблюдением и исполнением юридических обязанностей как меры должного (необходимого) поведения субъектов. Не зря большинство существующих в науке ее характеристик дается посредством указаний на обязанности.

Главное в ответственности — достижение определенного положительного эффекта. Применительно к поведению правообязанных лиц общесоциальная ответственность проявляется, прежде всего, в объеме реализации соответствующих юридических обязанностей. В реализации пассивных юридических обязанностей (соблюдение правовых нормзапретов) она выражается в безусловном воздержании от действий, запрещенных юридическими нормами, ибо они фиксируются в виде категорических предписаний, не оставляя обязанным лицам иного варианта поведения.

Позитивная ответственность отражает отношения субъектов права, которые характеризуют процесс осуществления и исполнения прав и обязанностей, основанных на выборе поведения и его оценке с учетом требований правовых норм.

Негативная сторона общесоциальной ответственности, проявляющаяся в случаях невыполнения правовых требований, закреплена в правоохранительных нормах, институтах, отраслях, предусматривающих меру и вид юридической ответственности. При этом в ряде случаев правоохранитель-

ные нормы определяют вид негативного поведения и разновидность мер государственного принуждения.

Юридическая ответственность, как и другие виды социальной ответственности, едина. «Позитивная» и «ретроспективная» ответственность есть добровольная и принудительная формы реализации юридической ответственности, которая призвана отразить взаимосвязь диспозиции и санкции правовой нормы, позитивной юридической обязанности и меры государственного принуждения, поскольку они должны обеспечить должное, ответственное поведение субъектов права.

Ретроспективная ответственность без позитивной бессмысленна, а позитивная правовая ответственность без ретроспективной беззащитна, поскольку не имеет своего обеспечения.

«Граница» позитивной и негативной социальной ответственности нарушается конкретным поведением субъекта общественных отношений.

«Межа» позитивной и ретроспективной правовой ответственности нарушается конкретным противоправным поведением субъекта права, которое вызывает конфликтную ситуацию, необходимость государственного вмешательства и применения принуждения для восстановления правопорядка и ликвидации конфликта.

Юридическая ответственность как вид социальной ответственности есть атрибут правовых отношений. Возникновение, изменение и прекращение юридической ответственности для конкретного лица всегда связано с возникновением, изменением и прекращением правоотношений с его участием.

Юридическая ответственность за правонарушение должна возникать неотвратимо. Неотвратимость ответственности означает ее обязательное (без какого-либо исключения) применение за каждое правонарушение в отношении каждого правонарушителя. Занимаемые посты и должности, прошлые и настоящие заслуги, национальная принадлежность и вероисповедание не могут освободить правонарушителя от привлечения к ответственности.

Юридическая ответственность за правонарушение должна стать неизбежным следствием всех правонарушений. Внедрение в общественное сознание представления о неразрывных связях правонарушения и ответственности — важный фактор состояния правонарушений в обществе.

Повышение неотвратимости юридической ответственности в стране является сейчас одним из важных условий борьбы с правонарушениями.

Юридическая ответственность осуществляется деятельностью государственных органов, компетентными должностными лицами. Будучи средством борьбы с правонарушениями, эта деятельность сама должна быть ответственной, законной: нарушения законности в сфере юридической ответственности недопустимы.

Укрепление суверенности государственной власти и утверждение господства права и законности представляют собой два неразрывно связанных процесса. Обеспечение правового порядка государственной, политической и общественной жизни может быть осуществлено лишь всей системой государственной власти, которая организована на правовых началах и обеспечивает реализацию права как в законодательной, исполнительной и судебной деятельности, так и во всех сферах политической и общественной жизни.

В обществе распространено мнение, что борьба с преступностью может осуществляться с помощью действующего законодательства, которое отвечает потребностям практики, а последняя нуждается в совершенствовании. Действительно, нужно признать, что деятельность правоохранительных органов недостаточно эффективна в борьбе с преступностью, есть необходимость и возможность ее улучшения. Однако назрели объективные причины внесения изменений в законодательство для совершенствования структуры и деятельности правоохранительных органов в борьбе с тяжкими преступлениями и организованной преступностью. Вместе с тем нужно учитывать, что неправовой закон, с точки зрения нравственности, снимает проблему ответственности личности за деяние.

Проблемы правовой ответственности специфичны, довольно сложны и многогранны.

Цель политики, в частности и правовой, должна заключаться в том, чтобы гарантировать безопасность граждан, обеспечить их спокойный и творческий труд.

Но демократизация общественных отношений вовсе не означает ослабления борьбы с преступностью и допустимости либерального отношения к тем, кто совершает преступление. Безответственность правонарушителей приведет к дальнейшему росту преступности в стране.

Все общество нуждается в благотворном влиянии социальной ответственности как явления цивилизации и культуры. Именно сейчас, когда общество еще не определило все грани, отделяющие его от вседозволенности и безответственности, нужно утверждать в обществе атмосферу права, торжества справедливости и ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответственности и безответственности / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 6165.
2. Хачатуров Р.Л. О законности / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 3. С. 5963.

POSITIVE AND RETROSPECTIVE LEGAL RESPONSIBILITY

© 2014

Hachaturov R.L., Doctor of Law, Professor,
Deputy Director of the Institute of Law for research
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The problems of the relation of positive and retrospective responsibility.

Key words: responsibility, irresponsibility; offense; duty.

УДК 343

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2014

Цагикян С.Ш., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван (Армения).

Зограбян Н.Ю., старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, докторант Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван (Армения).

Аннотация: Авторы статьи, рассматривая дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности, как важнейшее условие исполнения принципов права, проводят исследование по актуальным вопросам разграничения преступлений по признакам специального субъекта.

Ключевые слова: Специальный субъект, уголовная ответственность, состав преступления, судимость, рецидив, должностное лицо, множественность, квалификация, исполнитель, законодатель.

Для привлечения к уголовной ответственности помимо общих признаков субъекта преступления, таких как вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности физическим лицом, специальные субъекты наделяются другими - дополнительными специфическими признаками, помогающими сузить, конкретизировать круг тех лиц, которые могут нести ответственность за совершенное деяние по закону.

Признаки специального субъекта преступления выполняют две функции: информационную и функцию установления оснований и дифференциации уголовной ответственности, которые соотносятся как форма и содержание. Место признаков специального субъекта в гипотезе, а не диспозиции нормы, что соответствует их информационной функции. Необходимо подчеркнуть, что в ранее действующем уголовном законодательстве понятие специального субъекта связывалось почти исключительно с характером деятельности лица. Вследствие увеличения количества составов со специальным субъектом (кстати, в УК РФ, количество статей со специальными субъектами составляет 58% от числа всех составов преступлений, а в УК РА - около 40%) расширилось и представление о дополнительных признаках субъекта, возникла потребность в их классификации.

Признаки специального субъекта достаточно многообразны и различны. При этом законодатель различным образом указывает на них.

Во-первых, признаки могут быть прямо описаны законодателем в диспозиции статьи Особенной части УК РА (РФ). Преобладают случаи четкого описания признаков лиц в статьях УК РФ, которые могут быть субъектами конкретного состава. К примеру, законодатель формулирует понятие должностного лица в ст. 308 УК РА (ст. 285 УК РФ), военнослужащего - в ст. 356 УК РА (ст. 331 УК РФ). Справедливо указывает В.В. Устименко, что избежать разноречивого толкования круга специальных субъектов, признаки которых не указаны в законе, можно лишь путем описания таких субъектов в самой диспозиции закона [1]. Например, субъектом убийства согласно ст. 106 УК РА (ст. 106 УК РФ) может быть только мать новорожденного ребенка; субъектом заражения ВИЧ-инфекцией может быть лишь ВИЧ-инфицированное лицо (ст. 123 УК РА и ст. 122 УК РФ). Субъектом побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 355 УК РА и ст. 313 УК РФ) могут быть лица, осужденные к лишению свободы (на определенный срок, к пожизненному лишению свободы) или к смертной казни, а также лица, в отношении которых в порядке меры пресечения избрано заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ).

Во-вторых, признаки вытекают из нормы закона. Так, ст. 348 УК РА (ст. 301 УК РФ) устанавливает ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Специальным субъектом указанного преступления могут быть только лица, уполномоченные на описанные действия: дознаватели, следователи, прокуроры. Правильно замечает А.С. Михлин, что отражение в диспозиции нормы такого элемента состава преступления как субъект происходит лишь в том случае, когда законодатель вводит какие-то ограничения. Например, специальным субъектом «производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не

отвечающих требованиям безопасности» (ст. 238 УК РФ) могут признаваться руководитель, главный инженер, начальник отдела технического контроля организации, а также лица, занимающие иные должности, но выполняющие функции названных субъектов, и, кроме того, индивидуальный предприниматель [2, 3].

Иногда нормы со специальным субъектом выделяются в отдельные главы. УК содержит две такие главы: глава 29 УК РА (глава 30 УК РФ) - преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (за исключением единственной ст. 312 УК РА (ст. 291 УК РФ), субъектом которой является любое лицо) и глава 32 УК РА (глава 33 УК РФ) преступления против военной службы. И это, на наш взгляд, не случайно. Главы, таким образом, создают целую систему норм, определяя признаки специальных субъектов. Так, глава 29 УК РА (глава 30 УК РФ) отражает составы должностных преступлений, которые могут быть совершены только должностными лицами; лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации; лицами, занимающими должности субъектов Российской Федерации; а также государственными служащими и служащими органов местного самоуправления, не относящиеся к числу должностных лиц. Лица, не занимающие названного служебного положения не могут признаваться субъектами таких общественно опасных деяний. Армянский и российский законодатель считает, что и общеуголовные, и воинские преступления должны основываться на единых началах, тем более что в ни в российском, ни в армянском государстве нет военно-уголовного законодательства.

В-третьих, признаки специального субъекта выводятся путем толкования других законодательных актов. Например, ст. 129 УК РА (ст. 124 УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за неоказание помощи больному. Закон, не называя прямо субъекта преступления, указывает его существенный признак: обязанность этого лица оказывать помощь больному по закону или по специальному правилу. В соответствии со специальными правилами, установленными компетентными органами здравоохранения РФ, все медицинские и фармацевтические работники обязаны оказывать первую неотложную помощь гражданам в общественных местах: в дороге, на улице, на пляже, в любых помещениях. Таковыми считаются: врачи, акушеры, фельдшеры, медицинские сестры и братья, провизоры и другие работники медицинской службы.

В связи со сказанным некоторые практические работники справедливо полагают, что при установлении специального субъекта большое значение имеют положения, содержащиеся в ведомственных нормативных актах: уставах, инструкциях и приказах, которые определяют круг полномочий тех или иных служащих государственных, общественных учреждений, организаций и предприятий, либо иные особые свойства субъекта.

Нередко в правоприменительной практике проводится неполная квалификация содеянного, за рамками квалификации остаются признаки специально-конкретного субъекта. Так, Арутюнян Р. был осужден по ч. 1 ст. 364 УК РА. Подсудимый Арутюнян проходил срочную военную службу, был включен в боевое дежурство, однако отказался нести боевое дежурство и самовольно оставил службу. Суд общей юрисдикции Сюникского марза, учитывая наличие смягчающих обстоятельств, поло-

жительную характеристику подсудимого, наличие на иждивении несовершеннолетнего ребенка, назначил ему наказание в виде ареста сроком на 2 месяца. В порядке, предусмотренном ст.70 УК РА назначенное наказание постановил считать условным и установил испытательный срок в 2 месяца. Прокурор принес апелляционную жалобу, мотивируя ее следующими доводами: назначение необоснованно мягкого наказания, приведет к отрицательному влиянию на дисциплину военнослужащих данной части при осуществлении своих обязанностей. Апелляционный суд удовлетворил протест прокурора и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 6 месяцев. Однако, в данном случае подсудимый являлся специально-конкретным субъектом, поскольку он обладал еще и дополнительными признаками, позволяющими ему нести боевую службу. А посему необходимо квалифицировать действия подсудимого еще и по ст. 365 УК РА [4] (перевод - З.Н.).

Н.С. Лейкина и Н.П. Грабовская в своей классификации признаков специальных субъектов (кстати, именно они впервые проанализировали указанные признаки в 1968 году) «родственные отношения», наряду с «полом и возрастом» относят к «демографическим признакам субъекта преступления» [5]. Целесообразнее, на наш взгляд, будет разделить эти признаки на «физические свойства специального субъекта» и «родственные отношения специального субъекта», так как родственные отношения не относятся к демографическим свойствам субъекта.

Ш.С. Рашковская, достаточно детально рассматривает признаки специального субъекта, среди которых указывает на мужчину как на исполнителя в таком преступлении, как изнасилование (п. 2 ее классификации) [6]. Однако надо заметить, за соисполнительство в изнасиловании уголовной ответственности подлежат и женщины, которые содействуют исполнителю путем применения физического или психического насилия к потерпевшей. При этом такие действия должны квалифицироваться как соисполнительство в групповом изнасиловании.

Помимо названных, Ш.С. Рашковская выделяет дополнительную группу признаков, характеризующих специального субъекта преступления:

1) лица, ранее совершавшие какое-либо преступление (повторность, неоднократность, систематичность, промысел);

2) лица, имеющие судимость либо наличие административного взыскания до привлечения к уголовной ответственности за аналогичные, но не менее опасные действия;

3) особо опасные рецидивисты» [7,8]. Необходимо отметить, что некоторые авторы (В.А. Владимиров и Г.А. Левицкий, Р. Орымбаев, С.П. Бузынова, В.В. Устименко) солидарны с Ш.С. Рашковской в этом вопросе. По указанной проблеме интересна позиция Н.Ф. Кузнецовой. Она относит повторность к признакам объективной стороны преступления, так как при анализе конкретных составов преступлений повторность чаще всего рассматривается как обязательный либо квалифицирующий признак объективной стороны преступлений [9,10].

Дополнительные признаки специального субъекта обычно формулируются в позитивной форме (таких составов преступлений большинство), но встречаются и негативные формы отражения признаков специального субъекта. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 122 УК РФ (ст. 123

УК РФ) за незаконное производство аборта ответственность несет лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, например, медицинские сестры, акушерки, а по ст. 280 УК РА (ст. 235 УК РФ) за незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью - только лицо, не имеющее лицензии на избранный вид деятельности.

Таким образом, негативная формулировка является приемлемым способом отражения некоторых признаков специального субъекта. Иначе попытка перейти к позитивному определению лица, «не имеющего надлежащего медицинского образования» (ст. 280 УК РА и ст. 235 УК РФ), привела бы к тому, что пришлось бы дать «весь список имеющихся на свете дипломов о высшем образовании, не являющемся медицинским» [11].

Признаки специального субъекта, как факультативные, могут играть двоякую роль в составе преступления и, соответственно, при квалификации. В большинстве случаев они выступают конструктивными (обязательными) для основного состава как, например, в должностных преступлениях. Однако в некоторых случаях законодатель включает их не в основной, а в квалифицированный состав (служебное положение - ст. 160 ч. 2 п. «в» УК РФ). Наличие по составу признаков специального субъекта не означает, что в преступлении не могут участвовать другие лица, не обладающие этими признаками. Общепринято, что признаки специального субъекта распространяются только на действия исполнителя [12]. Ответственность соучастников по общему правилу решается в зависимости от того, относятся ли данные признаки к содеянному и личности соучастников или к содеянному и личности исполнителя.

Следует разграничивать обстоятельства, которые относятся к деянию, и обстоятельства, относящиеся к характеристике субъекта преступника или личности исполнителя. Обстоятельства, относящиеся к характеру преступления, вменяются в ответственность каждому соучастнику, если они осознавались соучастниками. В юридической литературе на этот счет существуют различные мнения. Некоторые считают, что если рецидив или иные признаки, относящиеся к конкретному соучастнику отражают общественную опасность самого преступления, то они указываются при квалификации действий и других соучастников [13,14]. Другие ученые отмечают, что любые квалифицирующие признаки объективного и субъективного характера, находящиеся на стороне одного соучастника, должны вменяться и остальным соучастникам, если они были известны им [15, 16].

Преступления со специальным субъектом разграничиваются в зависимости от специфики отдельных видов преступлений, совершение которых связано с отдельной деятельностью людей. За такие преступления уголовная ответственность наступает только в случае наделения этих лиц в установленном законом порядке дополнительными признаками. Если же лицо оказалось вовлечено в сферу специальных отношений незаконно или по ошибке, то оно именуется ненадлежащим субъектом. Для разграничения преступлений по признакам специального субъекта законодатель использовал различные способы: в некоторых составах признаки специального субъекта, определяющие преступность деяния включены в уголовно-правовую норму, в других - они вытекают из других законодательных актов.

Подводя итог, хотелось бы сделать следующие выводы. Во-первых, специальному субъекту преступления помимо общих признаков субъекта преступления присущи и дополнительные (специфические) признаки. Однако надо заметить, что указанные признаки являются факультативными для понятия общего субъекта преступления. В конкретном же составе преступления, где признаки указаны, они строго обязательны, и не должны рассматриваться как вспомогательные.

Во-вторых, законодатель, вводя в закон признаки специального субъекта преступления, тем самым определяет, что данное преступление может совершить не всякое лицо, а лишь обладающее такими признаками. В-третьих, признаки специального субъекта преступления содержатся не только в диспозиции уголовно-правовой нормы, а выводятся путем логического, грамматического толкования, а также путем обращения к другим законодательным актам. В-четвертых, изучение указанной проблемы напрямую связано с вопросами правильной квалификации преступлений со специальными субъектами, уголовной ответственностью и назначением наказания, а правильное понимание их роли - весьма важным для укрепления законности, и, прежде всего, для объективности и правильности в принятии решения при вынесении приговора. В-пятых, признаки специального субъекта преступления являются средством дифференциации уголовной ответственности.

Отсутствие этих признаков в одних случаях полностью исключает уголовную ответственность, а в других - меняется лишь квалификация преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 20.
2. Михлин А.С. Последствия преступлений. М.: «Юридическая литература», 1969. С. 29-30.

3. Комментарий Уголовному кодексу Российской Федерации под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. М.: «Спарк», 2004. С. 543.
4. Уголовное дело № 0126/01/08 Архив Апелляционного суда РА. 2009.
5. Лейкина Н.С., Грабовская Н.П. Субъект преступления // курс советского уголовного права. Общая часть. Т.1. Л., 1968. С. 391.
6. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972. С. 203-206.
7. Владимиров В.А., Левицкий Г.А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. Лекция. М., 1964. С. 9.
8. Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве / Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 94.
9. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 66.
10. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учебник МГУ под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: «Зерцало-М», 2002. С. 293.
11. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: «Юридическая литература», 1972. С. 125.
12. Лобач Д.В. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за агрессию в российском уголовном законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. № 3(52). М.-Саратов, 2013. С. 54-58.
13. Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: «Наука», 1977. С. 139-140.
14. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Изд-во ЛГУ, 1968. С.67-68.
15. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: «Госюриздат», 1957. С. 286, 191.
16. Ковалев В.И. Соучастие по советскому уголовному праву. В 2-х частях. Свердловск. 1962. С. 161.

DISTINCTION OF CRIMES ON THE GROUNDS OF SPECIFIC SUBJECT OF THE CRIME

© 2014

Caghikyan S.Sh., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of Russian - Armenian (Slavonic) University,
Yerevan (Armenia)

Zohrabyan N.Y., Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of Russian- Armenian (Slavonic) University, a doctoral student of Russian-Armenian (Slavonic) University,
Yerevan (Armenia)

Annotation: The authors, considering the differentiation and individualization of criminal responsibility, as an essential condition for the execution of the principles of law, conduct research on topical issues distinguishing crimes on the grounds of a special subject.

Keywords: Special subject of criminal liability, the offense, criminal record, recurrence, officer, multiplicity, qualification, performer, legislator.

УДК 340

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССОВ

© 2014

Чуклова Е.В., доцент Института права*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Аннотация: Статья посвящена процессуальной ответственности как средству защиты конституционного и законодательного процессов. Рассмотрены основные меры процессуальной ответственности и их правовая регламентация.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, конституционный процесс, законодательный процесс, принуждение, предупреждение.

Конституционный и законодательный процессы нуждаются в собственных средствах защиты от посягательств со стороны их участников. Одним из таких средств является процессуальная ответственность. Успешное решение задач, поставленных перед государством, предполагает четкую, слаженную работу его государственного аппарата. Если применительно к иным органам это достигается с помощью уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных норм [11], то деятельность законодательных органов также должна подчиняться определенным правилам, что достигается путем совершенствования правового регулирования процесса их деятельности.

Необходимо законодательно защитить конституционный процесс, а также исходя из того, что «ту роль, которую в судах играет судопроизводство, в законодательных органах играют распорядок дня и регламент» [10], необходимо установить круг нарушений распорядка дня и регламента, а также меры ответственности за эти нарушения. Одним из средств воздействия на нарушителей законодательного и конституционного процесса может стать конституционно-процессуальная ответственность.

В ст. 54 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде РФ» [3] дается перечень нарушений (нарушение порядка заседания, неуважение к суду, неподчинение законным требованиям председательствующего) и перечисляются меры ответственности за эти нарушения (предупреждение, удаление из зала заседания и штраф). Утративший законную силу Закон РСФСР от 6.05.1991 «О Конституционном Суде РСФСР» [7] прямо называл штраф и предупреждение мерами процессуальной ответственности (ст. 40).

Система законодательного процесса в данном вопросе оказалась менее защищенной. А.П. Любимов полагает, что система законодательного процесса — это «определенный законодательством порядок осуществления законодательной деятельности, постоянно и последовательно повторяющийся во взаимной связи его элементов». В свою очередь, законодательная деятельность определяется как «работа по подготовке, внесению в законодательный орган, принятию и одобрению, подписанию и введению в действие федеральных законов с соблюдением требований, правил и процедур, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституцион-

ными законами, федеральными законами, регламентами Государственной Думы и Совета Федерации» [9]. Нарушение правил и процедуры принятия законов, требований регламента поведения в государственных органах требует применения к нарушителям определенных принудительных мер, которые, по сути, относятся к мерам процессуальной ответственности.

В сфере законодательного процесса к конституционно-процессуальной ответственности можно отнести санкции, применяемые в отношении членов парламента, а именно: предупреждение, выговор, временное отстранение от участия в работе парламента, налагаемые спикером палаты. Например, в соответствии с § 12 гл. 2 Акта о Риксдаге Швеции в отношении депутатов Риксдага может применяться такая мера, как лишение слова на определенный срок. Согласно постоянному правилу № 42 Палаты общин Великобритании, в случае нарушения депутатом порядка палаты спикер может распорядиться о том, чтобы депутат покинул палату на весь день. За более серьезные отступления от нормы поведения депутат может быть лишен права участвовать в заседаниях до конца сессии [8]. К санкциям имущественной конституционно-процессуальной ответственности за нарушение избирательного процесса можно отнести обращение избирательного залога в доход государства.

В соответствии со ст. 45 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ [6] выступающий в Государственной Думе не вправе нарушать правила депутатской этики — употреблять в своей речи грубые, оскорбительные выражения, наносящие ущерб чести и достоинству депутатов Государственной Думы и других лиц, допускать необоснованные обвинения в чей-либо адрес, использовать заведомо ложную информацию, призывать к незаконным действиям. В случае нарушения этих требований председательствующий предупреждает выступающего, а в случае повторного нарушения лишает его права выступления в течение всего дня заседания. В случае нарушения указанных требований депутат может быть также лишен права выступления на срок до одного месяца решением палаты, принимаемым большинством от общего числа депутатов. Кроме этого, в соответствии со ст. 52 Регламента ГД ФС РФ председательствующий вправе удалять из зала заседаний приглашенных лиц, ме-

шающих работе Государственной Думы.

Регламентом ГД ФС РФ ограничена продолжительность докладов, содокладов и заключительного слова 15 минутами для доклада, 10 минутами для содоклада и 10 минутами для заключительного слова. Выступающим в прениях предоставляется до десяти минут, а для повторных выступлений в прениях – до пяти минут. Для выступлений депутатов Государственной Думы по процедурным вопросам и выступлений с обоснованием принятия или отклонения внесенных ими поправок к законопроектам или проектам иных решений палаты, по кандидатурам, для ответов на вопросы, сообщений, справок, внесения изменений в порядок работы, предложенный Советом Государственной Думы, – до трех минут, для вопросов, выступлений по порядку работы и ведения заседания Государственной Думы – не более одной минуты. За нарушения этих правил к нарушителям председательствующий применяет меры конституционно-процессуальной ответственности в виде предупреждения, в последующем выступление нарушителя может быть прервано.

К процессуальной обязанности депутата Государственной Думы относится обязанность придерживаться темы обсуждаемого вопроса. Если он отклоняется от нее, председательствующий вправе напомнить ему об этом. Если замечание депутатом не учтено, председательствующий может прервать выступление депутата. Данные меры также являются мерами процессуальной ответственности.

Никто не вправе выступать на заседании Государственной Думы без разрешения председательствующего. Нарушивший это правило лишается председательствующим слова без предупреждения. Это также мера процессуальной ответственности. И последнее: приглашенные лица не вправе вмешиваться в ход парламентских слушаний, прерывать их выкриками, аплодисментами. Председательствующий на парламентских слушаниях может удалить нарушителей из зала заседаний.

В Регламенте Тольяттинской городской думы также закреплены меры процессуальной ответственности. Приглашенные на заседание Думы не имеют права вмешиваться в ее работу без разрешения председательствующего на заседании. В случае невыполнения распоряжений председательствующего они могут быть удалены из зала заседания.

Следующей сферой применения мер процессуальной ответственности в области законодательного процесса является обеспечение исполнения решений федеральных судов, вынесенных в связи с принятием органами государственной власти субъектов Российской Федерации нормативных актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Неподчинение органа государственной власти субъекта Российской Федерации требованиям Конституции влечет возможность применения в целях защиты Конституции Российской Федерации мер федерального воздействия в отношении органов государственной власти, субъектов Российской Федерации [5]. Применение этих мер подтверждает положения Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4], а также Федеральные конституционные законы «О Правительстве Российской Федерации» [1], «О судебной системе Российской Федерации» [2] и «О Конституционном Суде Российской Федерации», в

ст. 80 которого Федеральным конституционным законом от 15 декабря 2001 года были внесены изменения, специально предусматривающие механизм такого воздействия в связи с невыполнением обязанностей государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации на основании решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Согласно положениям вышеперечисленных нормативных актов, соответствующими судами должно быть установлено, что конституция, устав, закон или иной нормативный правовой акт содержат положения, противоречащие Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Судебными решениями также устанавливаются основания для применения мер федерального воздействия. Одним из таких оснований является то обстоятельство, что законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в течение установленного срока не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению судебного решения, в том числе не отменил нормативный акт, признанный судом противоречащим федеральному закону и недействующим.

В законе также закреплена форма применения соответствующих принудительных мер. Мера федерального воздействия применяется, если судебным решением признан неправомерный характер акта субъекта Российской Федерации, а затем другим судебным решением установлен факт его неисполнения, т.е. то, что законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации вопреки судебному решению, носящему окончательный характер и вынесенному именем Российской Федерации в порядке осуществления ее конституционных полномочий, исходит из того, что принятый им акт действует, подлежит дальнейшему применению как составная часть правовой системы Российской Федерации. Из четырех перечисленных в п. 4 ст. 9 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» мер федерального воздействия к мерам конституционно-процессуальной ответственности можно отнести вынесение указом Президента Российской Федерации предупреждения в адрес законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, в пределах своих полномочий не обеспечившего по истечении установленного срока исполнение решения суда. Данное полномочие Президента Российской Федерации вытекает из его конституционных функций по осуществлению возложенных на него задач федеральной государственной власти и обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ст. 78 ч. 4; ст. 80 ч. 2, Конституции Российской Федерации).

По существу, вынесение предупреждения в адрес законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации является профилактической мерой, которая призвана побудить органы государственной власти субъектов Российской Федерации к добровольному исполнению решения суда, способствовать выполнению ими конституционных обязанностей, и одновременно создает дополнительную гарантию для субъекта Российской Федерации в процеду-

ре применения федерального воздействия.

Такое предупреждение способствует как своевременному исключению применения нормативных правовых актов, признанных противоречащими федеральному законодательству, так и инициированию субъектом Российской Федерации рассмотрения дела Конституционным Судом Российской Федерации в процедурах проверки нормативных правовых актов или спора о компетенции.

Поскольку предупреждение выносится в форме ненормативного указа Президента Российской Федерации, не исключается также возможность его опаривания в установленном процессуальным законом порядке в Верховном Суде Российской Федерации, решение которого, однако, не может ставить под сомнение ни состоявшееся, ни возможное в будущем решение Конституционного Суда Российской Федерации и не должно предопределять его содержание [5].

На законодательном уровне закреплена процедура применения предупреждения. Она предполагает следующие обязательные элементы: признание судом акта, изданного высшим должностным лицом или высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, противоречащим Конституции Российской Федерации и федеральным законам; подтверждение в судебном порядке неисполнения решения суда, т.е. непринятия мер для исключения признанного недействующим нормативного акта из правовой системы Российской Федерации при условии, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации не обратилось в суд для разрешения спора; вынесение Президентом Российской Федерации предупреждения в адрес этого лица в связи с непринятием им мер по отмене приостановленного указом Президента Российской Федерации соответствующего нормативного акта (подпункты "а" и "б" п. 2 ст. 29.1) [5]. Кроме всего, процедура применения мер предупреждения, выносимых Президентом Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», не отличается сложностью и длительностью применения и рассчитана на реальное применение в отличие от остальных мер федерального воздействия, процедура применения которых «настолько сложна и длительна, если учесть еще возможность всякий раз оспорить в суде каждый ее

этап (стадию), то станет ясно, что она не рассчитана на ее реальное применение, а потому она теряет всякий смысл и уже в силу этого не соответствует принципам демократического правового государства» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
2. Федеральный конституционный закон «О судебной системе» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 05.04.2013) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // «Российская газета», N 138 - 139, 23.07.1994.
4. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» в связи с запросами государственного собрания (ИЛ ТУМЭН) Республики Саха (Якутия) и совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 15. – Ст. 1497.
6. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания РФ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.
7. Закон РСФСР от 6.05.1991 «О Конституционном Суде РСФСР» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 19. – Ст. 621.
8. Виноградов В.А. Конституционно-правовые санкции // Законодательство. – 2001. – № 12. – С. 61.
9. Любимов А.П. Парламентское право России. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2002. – С. 226-227.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 11. – С. 374.
11. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. – М., 1976. – С. 60.

PROCEDURAL RESPONSIBILITY AS A MEANS OF PROTECTING THE CONSTITUTIONAL AND LEGISLATIVE PROCESSES

© 2014

Chuklova E. V., associate professor of the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper is devoted to procedural accountability as a means of protecting the constitutional and legislative processes. The main measures of procedural responsibilities and their legal regulation.

Keywords: procedural responsibility, constitutional process, the legislative process, enforcement, prevention.

УДК 340

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

© 2014

Чуклова Е.В., доцент кафедры Предпринимательское и трудовое право
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Кривицкий В.В., преподаватель

ГБПОУ Тольяттинский химико-технологический техникум, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена исследованию процессуальной ответственности как меры процессуального принуждения. Также в статье рассмотрены основные отличия мер процессуальной ответственности, мер защиты и обеспечительных мер. Авторы пришли к выводу, что к мерам негативной процессуальной ответственности можно отнести только те меры, которые имеют цель карательного воздействия на правонарушителя, связаны с возложением на него дополнительных обязанностей, влекут за собой ограничения личного и (или) имущественного характера.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, принуждение, предупреждение, меры защиты, меры безопасности.

Принуждение в юридической литературе рассматривается как воздействие на субъекта отношений со стороны государства [1]; как способ подавления отрицательных волевых устремлений с целью подчинить волю субъектов требованиям норм права [2]; как «наблюдение за правомерностью поведения участников общественных отношений, исследование обстоятельств допущенных нарушений, разбирательство и разрешение дел, реализацию примененных санкций» [3]. Последнее определение отражает только одну из специфических характеристик государственного принуждения, а именно, процедуру его применения.

Проводить классификацию правовых форм процессуального принуждения мы предлагаем по таким признакам, как: функционально-целевая направленность, основание применения, правовые последствия применения и содержание применяемых мер.

Функционально-целевая направленность. Целью процессуальной ответственности как правовой формы принуждения является кара (наказание) правонарушителя. Цель применения мер защиты – восстановление нарушенных прав, интересов и правопорядка. Цель применения мер – обеспечения – пресечение нарушения прав и интересов участников процесса, обеспечение надлежащего разрешения дела.

В частных отраслях права отличить юридическую ответственность по данному признаку достаточно сложно, поскольку меры ответственности сливаются с мерами защиты и выполняют не только карательную, но и восстановительную функцию (например, компенсация морального вреда в гражданском и трудовом праве), но в публичных отраслях права ответственность отличается от иных форм принуждения именно по своей цели (например, ст. 258 УПК РФ предусматривает удаление из зала судебного заседания лица, нарушающего порядок – данная мера будет мерой предупреждения, наложение в этом случае денежного взыскания будет мерой ответственности).

Фактическое основание применения. Основанием применения мер ответственности является правонарушение в совокупности всех его признаков. Фактическим основанием применения мер защиты является поведение, неугодное государству в рамках конкретных общественных отношений, которое может быть как противоправным, так и правомерным (истребование имущества собственником у добросовестного приобретателя). Основанием применения обеспечительных мер является предположение о возможном нарушении прав и интересов участников процесса (например, угроза передачи предмета спора ответчиком третьему лицу). В данном случае ст. 140 ГПК РФ предусматривает возможность для суда запретить ответчику определенные действия. Если говорить о мерах пресечения, то фактическим основанием применения будет угроза совершения правонарушения, уменьшение его последствий, предупреждение совершения новых правонарушений.

Говоря об основании применения той или иной правовой формы принуждения, уместно употреблять термин «правонарушение». Основанием применения мер процессуальной ответственности является правонарушение, в состав которого входят объект, субъект, объективная сторона и субъективная сторона. Основанием применения мер защиты является так называемое «объективированное деяние», т.е. главным квалифицирующим признаком является вредоносный результат, причиненный управомоченной стороне, который может быть вызван как правомерными, так и неправомерными действиями обязанного субъекта, а также причинно-следственная связь между действиями и вредоносным результатом.

В данном случае уместно рассмотреть такой вопрос: если нет вины обязанного субъекта, каким формам государственного принуждения он может быть подвергнут – мерам ответственности или мерам защиты?

Мы согласны с учеными, которые исходят из того, что меры юридической ответственности применяются

только при наличии вины обязанного субъекта, а меры защиты – при ее отсутствии (В.Д. Ардашкин, С.Н. Кожевников). Стоя на такой позиции, мы разделяем мнение тех ученых, которые отрицают наличие безвиновной ответственности (А.П. Чирков) и считаем, что при отсутствии вины целесообразнее говорить о мерах защиты прав уполномоченной стороны.

Данный принцип распространяется и на публично-правовую сферу. В частности, мы не согласны с Е.С. Попковой [4], которая считает, что возмещение государством ущерба, причиненного незаконным лишением свободы, незаконным арестом, применяется независимо от вины должностных лиц. Вина этих лиц в данной ситуации значения не имеет. В данном случае уместно утверждать не об ответственности, а о защите прав потерпевшего, т.к. в ст. 53 Конституции РФ закреплено право каждого на возмещение вреда, причиненного действиями органов государственной власти. Данному праву корреспондирует обязанность государства возместить указанный ущерб, но возмещая его, оно не выходит за рамки существующей обязанности.

Правовые последствия применения. Правовыми последствиями применения мер процессуальной ответственности является реализация наказания, мер защиты – уменьшение ущерба, мер обеспечения – ограничение прав и свобод участников процесса на протяжении всего времени применения таких мер, которые являются определенными во времени и одинаковыми по протяженности для всех субъектов правового воздействия [5]; когда действие обеспечительных мер прекращается, автоматически прекращается и ограничение прав и свобод.

Кроме того, при применении мер процессуальной ответственности дается своеобразная оценка поведения субъекта правонарушения, при применении мер защиты – оценка прав защищаемого субъекта, при применении мер обеспечения оцениваются обстоятельства, при которых совершается то или иное деяние, и если имеется предположение о нарушении тех или иных прав, причинении вреда тем или иным интересам, то применяется соответствующая мера обеспечения.

Содержание применяемых мер. Основное отличие процессуальной ответственности заключается в ее содержании, а именно, она связана с возложением на правонарушителя дополнительной обязанности, т.е. подразумевает исполнение санкции правовой нормы. Применение защиты возможно в рамках существующей обязанности. Другими словами, меры защиты применяются к лицам в целях обеспечения исполнения диспозиции правовой нормы, раскрывающей первичную обязанность субъекта правоотношения, которую он не исполнил, а должен был исполнить. Применение мер обеспечения служит основанием возникновения дополнительных обязанностей не только у самого принуждаемого, но и у других лиц. Меры обеспечения не совпадают с мерами ответственности по той причине, что могут быть самостоятельными, а могут служить основанием применения мер ответственности, если цели, в достижение которых они применялись, не были достигнуты. От мер защиты они отличаются тем, что иногда выходят за рамки первичной неисполненной обязанности.

Таким образом, процессуальное принуждение опосредуется в реальных общественных отношениях через психическое или физическое воздействие на сознание

и поведение субъектов правоотношений. Его существование возможно в двух правовых формах: защита права (включает в себя меры процессуальной ответственности, меры защиты, меры безопасности) и меры обеспечения, которые классифицируются по таким признакам, как: функционально-целевая направленность, основание применения, правовые последствия применения и содержание применяемых мер.

Чтобы однозначно утверждать, что в российском законодательстве имеются меры процессуальной ответственности, а не материально-правовые меры, применяемые за процессуальные нарушения, необходимо провести между ними грань путем анализа их отличий. В качестве примера целесообразней анализировать меры, которые представлены как в материальных, так и в процессуальных отраслях.

В процессуальном законодательстве закреплено четыре меры юридической ответственности, которые некоторые авторы [6] относят к мерам материальной ответственности: штраф (якобы по правовой природе является мерой административной ответственности); взыскание компенсации за потерю времени (возмещение судебных расходов) – гражданско-правовая мера; предупреждение и удаление из зала судебного заседания – меры административно-правовые.

На наш взгляд, штраф, взыскание компенсации за потерю времени, предупреждение и удаление из зала судебного заседания как меры процессуальной ответственности имеют существенные отличия от таковых в материальных отраслях права.

Судебный штраф предусмотрен в качестве меры административной, уголовной и процессуальной ответственности. Судебный штраф (ст. 54 ФКЗ «О Конституционном суде РФ», ст. 119 АПК РФ, гл. 8 ГПК РФ (в УПК РФ – денежное взыскание (ст. 117)) как мера процессуальной ответственности имеет следующие отличительные признаки.

Во-первых, судебный штраф по своей юридической природе является мерой процессуального принуждения как способ реализации процессуальных обязанностей. Во-вторых, он применяется в отношении лиц, участвующих в деле, и иных лиц, которые имеют в отношении суда определенные обязанности, и налагается он за действия, которые препятствуют нормальному ходу процесса. В-третьих, основания наложения судебного штрафа предусмотрены в процессуальном законодательстве. В-четвертых, налагается штраф судом как стороной процессуального правоотношения. В-пятых, уплата штрафа не освобождает субъекта от исполнения возложенной обязанности. Кроме того, административный штраф может применяться как к индивидуальным, так и к коллективным субъектам. Этим он отличается от процессуального штрафа, который налагается только на граждан и должностных лиц организаций. Уголовный штраф налагается только судом посредством вынесения приговора и влечет за собой судимость. Наложение процессуального штрафа фиксируется либо в несудебных постановлениях, либо в определениях суда [7].

Взыскание компенсации за фактическую потерю времени в качестве меры, налагаемой на сторону, недобросовестно заявившую неосновательный иск, систематически противодействующую правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела,

предусмотрено в ст. 99 ГПК РФ. В соответствии со ст. 111 АПК РФ, если лицо, участвующее в деле, не выполняет свои процессуальные обязанности, что приводит к срыву судебного заседания, арбитражный суд может отнести все судебные расходы на счет этого лица. Некоторые авторы ошибочно относят данную меру к мерам гражданско-правовой ответственности за процессуальное правонарушение. Эта мера действительно имеет много общего с возмещением ущерба в гражданском праве, но есть и ряд отличий. Во-первых, целью данной меры является наказание стороны, затягивающей процесс, а не восстановление в правах противоположной стороны. В АПК РФ дана более удачная формулировка данной меры процессуальной ответственности. Во-вторых, в гражданском праве основополагающим принципом является принцип полного возмещения ущерба, тогда как в соответствии с процессуальным законодательством по заявлению лица, на счет которого возлагается данная мера, суд может уменьшить размер возмещаемых расходов.

Предупреждение как мера процессуальной ответственности отличается от административного предупреждения тем, что выносится за неисполнение процессуальных обязанностей в рамках судебного процесса. О наложении административного предупреждения выносится решение, которым дело разрешается по существу. Процессуальное предупреждение выносится в виде протокольного определения, и закон не предусматривает его обжалование. Любое административное взыскание может быть обжаловано.

Удаление из зала судебного заседания в качестве меры процессуальной ответственности применяется к нарушителям порядка в судебном заседании и выносится в виде протокольного определения, которое в соответствии с процессуальным законодательством не подлежит обжалованию.

Таким образом, меры негативной процессуальной ответственности отличаются от мер иных видов ответственности по индивидуально-правовому статусу субъекта ответственности и по правовой природе акта применения мер ответственности. Все они имеют цель карательного воздействия на правонарушителя, связаны с возложением на него дополнительных обязанностей, влекут за собой ограничение личного или имущественного характера.

Процессуальная ответственность занимает самостоятельное место в системе процессуального принуждения наряду с мерами защиты, мерами безопасности и мерами обеспечения. Мы пришли к выводу, что к мерам негативной процессуальной ответственности можно отнести только те меры, которые имеют цель карательного воздействия на правонарушителя, связаны с возложением на него дополнительных обязанностей, влекут за собой ограничения личного и (или) имущественного характера. Основанием их применения является виновно совершенное процессуальное правонарушение [8].

Первостепенная роль мер защиты заключается в восстановлении нарушенного права, а последствия применения этих мер заключаются, как правило, в форме лишения права, отказа в защите права [9]. Меры защиты применяются к лицу, если его поведение соответствует условиям, закрепленным в гипотезе процессуальной нормы, в диспозиции которой закрепляются обязанности органа, полномочного применять эти меры. Меры защиты не содержат в себе осуждение поведения лица, а ставят своей целью восстановление процессуального порядка и принуждают к исполнению уже существующей обязанности. Меры безопасности применяются в целях защиты жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства и также не содержат в себе осуждение со стороны государства. Эти меры закреплены в диспозиции правовой нормы в качестве обязанностей и прав органов с властными полномочиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов Л.Л. Убеждение и принуждение. — М., 1968. — С. 13; Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. — 1978. — № 5. — С. 47-53; Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. — Тарту, 1966.
2. Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. — 1970. — № 7. — С. 33-40.
3. Самошенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. — М.: Юридическая литература, 1971. — С. 49.
4. Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 80.
5. Овсепян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). — Ростов-н/Д.: Эверест, 2005. — С. 216.
6. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
7. Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность: Монография. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 85.
8. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Самара, 2009. — С. 86.
9. Юткина С.М. Гуманизация государственного принуждения как приоритет правовой политики Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. № 1(50) 2013. С. 13-19.

PROCESS RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF PROCEDURAL COERCION

© 2014

E.V. Chuklova, assistant professor of business and labor right
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
V.V. Krivickij, teacher
GBPOU Togliatti Chemical Engineering College
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article is devoted to procedural responsibility as measures of procedural coercion. The article also describes the main measures of procedural differences liability protection measures and security measures. The authors concluded that measures to negative procedural responsibilities include only those measures that have the purpose of punitive impact on the offender, connected and charged him with additional responsibilities entail restrictions of personal and (or) property.

Keywords: procedural responsibility, coercion, prevention, protective measures, security measures.

УДК 347.12

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Чурюкина Е.М., студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В период развития рыночных отношений, мы ежедневно сталкиваемся с заключением разнообразных договоров и сделок, становимся участниками гражданского оборота. Именно поэтому для каждого из нас актуальным вопросом является гарантия и защита гражданских прав. Верное определение понятия гражданско-правовой ответственности, и законное применение ее мер способствует правовой защищенности населения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, обязанность, отчет в своих действиях, санкция, отрицательные последствия, позитивная ответственность, ретроспективная ответственность.

Понятие гражданско-правовой ответственности является важной составляющей частью гражданского права. Верное определение данного понятия способствует законному и обоснованному применению мер гражданско-правовой ответственности, которые защищают права участников гражданских правоотношений и обеспечивают их восстановление в случае нарушения. В целом защита и восстановление нарушенных прав стабилизирует развитие гражданского оборота, что является одной из важнейших задач любого государства и общества.

В главе 25 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященной общим нормам ответственности, законодатель не формулирует само понятие ответственности. Именно поэтому данный вопрос является в науке дискуссионным. С.Н. Ермолаев верно отмечает, что законодательного закрепления понятия ответственности нет ни в одной из систем права. [1] Например, в англо-американской системе права на сегодняшний день не существует не только легального определения гражданско-правовой ответственности, но и доктринального. [2] Самые первые разработки дефиниции гражданско-правовой ответственности принадлежат французским

цивилям XVIII века.[3] Советские ученые активно разрабатывали понятие гражданско-правовой ответственности, говоря о применении гражданско-правовой ответственности, основаниях, мерах и условиях.[4]

Что же такое гражданско-правовая ответственность? В чем заключается ее сущность? Актуальность данных вопросов обусловлена тем, что единообразное понимание данного термина на практике способствует справедливому применению мер ответственности, соразмерности применяемой санкции к совершенному правонарушению. Подчеркнем, что меры гражданско-правовой ответственности обеспечивают защиту и восстановление нарушенных гражданских прав, а их правильное применение и реализация ведет к стабильному развитию гражданского оборота.

Ряд ученых утверждают, что ответственность — это реализуемая правом обязанность. В.А. Тархов определяет гражданско-правовую ответственность как «обязанность дать отчет в своих действиях». [5] В.В. Витрянский критикует данное определение, называя его «примером беспредельно широкого подхода к понятию юридической ответственности», который влечет утрату данным

понятием практического значения. [6] Точку зрения В.А. Тархова считают неудачной ученые Ю.К. Толстой и А.П. Сергеев, говоря о том, что «обязанность дать отчет в своих действиях может иметь место и тогда, когда правонарушения нет. Закрепленные в нормативно-правовых актах меры юридической ответственности не сводятся к отчетам в своих действиях, а устанавливают для правонарушителя отрицательные последствия». [7]

Можно ли сделать вывод о том, что определение юридической ответственности, данное В.А. Тарховым, является не совсем удачным? Отчасти согласимся с ученым В.В. Витрянским, который указывает, что определение ответственности, как обязанности дать отчет в своих действиях является слишком широким. Действительно, такая трактовка ответственности не отражает всех ее признаков и выражена абстрактно. Также частично согласимся с учеными Ю.К. Толстым и А.П. Сергеевым, в том, что обязанность может иметь место и при отсутствии правонарушения, так как, вступая в гражданские правоотношения, стороны наделяются, как правило, взаимными правами и обязанностями, которые существуют в отсутствие правонарушения. Но вспомнив работы по юридической ответственности советского ученого М.С. Строговича и его классификацию юридической ответственности, критика положения В.А. Тархова о том, что юридическая ответственность – это обязанность дать отчет в своих действиях, перестает быть столь веской. В своей работе М.С. Строгович делит юридическую ответственность на два вида: позитивную – ответственное отношение человека к своим обязанностям и ретроспективную – принуждение, взыскание, наказание за невыполнение обязанности. [8]

Исходя из этой классификации, можно сделать вывод о том, что положение В.А. Тархова отражают позитивный аспект ответственности, то есть ответственное отношение лица к своим обязанностям. В свою очередь В.В. Витрянский, Ю.К. Толстой и А.П. Сергеев рассматривают ответственность с точки зрения ретроспективного подхода, понимая ответственность как принуждение, взыскание за невыполнение обязанности, не учитывая позитивный подход к рассмотрению данной дефиниции.

Среди ученых существует множество сторонников понимания гражданско-правовой ответственности с точки зрения ретроспективного подхода. Например, Е.А. Суханов формулирует понятие гражданско-правовой ответственности как «одну из форм государственного принуждения, которая состоит во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, возлагающих на правонарушителя невыгодные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего». [9] Также О.Б. Беляева характеризует гражданско-правовую ответственность как «санкцию, вызывающую для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав...». [10] М.Н. Малеина дает следующее определение гражданско-правовой ответственности «это вид санкции, в форме правоотношения, характеризующийся неблагоприятными последствиями имущественного или неимущественного характера на стороне правонарушителя и обеспеченный государственным принуждением». [11]

М.С. Студенкина формулирует похожее определение гражданско-правовой ответственности как «санкция, применяемая к правонарушителю в виде возложения на

него дополнительной обязанности». [12] И.С. Самошенко отмечает, что «термин ответственность предполагает долг, обязанность, наказание правонарушителя». [13]

Понятие гражданско-правовой ответственности с точки зрения ретроспективного подхода обусловлено тем, что в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации ответственность рассматривается как следствие причиненного вреда, как санкции, возложенные на правонарушителя или дополнительные обязанности. Например, статья 393 обязанность должника возместить убытки закрепляет, что «должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств». Статьей 394 за неисполнения или ненадлежащее исполнение обязательств предусмотрена неустойка. В данном случае неустойка является санкцией, применяемой к правонарушителю. В статье 395 в форме санкции выступает взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания. [14]

Но стоит отметить, что гражданско-правовая ответственность с точки зрения ретроспективного подхода не отражает всей сущности данного понятия и рассматривается в рамках обособленного подхода.

Важным для формулирования дефиниции гражданско-правовой ответственности является выявление ее целей. Наиболее точно, на наш взгляд, основную цель гражданско-правовой ответственности отразил в своей работе Н.В. Витрук. Он пишет, что «основной целью гражданско-правовой ответственности» является «восстановление прав, возмещение причиненного вреда». [15]

Из выше изложенного можно сделать вывод о том, что наиболее полное определение гражданско-правовой ответственности должно отражать в себе позитивный и ретроспективный подходы к данному термину. Не менее важным является понимание практического назначения гражданско-правовой ответственности. Таким образом, гражданско-правовая ответственность – это ответственное отношение к своим обязанностям, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения которых к правонарушителю применяются санкции, с целью восстановления прав потерпевшего, возмещения причиненного вреда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолаев Н.С. Тамбов: Грамота, 2010. № 8 (39). С. 12-15.
2. Договорная ответственность по зарубежному праву: аналитический обзор // Журнал российского права. 1999.
3. Варкалло В. Об ответственности по гражданскому праву. М.: Прогресс, 1978. С. 88.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2003, 640 с.
5. Тархов В. А. Ответственность по советскому праву. Саратов, с. 1.
6. Договорное право. Общие положения Брагинский М.И., Витрянский В.В. . 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 1998. Кн. 1.
7. Гражданское право, учебник, ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, М., 2008 с. 642.
8. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право, 1979. №5. С. 78.

9. Гражданское право: в 2-х т. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Изд. БЕК, 1998, с. 431.
10. Предпринимательское право / под ред. В. Б. Ляндреса. М.: Беляева О.А. «Контракт», «Инфра», 2009. С. 223.
11. Гражданское право: в 2-х ч. / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: 2005, Ч.1. с. 660.
12. Теория государства и права. / под ред. А.С. Пиголкина. М.: «Городец», 2003, с. 434.
13. Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М., 2010.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации.- М.:Омега,2013.- 128 с.
15. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: НОРМА, 2009. С.229.

CONCEPT OF CIVIL LIABILITY

© 2014

Churyukin E.M., a student of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: During the development of market relations, every day we are faced with the conclusion of various agreements and transactions become participants of civil turnover. That is why each of us is a topical issue and guarantee the protection of civil rights. True definition of civil liability, and the legitimate use of its legal protection measures contributes population.

Keywords: legal responsibility, duty, account for their actions, sanction, negative consequences, positive responsibility retrospective responsibility.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Юмаева Р.Р., магистрант, старший инспектор Автозаводского отдела судебных приставов
УФССП России по Самарской области

Аннотация: В статье исследуется понятие института юридической ответственности. Автор исходит из того, что институт юридической ответственности является межотраслевым и обладает регулятивно-охранительной природой. Обосновывается реальность и юридический характер позитивной юридической ответственности.

Ключевые слова: правовой институт; юридическая ответственность; институт юридической ответственности; позитивная юридическая ответственность

В правовых науках юридическую ответственность определяют как меру государственного принуждения (О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, И.А. Галаган и др.); реализацию санкции (О.Э. Лейст); претерпевание лицом неблагоприятных последствий (Л.Л. Кругликов); наказание (Н.С. Малеин); дополнительную обязанность (Б.Т. Базылев, С.Н. Братусь, С.С. Алексеев, С.Н. Кожевников, А.Ф. Черданцев); обязанность дать отчет (В.А. Тархов); правоотношение (А.С. Булатов, И.Н. Сенякин); способность нести ответственность (В.М. Горшенев); совокупность правоотношений (А.И. Марцев) [1, с. 24].

На основе анализа различных точек зрения и действующего законодательства мы приходим к выводу, что каждая из концепций отражает определенную черту, но не раскрывает явления юридической ответственности в целом, а в некоторых концепциях отражаются или свойства субъекта юридической ответственности, или процессуальная деятельность компетентных органов, протекающая в рамках правовых отношений.

Вместе с тем, отмечается важность каждой из кон-

цепции для развития общей теории юридической ответственности. Мы присоединяемся к позиции ученых, считающих, что государственное принуждение, дополнительная обязанность, реализация санкции, осуждение правонарушителя, претерпевание неблагоприятных последствий являются признаками юридической ответственности и одновременно ее проявлениями. Причем появляются и находят свое выражение в реальной действительности эти признаки в определенной временной и логической последовательности, когда существование одного обуславливает наличие другого проявления юридической ответственности.

Юридическая ответственность — это обязанность, вытекающая из юридического факта правонарушения, реализующаяся в осуждении субъекта и претерпевании им неблагоприятных последствий личного, имущественного или организационного характера. При этом ответственность не сводится нами к одному из ее признаков: обязанности, осуждению, государственному принуждению и самому претерпеванию различных правоограничений [2, с. 63].

Относительно позитивной юридической ответственности можно отметить, что под ней в юридической науке понимают: обязанность действовать правомерно; правомерное поведение; элемент правового статуса личности; чувство долга (чувство ответственности); применение мер поощрения; меру свободы. Мы с читаем, что в различных концепциях позитивной юридической отражена одна из характеристик позитивной юридической ответственности. Позитивная ответственность субъекта появляется в момент вступления соответствующей нормы права в силу, в которой заложен (указан) вариант ответственного и правомерного поведения. В норме права могут быть сформулированы позитивная обязанность, запрет или правомочие, а субъект не имеет права злоупотреблять предоставленными ему правами, нарушать запреты и не реализовывать позитивные обязывания. Далее следует осознание необходимости и взаимовыгодности действовать ответственно и правомерно, что в итоге воплощается в реальное правомерное поведение субъекта, которое затем оценивается уполномоченными органами. Результат оценки может выразиться в одобрении действий субъекта или применении мер поощрения [3, с. 160; 4, с. 120].

Позитивная юридическая ответственность – это юридическая обязанность по соблюдению предписаний правовых норм или право субъекта на совершение социально активных действий, реализующиеся в правомерном поведении и влекущие одобрение или применение мер поощрения [5, с. 12].

Юридическую ответственность можно рассматривать на уровне отрасли права, а также на уровне всей системы права, определяя ее как комплексный, межотраслевой и функциональный правовой институт.

Институт юридической ответственности участвует в регулировании отношений, которые не являются конфликтными. Противники регулятивной природы института юридической ответственности не принимают во внимание такой важный аспект, как деление регулятивного воздействия на регулятивно-статическое и регулятивно-динамическое, т.к. институту ответственности присуща в большей степени регулятивно-динамическая подфункция, заключающаяся в развитии динамики и способствовании нормальному функционированию общественных отношений.

Юридическая ответственность – это охранительно-регулятивный институт права. Предметом регулирования института юридической ответственности выступают общественные отношения двух видов (типов). Во-первых, отношения, не являющиеся конфликтными. Во-вторых, отношения, возникающие в связи с юридическим фактом правонарушения [6, с. 12; 7, с. 33; 8, с. 47; 9, с. 22].

Мы считаем институт юридической ответственности материальным, а не процессуальным, одновременно, признавая существование отраслевых институтов уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности. Как любая материальная отрасль права содержит в своем составе процессуальные нормы, так и любая процессуальная отрасль права может содержать в своей структуре нормы, а иногда и целые институты, которые по своей юридической природе являются материальными.

Институт юридической ответственности является публичным. Правоотношения ответственности, возникающие в связи с юридическим фактом совершения любого правонарушения, являются публично-правовыми, а не

частноправовыми. Это объясняется тем, что в «частном праве защищаются не только частные, но и публичные интересы, которые взаимосвязаны друг с другом» [10, с. 16].

Метод правового регулирования – следующий признак, который позволяет охарактеризовать юридическую природу института юридической ответственности [11, с. 43]. Для института ответственности свойственно наличие властных предписаний, содержащихся в запретах или позитивных обязываниях. Однако для института юридической ответственности характерны и отдельные элементы диспозитивности. Так, на граждан и их объединения возлагаются не только обязанности, они одновременно наделяются соответствующими правами, реализация которых происходит в рамках социально активного правомерного поведения. Институт юридической ответственности характеризует и такой способ, как дозволение.

Диспозитивность может выражаться в договорной гражданско-правовой ответственности, предоставляющей сторонам свободу в рамках закона самостоятельно установить санкции за его нарушение. Диспозитивный метод и дозволения для института юридической ответственности являются дополнительными, а не основными.

Ввиду того, что нормам института ответственности свойственны определенные стадии реализации, для каждой из стадий характерно определенное сочетание способов правового регулирования. Когда реализуется позитивная ответственность субъекта, в равной степени действуют запреты, позитивные обязывания и дозволения. Если субъект нарушает норму права, действуют способы, характерные исключительно для императивного метода правового регулирования, – запрет и позитивное обязывание.

Для института юридической ответственности характерен и метод поощрения, представляющий как способ правового воздействия, побуждающий субъектов к совершению определенных действий, полезных с точки зрения общества и государства, путем создания заинтересованности в получении дополнительных благ. Однако если сравнивать различные методы правового регулирования, характерные для юридической ответственности, основным был и остается императивный метод, что обусловлено ее особой юридической природой [12, с. 47; 13, с. 67; 14, с. 3].

Наиболее отчетливо межотраслевой и функциональный характер института юридической ответственности проявляется в регламентации им правоотношений юридической ответственности, возникающих из юридического факта правонарушения. Некоторые отрасли права не содержат в своей структуре института юридической ответственности. Тогда эти отрасли права «обслуживают» институты с иной отраслевой принадлежностью.

«Цементирующей» основой института юридической ответственности выступают его принципы [15, с. 28]. Юридическая ответственность основывается на принципах справедливости, гуманизма, законности, неотвратимости, индивидуализации и виновности деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве // Право и политика. 2005. № 8. С. 24-43.
2. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, ответст-

венности и безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 4. С. 61-65.

3. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права / Под ред. А.В. Малько. – М.: КНОРУС, 2009. – 400 с.

4. Матузов Н.И., Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. и др. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов, 2008. – 301 с.

5. Черных Е.В., Липинский Д.А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Право и политика. 2005. № 3. С. 10-18.

6. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против (часть 1) // Право и политика. 2005. № 11. С. 9-18.

7. Мусаткина А.А. Понятие позитивной финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2005. № 7. С. 32-36.

8. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013 (15). С. 49-51.

9. Мусаткина А.А. Проблемы совершенствования

правовых норм, регламентирующих применение санкций // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 22-25.

10. Гогин А.А. К вопросу о понятии и признаках экологического правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 16-20.

11. Лучков В.В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 43.

12. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. (14). С. 47-49.

13. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность в системе юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 67-50.

14. Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12. С. 3-7.

15. Маркин А.В. Право: сущность и существование // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (12). С. 23-26.

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF LEGAL RESPONSE DOES

© 2014

Jumaeva R.R., master student, senior inspector of the Avtozavodsky bailiffs management of Federal bailiff service of Russia on the Samara area

Annotation: The article analyses the notion of the Institute of legal responsibility. The author proceeds from the fact that the Institute of legal liability is interdisciplinary and has regulatory-protective nature. Proves the reality and the legal nature of the positive legal responsibility.

Keywords: legal institution; legal responsibility; institutional here legal liability; positive legal responsibility.

УДК 340

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Янгунаева Ю.И., студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Юридическая ответственность является самым важным и действенным правовым средством поддержания необходимого уровня стабильности, безопасности в обществе, является гарантией законности и справедливости. Именно поэтому актуальным вопросом является определение точного понятия юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, обязанность, неблагоприятные последствия, мера воздействия, нарушение правовых норм.

Ответственность - одна из самых важных и основных юридических категорий, которая широко используется в правоприменительной деятельности. Правовое государство в своей деятельности стремится повысить правовую культуру населения, включающее в себя глубокое усвоение права как необходимого регулятора общественной жизни, повысить качество правового регулирования и уровня системы юридических актов, а также вытеснить из общества поведение, не согласующееся с правом.

Юридическая ответственность является самым важным и действенным правовым средством поддержания необходимого уровня стабильности, безопасности в обществе, является гарантией законности и справедливости.

Актуальность данной статьи определяется особой ролью юридической ответственности в правовой системе, а также тем, что до сих пор ученые, исследователи, юристы не могут дать точного определения, дефиниции юридической ответственности. Цель исследования – определение понятия и признаков юридической ответственности.

В современном обществе существуют различные подходы к определению понятия ответственности. В словаре русского языка можно встретить следующее определение: «Ответственность - обязанность, необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т.п. и отвечать за их возможные последствия, за результат чего-либо» [7].

Общее понятие ответственности имеет философский, методологический характер, передает особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, заключающееся в реализации нравственно-правового долга.

Наиболее широкой ответственностью, является «социальная ответственность». Социальная ответственность – объективная необходимость отвечать за нарушение социальных норм, характеризующееся их выполнением, влекущее одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, несоответствующего предписаниям этих норм, - обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание.

Существуют различные виды социальной ответственности: политическая, моральная, профессиональная, корпоративная, семейная, религиозная, юридическая и т.д. Особое место в системе социальной ответственности занимает юридическая ответственность.

Социальная ответственность и юридическая ответственность соотносятся как категория рода и вида. Юридическая ответственность – феномен социальной действительности.

Г.М. Григорян рассматривая в своей статье проблемы интерпретации сущности юридической ответственности как формы социальной ответственности, отметил, что юридическая ответственность выступает лишь одной из форм социальной ответственности, т.е. социальная и юридическая ответственность соотносятся как общее и частное[2].

Существуют различные концепции юридической ответственности.

Одни авторы понимают под юридической ответственностью обязанность отдавать отчет своим противоправным действиям, другие - обязанность претерпевать определенные лишения. Третьи полагают, что юридическая ответственность есть особое предусмотренное и урегулированное нормами права отношение между нарушителем требований права и государством в лице определенных его органов.

В настоящее время все больше сторонников находит концепцию, согласно которой «широкое» понимание

юридической ответственности должно рассматриваться в двух аспектах реализации – позитивном и негативном. Как отмечают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, позитивный и негативный аспекты реализации – это две стороны одной «медали», одного единого понятия юридической ответственности[5].

«Позитивная юридическая ответственность – это юридическая обязанность по соблюдению предписаний и правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством»[5].

В случае, если субъект совершает правонарушение, не соблюдает предписаний правовых норм, следует негативная юридическая ответственность.

«Негативная юридическая ответственность – это обязанность правонарушителя, вытекающая из юридического факта правонарушения, претерпеть осуждение и неблагоприятные последствия личного имущественного или личного неимущественного характера, реализующаяся в охранительном правоотношении юридической ответственности»[5].

Вывод, который можно сделать в первую очередь: юридическая ответственность – это сложное многоплановое явление. До настоящего времени не выработано четкого определения юридической ответственности и ее основных признаков.

Интересной является позиция М.Б. Смоленского, Г.А. Борисова, они понимают под юридической ответственностью применение мер к правонарушителю государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридических норм[9].

А.Ф. Черданцев, С.Н. Кожевников отмечают, «юридическая ответственность есть разновидность обязанности, наступающей при наличии определенных деяний или их результатов, отрицательно оцениваемых законодателем и очерченных в нормах права. Такая обязанность выступает как мера определенных неблагоприятных для субъекта лишений, ограничений личного и имущественного характера»[3].

В.Н. Протасов считает, что юридическая ответственность представляет собой разновидность мер правового принуждения, в наибольшей степени затрагивающая правовое положение субъекта[8].

Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский пишут, что юридическая ответственность – это нормативная, обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав, имущественного или личного неимущественного характера и их реализация[5].

Еще одна группа исследователей определяет юридическую ответственность как способность субъекта отдавать отчет за свое противоправное деяние и претерпевать меры принудительного воздействия, иначе говоря: «юридическая ответственность есть необходимость держать ответ за неисполнение правовой обязанности, существовавшей в том же правоотношении или вне его; необходимость, которая возникает и прекращается вследствие наступления определенных юридических фактов».

В.А. Тархов подчеркнул, рассуждая об определении юридической ответственности – «основной недостаток

большинства определений – их односторонность, невозможность охвата ими различных случаев ответственности во всех отраслях права, что необходимо для общетеоретических определений»[4].

Нужно отметить, что важной особенностью юридической ответственности является то, что она наступает в результате нарушения правовых норм. И отсюда следует, что необходимо выделить еще один ключевой источник в определении понятия – законодательство Российской Федерации. Обратившись к праву, мы видим, что в нормативных актах по термину «юридическая ответственность» подразумевается обязанность субъекта к определенным действиям, поведению; обязанность нести лишения имущественного характера, например, уплаты штрафа, возмещения причиненного ущерба, конфискация имущества, и личного характера, например, лишение свободы.

Также говоря о юридической ответственности, необходимо определять ее основные признаки.

Признак – это показатель, примета, знак по которым можно узнать, определить что-либо.

Являясь одной из форм социальной ответственности, юридическая ответственность по целому спектру признаков отличается от всех других видов ответственности.

Во-первых, она имеет ретроспективный характер, т.е. всегда оценивает прошлое поведение (или во всяком случае – дпящееся), представляет собой реакцию уже на состоявшееся. Субъект не может нести юридическую ответственность за поведение в будущем. Это ответственность за действие или бездействие, которое уже имело место.

Во-вторых, юридическая ответственность устанавливается на нарушение правовых требований. Поведение, лежащее в основе юридической ответственности должно содержать признаки правового нарушения, быть виновным поведением.

В-третьих, она всегда основывается на государственном принуждении. Только государство устанавливает меры ответственности, и эти меры всегда имеют неблагоприятные последствия для правонарушителя (лишение для правонарушителя, ущемление его прав, возложение на него дополнительных обязанностей).

В-четвертых, юридическая ответственность предусмотрена действующим законодательством государства, и ее возложение регламентируется правом, т.е. закон устанавливает определенные процедурные формы этого процесса, также отсюда следует, что эта ответственность обладает нормативностью, четностью, формальной

определенностью и детализированностью.

Далее, юридическая ответственность носит карательный характер, т.е. у правонарушителя в результате совершенного им деяния возникают новые юридические обязанности. Она применяется только специальноуполномоченными государственными органами.

Также среди признаков юридической ответственности можно выделить то, что она сочетается с государственным осуждением, порицанием поведения правонарушителя. Именно государственное осуждение может вызвать такие чувства, которые могут оказывать существенное воспитательное воздействие.

Таким образом, анализируя и обобщая все вышесказанное, под юридической ответственностью следует понимать юридическую обязанность правонарушителя, в случае нарушения правовых норм, претерпевать установленные законом меры воздействия, содержащие для него неблагоприятные последствия, применяемые государственными органами в порядке установленном законом, а также это юридическая обязанность по соблюдению предписаний правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении субъекта, которое одобряется либо поощряется государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева О.М. Теория государства и права. – Ростов н/Д., 2012.
2. Григорян Г.М. Вопросы судебной реформы: Право, экономика, управление. №1, 2009.
3. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – Тольятти, 2011.
4. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. – Самара, 2011.
5. Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Теория государства и права. – Тольятти, 2008.
6. Ожегова Г.А. Проблемы теории государства и права. – Самара, 2008.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2007.
8. Протасов В.Н. Теория государства и права. – М., 2003.
9. Смоленский М.Б., Борисов Г.А. Теория государства и права. – М., 2012.
10. Уголовный кодекс РФ. Текст с изм. и доп. на 10.10.2013 г. – М., 2013.
11. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия. – Тольятти, 2004.

УДК 340

DEFINITION AND SIGNS LEGAL LIABILITY

© 2014

Yanguaeva Y.I., a student of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: Legal liability is the most important and effective legal means to maintain the necessary level of stability and security in society, is a guarantee of legality and justice. It is therefore important issue is to determine the precise concept of legal liability.

Keywords: legal responsibility, obligation, adverse effects, a measure of exposure, violation of the law.

УДК 34.03

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Мелкумян М.Г., аспирант*Самарская гуманитарная академия, г. Самара (Россия)*

Аннотация: В статье исследуется структура воспитательной функции юридической ответственности. Акцентируется внимание на малоисследованной проблеме полиструктурности воспитательной функции. Определяются основные элементы структуры указанной функции.

Ключевые слова: юридическая ответственность; функции юридической ответственности; структура функций юридической ответственности; полиструктурность.

В юридической литературе функции права, функции юридической ответственности успешно исследуется с применением метода структурного анализа, который позволяет разложить единое целое на отдельные составляющие [1, с. 77]. При этом среди ученых нет единства мнений о количестве структурных элементов функций юридической ответственности. А.В. Катасонов в структуру превентивной функции юридической ответственности включает: формальные и фактические основания; способы воздействия; результаты воздействия; субъекты воздействия; объекты воздействия; правоотношения [2, с. 17]. Д.А. Липинский к структуре функций юридической ответственности относит объекты воздействия, формальные основания, фактические основания, способы осуществления, результаты воздействия (последствия) [3, с. 16]. Думается, что Д.А. Липинским из содержания функций юридической ответственности обоснованно исключены правоотношения, т.к. правоотношения можно рассматривать как один из специальных результатов воздействия функций юридической ответственности, более того, правоотношения складываются именно как результат правового воздействия юридической ответственности.

Иная точка зрения представлена В.Н. Карташовым. При исследовании структуры функции он соединяет юридические аспекты исследования правовых явлений и процессов с философскими, социологическими, психологическими, педагогическими и другими видениями объекта изучения. Функция юридической ответственности им рассматривается как направление юридической деятельности, в которой выделяются логическая, пространственная, временная и стохастическая структуры. Здесь с логико-философской точки зрения функция рассматривается в плане уяснения соотношения ее содержания и формы. Причем элементами содержания выступают субъекты, основания возникновения функции, средства и способы осуществления, ее цели и результаты. Форма же имеет свою собственную структуру, подразделяясь на внутреннюю (процессуальную) и внешнюю (официально-документальную). Пространственная структура позволяет говорить о существовании определенных типов превентивной функции: общеправового (свойственного всем отраслям права), отраслевого (спе-

цифического для определенной отрасли), типа правовых институтов (специфического для определенного института), норм права. Временная структура позволяет проследить динамику становления функции на различных этапах развития общественных отношений. Стохастическая структура призвана определить конкретный набор элементов (субъектов, способов реализации) для конкретной ситуации [4, с. 14].

Не все суждения В.Н. Карташова выглядят бесспорными. В частности, в работах, посвященных методологии юридической науки, неоднократно указывалось на недопустимость слепого заимствования терминологии и методов, применяемых в естественных науках. Исследование стохастических структур преимущественно применяется в естественных, а не в гуманитарных науках (например, в исследовании случайных флуктуаций биоманнитного поля земли). Кроме того, стохастическая структура - это случайная (вероятностная) структура, а юридическую ответственность, да и ее функции нельзя отнести к вероятностным структурам. То, что В.Н. Карташов называет пространственной структурой превентивной функции, есть не что иное, как ее отраслевая структура либо подразделение этой функции на микро и макро уровнях.

Итак, если рассматривать логическую структуру воспитательной функции юридической ответственности, то она будет состоять из объектов воздействия; способов воздействия; оснований воздействия; результата воздействия; субъектов воздействия.

Следует отметить, что воспитательную функцию юридической ответственности необходимо исследовать не только с применением метода структурного анализа, а использовать полиструктурный анализ, т.к. воспитательная функция характеризуется не одной, а множеством структур.

Думается, что воспитательная функция является полиструктурным образованием, т.е. обладает не одной, а несколькими структурами, которые можно выделять по различным основаниям. Так, воспитательная функция осуществляется не сама по себе, а посредством реализации воспитательных функций различных отраслевых видов юридической ответственности. В них представлена отраслевая структура воспитательной функции

юридической ответственности. В юридической литературе выделяют «конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, финансовую уголовно-процессуальную, гражданско-процессуальную, трудовую (дисциплинарную и материальную), уголовно-исполнительную ответственность» [5, с. 11; 6, с. 16; 7, с. 11; 8]. Указанные отраслевые институты юридической ответственности осуществляют воспитательную функцию юридической ответственности.

Отраслевой уровень в структуре воспитательной функции юридической ответственности не является единственным. Так, отраслевые институты юридической ответственности складываются из взаимосвязанной совокупности норм юридической ответственности, каждая из которых осуществляет превенцию определенного вида правонарушений. При этом в структуре отраслевых институтов юридической ответственности выделяют отдельные составляющие – субинституты. Например, сложным строением обладает институт финансовой ответственности, как и сама финансовая ответственность, система которой состоит из субинститутов налоговой, бюджетной, валютной и банковской ответственности. Аналогичное наблюдается и в структуре гражданско-правовой ответственности, в которой можно выделить субинститут договорной и субинститут внедоговорной ответственности (ответственности, возникающей вследствие причинения вреда). Каждый из субинститутов, входящих в структуру сложного отраслевого института юридической ответственности, осуществляет воспитательную функцию. Таким образом, в отраслевой структуре воспитательной функции юридической ответственности выстраиваются следующие элементы структуры: воспитательная функция отраслевого института юридической ответственности; воспитательная функция субинститута юридической ответственности; воспитательная функция нормы юридической ответственности [9, с. 62].

Такое отраслевое деление превентивной функции юридической ответственности соответствует микроуровню системы права. Однако в последние годы в юридическую науку возвратилось деление системы права на макроуровне. На макроуровне оно подразделяется на частное и публичное; материальное и процессуальное. Так, выделяют материальную и процессуальную ответственность. Соответственно, в структуре воспитательной функции юридической ответственности можно определить воспитательную функцию материальной ответственности (осуществляемую отраслями материального права) и воспитательную функцию процессуальной ответственности.

Воспитательная функция реализуется поэтапно, с течением времени, поэтому можно утверждать о существовании временной структуры воспитательной функции юридической ответственности. И на разных стадиях юридической ответственности не однозначно реализуется воспитательная функция.

Начальный момент действия воспитательной функции связан с вступлением в законную силу нормы права, в которой сформулированы определенные ценностные ориентиры. Данные ориентиры должны быть осознаны субъектом юридической ответственности и к ним должно быть выработано определенное психическое отношение. В результате осознания требований юридических норм, к ценностям, которые заложены в правовой норме

у субъекта вырабатывается определенное психическое отношение, существующее в рамках воли и сознания субъекта. В психологической литературе понятие «отношение» трактуется двояко: с одной стороны это внутреннее отношение; с другой – внешнее. К различным предметам у личности, естественно, может наблюдаться различное отношение. Оно может быть уважительным, отрицательным, положительным, безразличным и т.п. В целом если личность совершает конкретный правомерный поступок, то можно сказать, что у нее наблюдается позитивное отношение к определенным социальным благам, другим людям. В своей деятельности субъект опредмечивает свое отношение.

В зависимости от типа личности, конкретной ситуации, обстоятельств у лица могут проявляться различные формы позитивного психического отношения. Социально-активная форма позитивного психического отношения. Она включает глубокое восприятие личностью идей и принципов права, правил поведения, последовательным выполнением его указаний, активной, преобразовательной деятельностью по реализации правовых целей. Считаю, что воля и сознание при данной форме направлены на достижение полезных целей, имеющих особую значимость для общества. Эмоциональный фон такого поведения характеризуется чувствами долга, уважением к закону, целям и интересам общества. Мотивами такого поведения выступает как правило стремление к уважению закона, уважение общепризнанных ценностей и т.п.

Положительная (привычная) форма позитивного психического отношения характеризуется вошедшим в привычку поведенческим актом, при которой личность не подвергает каждый раз критическому осмыслению правильность, предъявляемых к ней обществом требований, а следует им без особых раздумий, переживаний, без долгой борьбы мотивов. Для такого позитивного психического отношения характерно первоначальное глубокое осознание правовых норм, усвоение их полезности и социальной значимости (интеллектуальный элемент). Особенности интеллектуального элемента заключаются в том, что человек не задумывается над социальной полезностью своего поведения. Даже это свидетельствует о том, что такой человек обладает добродетелью, состоящей в склонности к исполнению подобных обязанностей. Волевой элемент характеризуется поведенческой привычкой как внутреннее стремление человека к совершению актов, закрепленных в его сознании из-за многократности повторения. Мотивом поведения тут выступает привычка, стремление, интерес действовать правомерно, хотя могут быть и другие положительные мотивы. Для эмоционального фона не характерны такие чувства как страх, боязнь.

Конформистская (пассивная) форма позитивного психического отношения. При таком поведении сознание и воля лица обращены на подчинение групповым стандартам и требованиям. Такое подчинение может быть только внешним: индивид не меняет своих взглядов, но не высказывает своих разногласий окружающим, делая вид, что принимает позицию общества. Сознательные побуждения, ведущие к правомерному поведению, не связаны с оценочным, эмоциональным отношением индивида к правовым нормам. Мотивами такого поведения выступают согласное подчинение лица установленным правилам, основанное на пассивном отношении к

существующему правовому порядку, боязнь утратить доверие близких, боязнь потерять авторитет.

Маргинальная форма позитивного психического отношения. Волевой элемент характеризуется борьбой мотивов, воля лица направлена на подавление запрещенных мотивов поведения [10, с. 120]. Такое поведение построено на мотивах страха, возможно, этим пронизано и эмоциональное содержание. Интеллектуальный элемент характеризуется не только осознанием норм, но и осознанием невыгодности их нарушения. Предполагается, что при таком поведении виновный постоянно ставит перед собой цель удержаться от совершения преступления. Возможно, если личность характеризуется устойчивыми антисоциальными установками, то субъекту приходится проявлять усилия воли, чтобы удержаться от совершения правонарушения. Такое поведение находится на грани с правонарушением.

Таким образом, данный этап развития воспитательной функции связан с осознанием субъектом обязанностей, запретов, социальных ценностей, что в итоге воплощается в реальное правомерное поведение субъекта, которое затем оценивается уполномоченными органами. При этом само правомерное поведение необходимо рассматривать как результат действия воспитательной функции юридической ответственности [11, с. 27]. Таким образом, логико-временная последовательность проявлений воспитательной функции юридической ответственности следующая: норма права, которая предусматривает правомочие, или запрет, или позитивную обязанность - осознание предписаний, включающая выработку определенного психического отношения - правомерное поведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А. О понятии и методологии исследования юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2009. - № 1. — С. 77.

2. Катаснов А.В. Превентивная функция юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2010. — С. 17.

3. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2012. - № 1. — С. 16.

4. Карташов В.Н. Юридическая деятельность. Проблемы и методологии: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1990. - С. 14.

5. Липинский Д.А. Об уголовно-процессуальной ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2010. - № 3. — С. 264.

6. Репетева О.Е. Гражданско-правовая ответственность за трудовые, семейные, экологические правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 73-75.

7. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2004.

8. Репетева О.Е. Об административной ответственности за экологические правонарушения. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 49-51.

9. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 6. С. 62-67.

10. Ожегова Г.А. К понятию нигилизма как формы деформации правосознания // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 86-90.

11. Мусаткина А.А. К вопросу о финансово-правовом стимулировании правомерного поведения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 59-62.

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF THE EDUCATIONAL FUNCTION OF THE LEGAL RESPONSIBILITY

© 2014

Melkumyan M.G., post-graduate student
Samara humanitarian Academy, Samara (Russia)

Annotation: The article examines the structure of the educational function of the legal responsibility. Focus on the scantily studied the problem educational functions. Defines the main elements of the structure of the function.

Keywords: legal responsibility; the functions of the legal responsibility; the structure functions of the legal responsibility.

УДК 34

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

© 2014

Николаева М.Ю., магистрант кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский Государственный Университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы правового регулирования оснований прекращения уголовного преследования преступлений, совершаемых в налоговой и экономической сферах. Выявлены проблемы в определении правовых оснований прекращения и обоснована необходимость исключения ч. 5 ст. 28. 1 УПК РФ.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, основания прекращения, налоговые преступления, преступления в экономической сфере, право на возражение против прекращения.

Для уголовных дел по преступлениям, совершенным в экономической сфере, предусмотрено отдельное основание их прекращения – ст. 28.1 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». В первой части указанной статьи речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст.ст.198 – 199.1 УК РФ. Это так называемые налоговые преступления, причиняющие ущерб налоговой системе Российской Федерации. Интерес законодателя к этим составам проявляется не только в связи с окончанием уголовного преследования. Он также наблюдается и при начале процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Так в ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ фактически закрепляется самостоятельный повод к возбуждению уголовных дел по преступлениям, совершаемым в налоговой сфере – направление материалов налоговых органов об обнаружении признаков преступления в орган предварительного расследования. Однако здесь перечень налоговых преступлений шире за счет включения состава, предусмотренного ст. 199. 2 УК РФ.

Следовательно, в системе предварительного расследования преступления, совершаемые в налоговой сфере, имеют собственную специфику не только при возбуждении уголовных дел, но и при их прекращении. Проявляется она в следующем. Возбуждение уголовных дел по налоговым преступлениям возможно только при наличии специального повода – поступление в органы предварительного расследования материалов налоговых органов об обнаружении признаков налогового преступления. Прекращение уголовного дела по налоговым преступлениям возможно как при наличии общих оснований прекращения, предусмотренных ст. 24 и ст. 27 УПК РФ, так и по специальному основанию, предусмотренному не только в процессуальном законодательстве, в ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, но и в уголовном законодательстве - ч. 1 ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

Предусмотрено, что следователь с согласия своего руководителя или дознаватель с согласия прокурора

вправе прекратить уголовное преследование обвиняемого, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.198-199.1 УК РФ, на основании ст. 76.1 УК РФ, при условии, что преступление совершено им впервые, и до окончания предварительного расследования лицо в полном объеме возместит ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате совершения им налогового преступления. Для возмещения ущерба в полном объеме обвиняемый или подозреваемый должен уплатить установленные налоговым органом недоимки, начисленные пени и штраф, определяемый в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации. Следовательно, правовым основанием прекращения налоговых преступлений является не процессуальная норма ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, а уголовно-правовая норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ.

Другие условия прекращения уголовного преследования обвиняемых, подозреваемых, совершивших иные преступления в сфере экономической деятельности. В сравнении с налоговыми преступлениями, здесь более широкий перечень составов преступлений, подлежащий прекращению и другая природа правового основания для прекращения. Как и в предыдущем случае, обязательным условием прекращения преследования является первичность совершения обвиняемым преступного деяния. Помимо этого обвиняемый должен возместить ущерб, причиненный потерпевшему лицу – гражданину, организации или государству, а также перечислить в бюджет Российской Федерации денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба. При получении от преступной деятельности дохода, обвиняемый должен перечислить в федеральный бюджет, полученный в результате совершения преступления доход, либо денежное возмещение, соответствующее пятикратной сумме полученного в результате преступления дохода. При исполнении обвиняемым всех обязательств, он вправе рассчитывать на прекращение уголовного преследования на основании ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ, согласно которой уголовно-правовая норма ст. 76.1 УК РФ закрепляет не основания прекращения, а случаи применения уголовно-про-

цессуального основания. Вывод: правовым основанием прекращения иных (помимо налоговых) преступлений, совершаемых в экономической сфере, является не уголовно-правовая норма, содержащаяся в ч.1 ст. 76.1 УК РФ, а процессуальная норма ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ.

Традиционно основания прекращения уголовного преследования имеют процессуально-правовую природу своего закрепления, в связи с чем в УПК РФ содержится глава 4 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования». Статья 28.1 УПК РФ, по разному устанавливая в своих частях юридический статус ст. 76.1 УК РФ, закрепляет два разных подхода к выбору основания прекращения уголовного преследования – процессуальный и материальный, что на наш взгляд не допустимо и требует устранения.

Помимо этого в содержании ст. 28.1 УПК РФ имеется еще один существенный недостаток. Так, ч. 4 ст. 28.1 УПК РФ требует, чтобы до прекращения уголовного преследования по преступлениям в сфере экономической деятельности, следователь или дознаватель разъяснили обвиняемому, подозреваемому основания прекращения уголовного дела и его право возражать против прекращения. Следующая часть 5 ст. 28.1 УПК РФ прямо закрепляет запрет на прекращение уголовного дела при наличии возражений обвиняемого или подозреваемого.

Как нам представляется, такая детализация правового регулирования в данном случае, чрезмерна. Очевидно, что для возникновения оснований прекращения уголовного преследования, указанных в ст. 28.1 УПК РФ необходима активная деятельность обвиняемого, подозреваемого по возмещению ущерба и уплате значительной денежной суммы в федеральный бюджет. В связи с этим выстраивается определенная логическая цепочка: чтобы прекратить уголовное преследование необходимо возместить причиненный преступлением ущерб; возмещение причиненного ущерба не возможно без согласия обвиняемого; согласие обвиняемого на возмещение ущерба одновременно является согласием на прекращение уголовного преследования. Если же обвиняемый считает, что он не виновен в инкриминируемом ему преступлении, то он не будет возмещать ущерб, и соответственно не появятся основания для прекращения уголовного преследования. В связи с этим следует исключить из ст. 28.1 УПК РФ часть 5, а ч.4 изложить в следующей редакции: «До прекращения уголовного преследования обвиняемому, подозреваемому должны быть разъяснены основания и последствия его прекращения в соответствии с ч.1 и 3 настоящей статьи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.С., Александрова А.И. Новеллы УК и УПК РФ о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономики // Уголовный процесс. - М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012, № 2. - С. 10-18.
2. Александров И.В. Некоторые проблемы расследования экономических преступлений // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: Сборник статей по итогам всерос. научно-практич. конференции, Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. 502 с.
3. Алексеев А.М. Общественная опасность преступлений в сфере экономики как важнейшее социальное основание законодательства об ответственности за них // Проблемы в российском законодательстве. - М.: Медиа-ВАК, 2011, № 4. - С. 120-120.
4. Епихина Г.В., Тарасова А.А. Проблемы уголовного преследования за преступления совершенные в сфере экономической деятельности// Российский следователь. - М.: Юрист, 2011, № 23. - С. 34-37.
5. Плеханов А.В. Вопросы теории и практики расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010, № 2 (13). - С. 204-208.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П // Консультант плюс.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 64 от 28 декабря 2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Официальный сайт Верховного Суда РФ.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами уголовно-процессуального кодекса РФ» от 05.03.2003. - №1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. - №5.
9. Преступность экономической направленности: монография / Ларичев В.Д. - М.: Юрлитинформ, 2011. - 160 с.
10. Суров О.А. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - Красноярск: Сибирский юридический институт, 2010, № 3. - С. 141-144.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014 г.) // СПС Консультант плюс.
12. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: с изм. и доп., вступившими в силу с 03.02.2014 г. // СПС Консультант плюс.

ON THE LEGAL NATURE OF THE GROUNDS FOR TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION OF CRIMES COMMITTED IN THE ECONOMIC SPHERE

© 2014

Nikolaeva M. Y., graduate student of the Department of criminal process and criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: the article considers the problems of legal regulation of the grounds for termination of the criminal prosecution of a crime committed in the tax and economic spheres. Problems identified in the definition of legal grounds for termination and the necessity of exclusion of part 5 St the code of criminal procedure.

Key words: criminal prosecution, grounds for termination, tax crimes, crimes in the economic sphere, the right to appeal against the termination of.

УДК 341

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ПРАВА

© 2014

Джалилов Э.А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Рассматривается юридическая ответственность политических партий в различных отраслях российского права. Особое внимание уделяется разграничению санкций конституционно-правовой и административной ответственности партий.

Ключевые слова: политическая партия, юридическая ответственность политических партий, конституционная ответственность политических партий, административная ответственность политических партий, институт права.

Институт права – составная часть, структурная единица отрасли права. Институт юридической ответственности обладает своим специфичным предметом регулирования. По мнению С.Л. Кондратьевой, предметом регулирования института юридической ответственности являются конфликтные, негативные, деликтные отношения, которые отличаются по видам и в зависимости от степени общественной опасности, но сходны по типу[1].

Р.Л. Хачатуров и Р.Г. Ягудян полагают, что институт юридической ответственности имеет предмет своего регулирования отношения, которые государство закрепляет и развивает, а также отношения, возникающие из правонарушений. При этом институт юридической ответственности осуществляет охрану регулятивных отношений во всех сферах общественной жизни[2]. Можно сделать вывод, что в последнем случае предмет регулирования института юридической ответственности рассматривается в более широком смысле.

Юридическая ответственность как сложный, межотраслевой институт права состоит из отраслевых институтов. Б.Т. Базылев отмечает, что «нормы уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной, семейно-правовой и других видов ответственности составляют структурные подразделения общего института юридической ответственности, его субинституты. Они, в свою очередь, подразделяются на подинституты (подвиды) юридической ответственности»[3].

В юридической литературе существуют классификации видов юридической ответственности по определенным основаниям в зависимости от признаков, положенных в основу той или иной классификации. Наиболее распространенной является классификация юридической ответственности на виды по отраслевому признаку. Отраслевая принадлежность института юридической ответственности проявляется через отраслевую принадлежность правовых норм ответственности. На основе отраслевого критерия традиционным в литературе является деление юридической ответственности на конституционную, уголовную, административную, материальную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность[4].

Юридическая ответственность распространяется на всех без исключения субъектов права. Политическая партия является субъектом различных видов юридической ответственности.

Нормы конституционной ответственности политических партий содержатся в главе IX Федерального закона «О политических партиях»[5] (далее – ФЗ «О политических партиях»). Конституционно-правовая ответственность политических партий является традиционным средством правового регулирования со стороны государства неправомерной, противоречащей законодательным нормам деятельности общественных организаций, имеющих статус юридического лица[6].

Сущность конституционной ответственности политических партий состоит в ограничении или утрате партией своего конституционного статуса общественного объединения, наделенного исключительными политическими правами, вследствие совершения действий, являющихся нарушением конституционно-правовых норм. Меры ответственности предусмотрены ФЗ «О политических партиях» в трех формах: предупреждение, вынесенное политической партии; приостановление деятельности политической партии, её регионального отделения и иного структурного подразделения; ликвидация политической партии.

Предупреждение – это мера конституционно-правовой ответственности, выраженная, как реагирование уполномоченного органа на пресечение правонарушений и которая даёт политической партии возможность устранить выявленные нарушения, не ограничивая при этом их деятельность.

Следующая мера конституционно-правовой ответственности – приостановление деятельности политической партии. В Российской Федерации деятельность политических партий может быть приостановлена в соответствии с ФЗ «О политических партиях». В приостановлении деятельности политической партии в соответствии с ФЗ «О политических партиях» существуют два основания для приостановления:

– за осуществление деятельности в разрез своих Уставных целей, задач, если при этом федеральным уполномо-

ченным органом вынесено два предупреждения.

— если партии было вынесено предупреждение за нарушение Конституции РФ или федерального законодательства, и она не устранила данные нарушения в установленный уполномоченным федеральным органом срок.

Ликвидация политических партий применяется по схеме «нарушение закона — внесение предупреждения об устранении нарушения — неисполнение предупреждения (однократное либо повторное) — приостановление деятельности — не устранение соответствующего нарушения — ликвидация». Заявление о ликвидации политической партии вносится в Верховный Суд РФ федеральным уполномоченным органом. Таким образом осуществляя свою деятельность в рамках выполнения публично-властных функций, политические партии несут ответственность, и прежде всего ответственность конституционно-правовую, которая является одним из видов юридической ответственности, поскольку вся деятельность политических партий реализуется в правовом поле и связана с исполнением или неисполнением предписаний правовых норм[7].

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г.[8] так же содержит правовые установления, касающиеся применения мер конституционной ответственности к политическим партиям. Субъектами экстремистской деятельности в соответствии с названным законом могут быть признаны любые общественные или религиозные объединения, в том числе и политические партии. В соответствии с данным законом применяются такие же меры конституционной ответственности, что и в ФЗ «О политических партиях». Политические партии вправе организовывать и проводить публичные мероприятия, такие как собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, а также иные публичные мероприятия, под которыми подразумеваются открытые, мирные, доступные каждому, проводимые в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акции[9]. В связи с этим необходимо осуществлять надзор по профилактике и пресечению экстремистских действий со стороны политических партий. Предостережение и предупреждение могут быть вынесены в отношении политической партии при наличии подтвержденного намерения партии осуществить деятельность, трактуемую законом как экстремистскую, и вместе с тем, при отсутствии оснований для применения более существенных мер ответственности. Применение конституционных санкций, таких как приостановление деятельности и ликвидации общественного объединения, несомненно, носит карательный характер и выполняет функцию наказания партий за совершенное конституционное правонарушение.

В соответствии со ст. 28 ФЗ «О политических партиях» — политическая партия, как общественное объединение, является субъектом гражданского оборота. Она вправе обладать и распоряжаться имуществом на праве собственности, а также в соответствии с пп. «л» п. 1 ст. 26 ФЗ «О политических партиях» наделяется правом осуществлять предпринимательскую деятельность (исчерпывающий перечень которой предусмотрен ФЗ «О политических партиях»). Политическая партия, являясь юридическим лицом, не относится к числу коммерческих организаций, поскольку не преследует цели полу-

чения прибыли, следовательно, политические партии необходимо относить к числу некоммерческих организаций. Правовой режим осуществления предпринимательской деятельности некоммерческими организациями устанавливается ст. 117 ГК РФ.

Гражданско-правовая ответственность в сфере политических правоотношений проявляется в двух аспектах: как ответственность за результаты хозяйственной деятельности политической партии и как ответственность по обязательствам партии перед другими субъектами права.

Политическая партия как организация, осуществляющая финансово-хозяйственную деятельность и заключающая в этих целях гражданско-правовые договоры, подлежит гражданско-правовой ответственности. Суть гражданско-правовой ответственности заключается в применении к политической партии «в интересах лица, право которого нарушено, либо государства установленных законом или договором мер ответственности, влекущих для нее отрицательные последствия имущественного характера»[10].

Ответственность политических партий в сфере их деятельности как субъектов гражданского оборота следует рассматривать в двух аспектах: как ответственность политической партии в качестве юридического лица перед другими хозяйствующими субъектами за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств или обязательств внедоговорного характера, а также как ответственность политической партии в сфере налоговых правоотношений за нарушение налогового законодательства[11]. Такого рода ответственность можно отнести к финансово-правовой ответственности политической партии. В соответствии с ч. 1 ст. 107 Налогового Кодекса РФ финансово-правовую ответственность равным образом несут физические и юридические лица. На политической партии лежит также ответственность за достоверность и законность получаемых денежных средств[12]. В ч. 4 ст. 110 НК РФ указано: вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействия) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения.

В процессе деятельности политических партий могут быть выявлены нарушения, за которые следует административная ответственность. Кодекс об административных правонарушениях РФ в качестве одного из субъектов административного правонарушения называет юридическое лицо. Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность.

КоАП РФ предусматривает исчерпывающий перечень мер административной ответственности, возможность применения которых допускается по отношению к юридическому лицу (в том числе политическим партиям): предупреждение, административный штраф, возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения. Абсолютное большинство правонарушений, служащих основанием такой ответственности, связаны с обязанностями политической партии в избирательном процессе.

К политической партии как организации так же применима административная ответственность по ч. 1

ст. 19.5 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность в виде административного штрафа за невыполнение в установленный срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственного надзора (контроль), об устранении нарушений законодательства.

Для партии, которая выступает в качестве средства реализации прав индивида, также возможно применение мер административной ответственности. Некоторые из административных правонарушений, служат основанием такой ответственности по ст. 5.17. «Непредоставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, референдума», ст. 5.18. «Незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума».

Таким образом, межотраслевой институт юридической ответственности политических партий составляют нормы конституционного, административного, финансового и гражданского права. В административном, конституционном, гражданском существуют отраслевые институты юридической ответственности, которые являются сердцевинной отрасли права и обеспечивают действие иных правовых институтов [13]. В данном случае мы говорим об институте юридической ответственности в рамках той или иной отрасли права. Институт юридической ответственности политических партий относится к группе функциональных, обслуживающих различные отрасли права, он осуществляет «сквозную» регламентацию важнейших положений, связанных с привлечением правонарушителей к юридической ответственности. Вместе с тем в известном смысле его можно представить и как предметный институт. Так, предметом регулирования указанного института являются конфликтные, негативные, деликтные отношения,

Одновременно в предмет регулирования такого института входят и не конфликтные отношения. Включение в предмет регулирования института юридической ответственности политических партий отношений, не связанных с юридическим фактом правонарушения, обусловлено широким пониманием юридической ответственности, включающим как позитивный, так и негативный аспекты, и обоснованием наличия регулятивной функции юридической ответственности.

Реализация регулятивной функции служит предпосылкой возникновения других функций юридической ответственности. Регулятивное воздействие юридической ответственности политических партий образуется из регулятивно-статической и регулятивно-динамической подфункций. Если первая закрепляет существующие общественные отношения, то вторая направлена на развитие, изменение и совершенствование существующих отношений [14]. Воздействие регулятивно-статической функции связано с установлением правовых норм и отражением в них вариантов ответственного и правомерного поведения. Институту юридической ответственности политических партий в большей степени свойственна регулятивно-динамическая подфункция, заключающаяся в развитии динамики и способствовании нормальному функционированию общественных отношений.

По нашему мнению, юридическая ответственность

политических партий – это охранительно-регулятивный институт права. Охранительно-регулятивным он является ещё и потому, что упорядочивает реакцию уполномоченных органов на совершенное правонарушение.

Межотраслевые функциональные институты возникают на стыке нескольких как разнородных, так и смежных отраслей права и направлены на регламентацию общественных отношений, которые являются схожими по виду или типу. Наиболее отчетливо межотраслевой и функциональный характер института юридической ответственности политических партий проявляется в регламентации им правоотношений юридической ответственности, возникающих из юридического факта правонарушения. Охранительные отношения юридической ответственности политических партий могут быть гражданско-правовыми, конституционными, финансово-правовыми. Несмотря на их различную отраслевую природу, все они обладают рядом общих признаков, которые позволяют объединить их в один род. Во-первых, в основании их возникновения находится юридический факт правонарушения, совершенный политической партией. Во-вторых, метод регулирования таких отношений императивный. В-третьих, это материальное правоотношение. В-четвертых, это властеотношение, в рамках которого государство в лице уполномоченных органов имеет право требовать, а обязанная сторона должна подчиниться и претерпеть правоограничения, предусмотренные санкцией нормы права. В-пятых, в рамках таких правоотношений происходит реализация мер юридической ответственности [15].

Следующий признак, характерный для института юридической ответственности, заключается в наличии системы однотипных норм – норм юридической ответственности, в санкциях которых сформулированы меры юридической ответственности. Особое значение этот признак приобретает для субинститутов юридической ответственности, входящих в структуру института юридической ответственности. Субинститут должен состоять из совокупности взаимосвязанных норм, а не из одной или нескольких норм. Выше нами были проанализированы нормы конституционной, административной, финансово-правовой, гражданско-правовой, которые составляют соответствующие субинституты в рамках межотраслевого института юридической ответственности политических партий.

Итак, институт юридической ответственности политических партий – это межотраслевой, функциональный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на общественные отношения в сфере деятельности политических партий, а в случае их нарушения регулирующий отношения ответственности политических партий, возникающие из юридического факта правонарушения. В структуру института юридической ответственности политических партий входит часть норм, закрепляющих конституционную, административную, финансово-правовую и гражданско-правовую ответственность. Одновременно данные части выступают подсистемами (субинститутами) юридической ответственности политических партий. При этом в полном объеме конституционная, административная, финансово-правовая и гражданско-правовая ответственность не входят в структуру института юридической ответственности политической партии.

Системность института юридической ответственности политических партий подчеркивают наличие связей координации, субординации между входящими в его структуру субинститутами конституционной, административной, финансово-правовой и гражданско-правовой ответственности, а также в общие принципы, цели, задачи и функции.

Политическая партия – субъект конституционной, административной, финансово-правовой и гражданско-правовой ответственности. Данные виды ответственности различаются по фактическим и формальным основаниям, порядку реализации, юридическим последствиям, особенностям санкций. Одновременно политическая партия является субъектом неюридических видов социальной ответственности – моральной, корпоративной, политической, которые находятся во взаимодействии с юридическими видами ответственности политических партий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 55.
2. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. С. 132.
3. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 45.
4. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. С. 31-47; Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. 2000. № 6. С. 12-13; Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2. С. 27-37 и др.
5. СЗ РФ. 16.07.2001. № 29. Ст. 2950.
6. Джалилов Э.А. Конституционно-правовая ответственность политической партии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 59.
7. Джалилов Э.А. Конституционно-правовая ответственность политической партии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 60.
8. СЗ РФ. 2002. №30. Ст. 3031.
9. Джалилов Э.А. Административные права политической партии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 94.
10. См., например: Большой юридический энциклопедический словарь. Автор и составитель А.Б. Барихин. М., 2000. С. 120.
11. Ермаков А.Д. Политические партии – институт конституционного строя РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 226.
12. Джалилов Э.А. К вопросу о правовом статусе политической партии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 38.
13. Джалилов Э.А. Юридическая ответственность политических партий в Российской Федерации // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Тольятти, 2012. С. 58.
14. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. С. 97.
15. Липинский Д.А. Принципы и правоотношения юридической ответственности. М.: Nota Bene, 2003. С. 40 и сл.

LEGAL RESPONSIBILITY OF POLITICAL PARTIES AS INTERDISCIPLINARY LAW INSTITUTE

© 2014

Dhalilov E.A., candidate of Law, associate professor of the Department “Entrepreneur and labor law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The legal responsibility of the political parties in the various branches of Russian law. Particular attention is paid to the delimitation of the constitutional and legal sanctions and administrative responsibilities of parties.

Keywords: political party, the legal responsibility of the political parties, the constitutional responsibility of political parties, the administrative responsibility of political parties, Law Institute.

УДК 341

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© 2014

Джалилов Э.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»

Козлова Е.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Рассматривается эволюция российского законодательства в сфере охраны товарных знаков в дореволюционный период. Рассмотрены основные положения законодательных актов с XVII века до 1917 г.

Ключевые слова: товарный знак, право на товарный знак, правовая охрана товарного знака, объект интеллектуальной собственности.

Обозначения, использовавшиеся в качестве средства индивидуализации товаров и услуг, российскому праву известны с XVII века. Становление и развитие правовой охраны товарных знаков исследователи традиционно начинают с норм о клеймении продукции, содержащихся в Новоторговом уставе, принятом 22 апреля 1667 г. при царе Алексее Михайловиче[1]. По мнению А.Л. Павлинской, в условиях того времени клеймо на продукции свидетельствовало о надлежащей уплате таможенных пошлин и дозволенности обращения товара в гражданском обороте[2]. В 1744 г. был издан первый в России правительственный Указ об обязательном клеймении всех русских товаров особыми фабричными знаками. Данный указ не содержал норм об ответственности за его неисполнение, в связи с чем в 1753 г. был издан Указ «О подтверждении, чтобы фабриканты печатали на товарах своих клейма на обоих концах каждой штуки», за неисполнение которого устанавливался денежный штраф.

Появление первых правовых норм, регулирующих отношения по охране товарного знака в России связано с развитием капиталистического способа производства в XIX веке[3]. 5 февраля 1830 г. был принят закон «О товарных клеймах», который обязал владельцев шляпных, суконных и других фабрик иметь прочные клейма, а для других категорий фабрикантов была предусмотрена свобода выбора в клеймении своей продукции. При этом указанный закон предоставлял льготы при прохождении таможи клеймённым товарам. Клеймо должно было содержать обозначение имени и фамилии фабриканта, место нахождения предприятия. Изделия, подлежащие клеймению, были разделены на 43 группы. Для каждой группы был приведен перечень и образцы представляемых изделий, а также правила нанесения клейм[4].

Данный закон, по мнению И. А. Близнаца, в силу новизны предмета регулирования «носил довольно общий характер и не давал чёткого определения товарного клейма»[5]. Справедливо заметить, что указанный закон содержал дефиницию товарного знака, которая и в настоящее время, во многом, отражает сущность данного

объекта интеллектуальной собственности.

В 1896 г. указанный закон был усовершенствован и изменил название на закон «О товарных знаках (фабричных и торговых марках и клеймах)». Закон 1896 г. понимал под товарным знаком «всякого рода обозначения, выставляемые промышленниками и торговцами на товарах или на упаковке и посуде, в коих они хранятся для отличия оных от товаров других промышленников и торговцев»[6].

В качестве товарных знаков могли быть заявлены клейма, пломбы, печати, тавра, вытканые и вышитые мешки, этикетки, виньетки, девизы, ярлыки, обложки, рисунки, упаковки оригинальных видов. В соответствии с данным законом и изданными на его основе Правилами запрещалось использование товарных знаков с надписями и изображениями, противоречащими общественному порядку, нравственности или благопристойности. Также запрещалось использование товарных знаков с заведомо ложными или имеющими целью ввести в заблуждение покупателя надписями и изображениями, с изображениями, дарованными промышленнику или торговцу знаками отличия, предназначенных для ношения, а также с изображением наград и почётных отличий без обозначения года их получения. Было также установлено, что не могут быть зарегистрированы товарные знаки, недостаточно отличающиеся от знаков, представленных в исключительное пользование другим промышленникам или торговцам для однородных товаров. Также не регистрировались товарные знаки, вошедшие во всеобщее употребление для обозначения товаров известного рода. Кроме этого, указанный закон содержал требования к оригинальности товарного знака. Так, например, не подлежали регистрации товарные знаки, состоящие из отдельных цифр, букв или слов, которые по своему виду, расположению и сочетанию не представляли отличительного знака.

Рассматриваемый закон содержал указания на обязанности владельцев товарных клейм, а также устанавливал ответственность за подделку чужого клейма.

Исключительное право на товарный знак подтверждалось свидетельством, которое выдавалось после проверки соответствующей заявки Департаментом торговли и мануфактур. Владельцу разрешалось пользоваться своим товарным знаком и выставлять его на товарах и упаковке, преискурантах и бланках. Свидетельство давало право проставлять товарный знак только на товарах определённого рода. Срок действия свидетельства устанавливался по желанию заявителя от одного года до десяти лет, считая со дня выдачи свидетельства. По истечении срока действия свидетельство могло быть продлено на новый срок. Законодательством устанавливались основания прекращения действия свидетельства и права исключительного пользования товарным знаком. В их числе – просьба владельца или прекращение деятельности самого предприятия, истечение срока действия свидетельства, недоведение до сведения Департамента информации об отчуждении предприятия или сдачи его в аренду в течение шести месяцев с даты совершения сделки, а также решение суда, в котором установлено, что лицо, получившее свидетельство, не имеет право его исключительного использования[7]. Данный закон действовал в России до смены общественно-политического строя в 1917 г.

Таким образом, дореволюционное законодательство в сфере охраны товарных знаков было направлено, на

разграничение товаров по производителям для облегчения ориентации потребителей в схожей продукции, а также для стимулирования производителей товаров к уплате таможенных платежей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Свод законов Российской Империи. – М., 1912. Т. 1. // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/>
2. Павлинская А.Л. Товарный знак. – Л., 1974. С. 24.
3. Гогин А.А., Джалилов Э.А., Козлова Е.А. О признаках объекта авторского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. №2. С. 34.
4. Панкова М.Н. Эволюция и развитие законодательства о средствах индивидуализации в России / Вестник Военного университета. 2011. №3(27). С.158.
5. Право интеллектуальной собственности: учеб. / И.А. Близнац, Э.П. Гаврилов, О.В. Добрынин и др.; под ред. И.А. Близнаца. – М.: Проспект, 2010. С.326.
6. Рыбкин В. Закон Российской империи 1896 г. о товарных знаках /В. Рыбкин. – Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2006. – № 2. – с. 48-56.
7. Свод законов Российской Империи. – М., 1912. Т. 1. // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/>

LEGAL REGULATION OF TRADEMARK PROTECTION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

© 2014

Dhalilov E.A., candidate of Law, associate professor of the Department “Entrepreneur and labor law”

Kozlova E.A., candidate of Law, associate professor of the Department “Entrepreneur and labor law”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The evolution of the Russian legislation on the protection of trademarks in the pre-revolutionary period . The main provisions of legislation from the XVII century to 1917

Keywords: trademark, trademark right, the legal protection of a trademark, intellectual property object .

НАШИ АВТОРЫ

Александров Илья Андреевич, аспирант

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: (8482)539428

Антошкина Анастасия Валерьевна, студент

Адрес: Тольяттинский государственный университет, Институт права, 445020, Россия, г.Тольятти, ул.Ушакова 57
Тел.: 8(909)363-49-00
E-mail: anastasia.gerda@yandex.ru

Варданян Вардан Манукович, аспирант Европейской региональной образовательной академии

Адрес: Европейская региональная образовательная академия, 0037, Армения, Ереван, ул. Д. Анахта 10/1-10/4
Тел.: (+374 10) 24-63-71
E-mail: crimlaw.rau@mail.ru

Веселова Олеся Сергеевна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59
Тел.: +79297115516
E-mail: jlucehok163@yandex.ru

Воробьева Ольга Александровна, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: 89093653092
E-mail: pravo.66@mail.ru

Гавронов Андрей Александрович, студент

Адрес: Тольяттинский государственный университет, Институт права, 445020, Россия, г.Тольятти, ул.Ушакова 57
Тел: 89171251844
E-mail: gavronovandrey@mail.ru

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук председатель научно-аналитического совета «Уголовное правосудие», Юридический офис «Либра лигл эйд»

Адрес: 0002, Республика Армения, Ереван, ул. Григора Лусаворича 12.
Тел.: +374 77 56 00 80
E-mail: Artur.ghambaryan@gmail.com

Гежгян Арам Самсонович, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета. Главный специалист юридического управления при Президенте РА.

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина 123.
Тел.: (+374 10) 22-92-44
E-mail: a.gyozhgyan@president.am

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и трудового права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: 8 (8482) 53-94-34
E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Джалилов Элвис Алимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: 8 (8482) 53-94-34
E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Ерзикова Елизавета Андреевна, студент

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: 89093640558
E-mail: lizavetik1993@mail.ru

Запорощенко Алексей Михайлович, студент

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.:89372190244
E-mail: alexei.zaporoschenko@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

Зограбян Наира Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры Уголовного права и уголовно-процессуального права, докторант Российско-Армянского (Славянского) университета
Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина 123.
Тел.: (+374 10) 22-92-44
E-mail: crimlaw.rau@mail.ru.

Иванов Виталий Валентинович, магистрант
Адрес: Россия, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Ленина 59-1
Тел.: 88423563223
E-mail: Ivanov.vv@mail.ru

Кабанов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права»
Адрес: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 445667, Россия, Тольятти, ул. Белорусская 3-а
Тел.: (8482) 54-94-34, E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Козлова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: 8 (8482) 53-94-34
E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Кривицкий Виталий Вячеславович, преподаватель
Адрес: ГБПОУ Тольяттинский химико-технологический техникум, 445000, Россия, Тольятти, ул. Новозаводская 39
Тел.: +79879664962
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Луцкая Татьяна Андреевна, магистр
Адрес: Тольяттинского Государственного университета, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: (8482) 539428

Лучков Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: (8482) 54-94-34
E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Мелкумян Марат Гаврушевич, аспирант Самарской гуманитарной академии.
Адрес: Самара, ул. Дыбенко, 21.
E-mail: Melkuman33@yandex.ru

Микелсоне Гундега Висвалдовна, магистр филологии, магистр юриспруденции, докторант Латвийского Университета, юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»
Адрес: бюро присяжных адвокатов «Центрс», Латвия, Рига, ул. А. Чака, 55, офис 228, LV-1011
Тел. +37126450188
E-mail: gundegai.mikelsonei@gmail.com

Николаева Мария Юрьевна, магистрант кафедры «Уголовный процесс и криминалистика» Тольяттинского Государственного Университета, Тольятти (Российская Федерация)
Адрес: Тольяттинский Государственный Университет, 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Телефон: +7927 774 21 93
E-mail: khaibit13@gmail.com

Оганесян Анна Армановна, слушатель школы Прокуратуры РА, «Школа прокуратуры РА»
Адрес: 0005, Республика Армения, г. Ереван, ул. Тиграна Метц, 50
Тел.: +374 91 93 77 66
E-mail: Annabell.hovhannisyan@gmail.com

Ожегова Галина Аркадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: (8482) 53-94-17

НАШИ АВТОРЫ

Поплавская Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Адрес: Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского 410021,

г. Саратов, Астраханская 83

Тел. (8452) 21-36-65

E-mail: poplavskayann@mail.ru

Путилкин Павел Алексеевич, священник

Адрес: Россия, г. Ульяновск

Тел.: (8482) 54-94-34

E-mail: putilkin@rambler.ru

Репетева Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой «Предпринимательского и трудового права»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: (8482)54-63-91

E-mail: orepeteva@mail.ru

Савельев Юрий Михайлович, аспирант кафедры теории государства и права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: 8-927-610-15-49, 76-65-05

E-mail: yusproc@gmail.com

Сафонова Юлия Олеговна, магистр

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Ушакова 57

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: 79608371566@ya.ru

Святкин Максим Васильевич, УВД Ставропольского района Самарской области, инспектор.

Адрес: 445000. г. Тольятти, ул. Лесная 145.

E-mail – cbtkin@mail.ru

Сланьке Гундега, дипл. филолог, магистр юриспруденции, докторант Юридического факультета Латвийского Университета, юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»

Адрес: бюро присяжных адвокатов «Центрс», Латвия, Рига, ул. А.Чака, 55, офис 228, LV–1011

Тел.: +37126450188

E-mail: gundega.slanke@gmail.com

Снежко Александр Сергеевич, помощник депутата Думы г.о. Тольятти.

Адрес: г.Тольятти, пл. Центральная, д. 4.

E-mail snegko@mai.ru

Станкин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: 8 (8482) 53-94-34

E-mail: ans77@list.ru

Степанова Вера Владимировна, аспирант

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: 8-917-970-19-91, 76-65-05

E-mail: lawboxer@gmail.com

Тугушева Елена Викторовна, следователь Саратовской области СУ МУ МВД «Энгельское»

Адрес: 410105, г. Энгельс, ул. Телеграфная 1

Тел. 8-927-227-7069

E-mail: m535mc@rambler.ru

НАШИ АВТОРЫ

Фролов Максим Васильевич, адвокат Самарской коллегии адвокатов, магистрант

Адрес: 445000, Тольятти, Ушакова 57.

Email: mv.frolov@yandex.ru

Харланова Светлана Юрьевна, магистрант, заместитель генерального директора ФГБУЗ «Клиническая больница №172 ФМБА России»

Адрес: Россия, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Бретская 13-2

Тел.: 88423556171

E-mail: hsu73@mail.ru

Хаснутдинов Ренат Рафаильевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры «Государственно-правовые дисциплины»

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, Самара, ул. Рыльская, д.24в

Тел.: 8(846) 2056724

E-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора института права по НИР

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: (8482) 53-92-26

E-mail: jus@tltsu.ru

Цагикян Степан Шантович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовного права и уголовно-процессуального права» Российско-Армянского (Славянского) университета

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Армения, Ереван, ул. О. Емина 123.

Тел.: (+374 10) 22-92-44

E-mail: crimlaw.rau@mail.ru.

Чуклова Елена Валериевна, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59

Тел.: +79171218057

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Чурюкина Елена Михайловна, студент

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: 89277778023

E-mail: lena.churyukina@mail.ru

Юмаева Рашида Рашидовна, магистрант, старший инспектор Автозаводского отдела судебных приставов УФССП России по Самарской области

Адрес: Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Мира 67-17

Тел.: 88482549401

E-mail: umaе@mail.ru

Янгунаева Юлия Иршатовна, студент

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57

Тел.: 89376622885

E-mail: Julyaboo13@yandex.ru

OUR AUTHORS

Alexandrov Ilya Andreevich, postgraduate student

Address: Togliatti state University, 445667, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 57

Phone: (8482)539428

Antoshkina Anastasia Valeryevna, student

Address: Togliatti state University, Institute of law, 445020, Russia, Togliatti, oushakov 57

Phone: 8(909)363-49-00

E-mail: anastasia.gerda@yandex.ru

Vardanyan Vardan Manuk, postgraduate student, European regional educational Academy

Address: European regional educational Academy, 0037, Yerevan, Armenia, Ul. D. Anhaght 10/1-10/4

Phone: (+374 10) 24-63-71

E-mail: crimlaw.rau@mail.ru

Veselova Olesya Sergeevna, graduate student of chair of Civil law and process

Address: Togliatti state University, 445667, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 59

Phone: +79297115516

E-mail: jlucehok163@yandex.ru

Vorobyeva Olga Aleksandrovna, associate Professor of the Department of Entrepreneurial and labour law»

Address: Togliatti state University, 445020, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 57

Phone: 89093653092

E-mail: pravo.66@mail.ru

Gavrikov Andrey Aleksandrovich, a student

Address: Togliatti state University, Institute of law, 445020, Russia, Togliatti, oushakov 57

Tel: 89171251844

E-mail: gavronovandrey@mail.ru

Ghambaryan Arthur Shirokanov, doctor of juridical Sciences, Chairman of the scientific-analytical Board of «Criminal justice»,
Juridical office «Libra legal aid»

Address: 0002, Republic of Armenia, Yerevan, St. Grigor Lusavorich 12.

Phone: +374 77 56 00 80

E-mail: Artur.ghambaryan@gmail.com

Gergen Aram Samsonovich, the competitor of a scientific degree of candidate of legal Sciences, Department of criminal law and criminal procedure law of the Russian-Armenian (Slavonic) University. Chief specialist of the legal Department at the RA President.

Address: Russian-Armenian (Slavonic) University, 0051, Armenia, Yerevan, Ul. O. Emin 123.

Phone: (+374 10) 22-92-44

E-mail: a.gyozhgyan@president.am

Gogin Aleksandr Aleksandrovich, doctor of legal Sciences, associate Professor, Professor of the Department of business and labor law

Address: Togliatti state University, 445667, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 57

Phone: 8 (8482) 53-94-34

E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Jalilov Elvis Alimovich, candidate of legal Sciences, the docent of the Department of Entrepreneurial and labour law»

Address: Togliatti state University, 445667, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 57

Phone: 8 (8482) 53-94-34

E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Artikova Elizabeth Andreevna, student

Address: Togliatti state University, 445667, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 57

Phone: 89093640558

E-mail: lizavetik1993@mail.ru

Superamento Alexei Mikhailovich, student

Address: Togliatti state University, 445020, Russia, Tolyatti, Ushakova street, 57

Phone: 89372190244

E-mail: alexei.zaporoschenko@yandex.ru

OUR AUTHORS

Zohrabyan Naira Yu, PhD, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law, a doctoral student of Russian-Armenian (Slavonic) University

Address: Russian-Armenian (Slavic) University, 0051, Armenia, Yerevan, H. Emin 123.

Tel.: (+374 10) 22-92-44 begin_of_the_skype_highlighting (+374 10) 22-92-44 end_of_the_skype_highlighting

E-mail: crimlaw.rau @ mail.ru.

Ivanov Vitaliy Valentinovich, undergraduate

Address: Russia, Ulyanovsk region., Dimitrovgrad, ul. Lenin 59-1

Tel.: 88423563223

E-mail: Ivanov.vv @ mail.ru

Kabanov Pavel Alexandrovich, candidate of legal Sciences, associate Professor of the chair «Theory and history of state and law»

Address: Vólzhsky University. V.N. Tatishchev, 445667, Russia, Tolyatti, Ul. the Belarusian 3-a

Tel.: (8482) 54-94-34

E-mail: kafedra.tgp @ yandex.ru

Kozlova Elena Anatolievna, PhD, associate professor of « Entrepreneur and Employment Law »

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57

Tel.: 8 (8482) 53-94-34

E-mail: kafedra.tgp @ yandex.ru

Krivickij Vitaliy V., teacher

Address: GBPOU Togliatti Chemical Engineering College, 445000, Russia, Togliatti, st. Novozavodskaya 39

Tel.: +79879664962

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Luzkaya Tatiana Andreevna, Master

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, ul. Ushakova, 57

Tel.: (8482) 539428

Luchkov Vladimir Viktorovich, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department «Theory of state and law»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57

Tel.: (8482) 54-94-34

E-mail: kafedra.tgp @ yandex.ru

Melkumian Marat Gavrushevich, a graduate student Samara Humanitarian Academy.

Address: Samara, ul. Dybenko 21.

E-mail: Melkuman33@yandex.ru

Mikelsone Gundega Visvaldovna, Master of Philology, Master of Law, University of Latvia, doctoral student, lawyer Attorneys at Law «Tsentr»

Address: Attorneys at Law «Tsentr», Riga, Latvia, st. A. Chaka, 55, office 228, LV-1011

Tel. +37126450188

E-mail: gundegai.mikelsonei @ gmail.com

Nikolaev Maria Y., undergraduate department «Criminal Procedure and Criminalistics»

Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, st. Belarusian, 14

Telephone: +7927 774 21 93

E-mail: khaibit13@gmail.com

Hovhannisyan Anna Armanovna listener school Prosecutor's Office, «School Prosecutor's Office»

Address: 0005, Republic of Armenia, Yerevan, str. Tigran Metz, 50

Tel.: +374 91 93 77 66

E-mail: Annabell.hovhannisyan @ gmail.com

Ozhegova Galina Arkadevna, PhD, assistant professor of «Theory of State and Law»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57

Tel.: (8482) 53-94-17

OUR AUTHORS

Poplavskaja Natalia Nikolaevna, PhD, assistant professor of criminal law, criminal law and criminology executive

Address: Saratov State University, NGChernyshevsky 410021, Saratov, Astrakhan 83

Tel. (8452) 21-36-65

E-mail: poplavskayann@mail.ru

Putilkin Pavel Alekseevich, priest

Address: Russia, Ulyanovsk

Tel.: (8482) 54-94-34

E-mail: putilkin@rambler.ru

Repeteva Olesya Evgenyevna, PhD, Associate Professor, Acting Head of the Department of Business and Labor Law

Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, st. Ushakov, 57

Tel. : (8482) 54-63-91

E-mail: orepeteva@mail.ru

Savelyev Yuriy Mihailovich, Postgraduate Department of Theory of State and Law

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti,

Str. Ushakov, 57

Tel. : 8-927-610-15-49

E-mail: yusproc@gmail.com

Safonova Julia Olegovna, Master

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov 57

Tel. : (8482) 53-93-65

E-mail: 79608371566@ya.ru

Svyatkin Maxim Vasilievich, ATC Stavrapolskogo region of Samara region, Inspector.

Address: 445000, Togliatti, st. Forest 145.

E-mail - cbtkin@mail.ru

Slanke Gundega, Dipl. philologist, Master of Law, Faculty of Law doctoral student, University of Latvia, Lawyer Attorneys at Law «Tsentr»

Address: Attorneys at Law «Tsentr», Riga, Latvia, st. A. Chaka, 55, office 228, LV-1011

Tel. : +37126450188

E-mail: gundega.slanke@gmail.com

Snezhko Alexander Sergeevich, assistant deputy Duma GO Togliatti.

Address: Togliatti, pl. Central, 4.

E-mail cnegko@mai.ru

Stankin Alexey Nikolaevich, PhD, assistant professor of «Theory of State and Law»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57

Tel. : 8 (8482) 53-94-34

E-mail: ans77@list.ru

Stepanova Vera Vladimirovna, graduate student of the theory of state and law

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Str. Ushakov, 57

Tel. : 8-917-970-19-91

E-mail: lawboxer@gmail.com

Tugusheva Elena Viktorovna, investigator Saratov region SU MOU MIA «Engels»

Address: 410105, Engels Str. telegraph

Tel. 8-927-227-7069

E-mail: m535mc@rambler.ru

Frolov Maxim Vasilievich, a lawyer of the Bar Samara, undergraduate

Address: 445000, Togliatti, Ushakov 57.

Email: mv.frolov@yandex.ru

Harlanova Svetlana Yurievna , undergraduate , Deputy Director General FGBUZ «Clinical Hospital № 172 FMBA of Russia»

Address: Russia, Ulyanovsk region , , Dimitrovgrad , ul. Breti 13-2

Tel. : 88423556171

E-mail: hsu73@mail.ru

Hasnutdinov Renat Rafailevich , PhD , Deputy Head of the Department « Public legal discipline»

Address: Samara Law Institute FSIN of Russia , 443022 , Russia , Samara, ul. Rylyskaya , d.24v

Tel. : 8 (846) 2056724

E-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Hachaturov Rudolph Levonovich, LL.D. , professor, deputy director of the Institute for Research rights

Address: Togliatti State University, 445667 , Russia , Togliatti, st. Ushakov , 57

Tel. : (8482) 53-92-26

E-mail: jus@tltsu.ru

Tsagikyan Stepan Shantovich, Doctor of Law, Professor, Head of «Criminal Law and Criminal Procedure Law» Russian-Armenian (Slavonic University

Address: Russian-Armenian (Slavic) University , 0051 , Armenia , Yerevan, . Emina O. 123.

Tel. : (+374 10) 22-92-44

E-mail: crimlaw.rau @ mail.ru.

Chuklova Elena Valerievna, Associate Professor of « Entrepreneur and Employment Law «

Address: Togliatti State University, 445667 , Russia , Togliatti, st. Ushakov , 59

Tel. : +79171218057

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Churyukin Elena, student

Address: Togliatti State University, 445020 , Russia , Togliatti, st. Ushakov , 57

Tel. : 89277778023

E-mail: lena.churyukina @ mail.ru

Yumaev Rashid Rashidovna, graduate , senior inspector of Avtozavodsky bailiffs UFSSP Russia in Samara region

Address: Russia , Samara region, Togliatti, st . world 67-17

Tel. : 88482549401

E-mail: umae@mail.ru

Yangunaeva Julia Irshatovna, student

Address: Togliatti State University, 445020 , Russia , Togliatti, st. Ushakov , 57

Tel. : 89376622885

E-mail: Julyaboo13@yandex.ru